

Я ННЕ ХОТЕЛА

УМИРАТЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Татьяна Родина

Татъяна Родина
Я не хотела умирать

«Автор»

2020

Родина Т.

Я не хотела умирать / Т. Родина — «Автор», 2020

Они познакомились, когда ей было 5, ему — 10. Притянувшись как близнецы, они больше не расставались. Она — верная любящая жена, он — безумно влюбленный в нее муж, они — красивые, богатые, счастливые, их идеальному браку завидуют окружающие. Но как только закрываются двери, сказка оборачивается кошмаром, и она остается один на один со зверем. Жестокость соседствует с безумной любовью, правда спрятана во лжи и надеяться нельзя ни на что, ведь, оказывается, даже собственная память тебя подводит. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1.	6
Глава 1. Погасший свет	6
Глава 2. Качели	11
Глава 3. Пазл	17
Глава 4. Гена и Чебурашка	21
Глава 5. Маленький принц	27
Глава 6. Зависимость	34
Глава 7. Плаза	43
Глава 8. Каберне	51
Глава 9. Злая сказка	55
Глава 10. Иллюзия	63
Глава 11. Зазеркалье	74
Глава 12. Гитарник	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Татьяна Родина

Я не хотела умирать

#ЯНеХотелаУмирать – флешмоб, запущенный Александрой Митрошиной и Алёной Поповой в поддержку закона о домашнем насилии. К акции присоединились десятки тысяч человек по всей России, решившие не молчать, уставшие закрывать глаза и желавшие поделиться своей болью...

Предисловие

По данным ВОЗ каждая третья женщина в мире подвергалась физическому или сексуальному насилию. Одним из самых недооценённых преступлений является домашнее насилие, так как жертвы крайне редко о нём сообщают, а обратившись, практически не получают помощи.

О нём не принято говорить в обществе.

Его стыдно и больно признавать жертвам.

От него не хочет защищать государство.

Поэтому, за красивыми фасадами идеальной семейной жизни порой скрывается слишком много тайн...

Часть 1.

Глава 1. Погасший свет

«Задумываясь о том, когда же всё началось, я понимаю, что была обречена с самого рождения. Порой мне кажется, умри я тогда, в перепутавшейся пуповине, это было бы куда большим счастьем для меня, чем та жизнь, что вырвали у смерти врачи-неонатологи...

Радости отца от моего появления на свет не было предела, состояние эйфории старательно поддерживала бутылка, и работу после месячного запоя он потерял. Из роддома мама возвращалась одна, трясась со мной на руках в переполненном автобусе. Дома её встретила гора пустых бутылок и таких же стеклянных собутыльников.

Считается, что дети не помнят первые три года своей жизни. Моя память настолько великодушна, что я не помню целых пять. Поэтому не знаю, отразилось ли на мне то, как отец в мои полгода в очередном пьяном угаре пробил маме голову о батарею. Её тогда чудом спасли. Повезло, что вовремя пришла на шум соседка и вызвала скорую. Она заботилась обо мне, пока мама была в больнице. Чудная тётя Надя.

Мама никогда об этом не рассказывала. И обо всём я узнавала, подслушивая их кухонные разговоры с тётей Надей.

А потом, когда стала старше, мы с мамой любили плести друг другу косы, и я всё время наткалась на этот шрам в её волосах. При виде него моё тело инстинктивно съёживалось, и, поднимая глаза на висевшее перед нами зеркало, я видела в отражении своё уродливо перекошенное лицо.

– Простите, может быть, вам лучше принести кружку?

Я отбросила ручку в сторону и подняла глаза. Передо мной стоял юный бариста, в руках он держал поднос с ароматным кофе. Я не сразу догадалась, к чему он это спрашивает, но, взглянув на свои перебинтованные пальцы правой руки, всё поняла. Я пыталась выпить латте, пока писала, но взять стакан перебинтованной рукой оказалось не так-то просто.

– Нет, спасибо, думаю, справлюсь, – вежливо улыбнулась я.

– Но если вдруг нужна будет помощь – обращайтесь, никто отсюда, не выпив кофе, не уходит.

Я обхватила стакан двумя руками и, глотнув, в блаженстве закрыла глаза. Вкус был божественен. Я не любила кофе, но здесь соблазн попробовать был настолько силён, что даже самый рьяный чайный благочестивец не сможет устоять.

Перечитав свои каракули, я не могла не похвалить себя: писать левой рукой получалось уже весьма недурно, приятно было вообразить себя амбидекстром, но я им не была, как и многим другим, что старательно разыгрывала на людях. Писать левой рукой была необходимость, пока правая играла свою роль – роль лжеца.

Стояло позднее лето, ветер ещё не был так безжалостно холоден, но заметная дрожь пробежала по моему телу под его потоками. Дурная привычка одеваться не по погоде. К счастью, такси приехало быстро. Я откинулась на спинку сидения и смотрела в окно, провожая взглядом редкие медленно стекающие по стеклу дождевые капли.

Я стянула повязку с руки, обручальное кольцо блеснуло россыпью бриллиантов. Кольцо от Тиффани. Я никогда не думала о том, сколько же оно стоит, но старательно задавалась вопросом, как же его снять. Я сжала палец. Он словно специально заказал его на полразмера меньше. Мыло от «COR», аргановое масло были так же бесполезны в попытках его снять, как и их бедные собратья с прилавков массмаркетов. Я раздирала в кровь палец, а кольцо так и оставалось сиять в своей нерушимой безупречности. Единственным способом хоть на время

избавиться от его навязчивого присутствия была повязка. Не видя его, я могла на время забыть ту боль, что пропитала наш брак до самого основания.

– Музыка не мешает? – поинтересовался водитель.

– Что, простите? – не сразу вынырнув из водоворота своих мыслей, переспросила я.

– Музыка, говорю, неподходящая, наверное.

Я улыбнулась.

– Всё в порядке.

Если бы меня могла волновать неподходящая музыка.

Машина подъехала к воротам.

– Не заезжайте, – выходя из машины, бросила я. – Вот, возьмите, сдачи не нужно.

Дождь закончился. Роскошный коттедж искрился на солнце белыми фасадами.

Я постояла пару минут перед воротами, наблюдая, как такси разворачивается, и, набрав в грудь побольше воздуха, вошла внутрь.

Вешая плащ в прихожей, услышала голоса из столовой. Он был как всегда небрежно мил с нашей домработницей, она застенчиво смеялась его шуткам, отвечая невпопад на заданные вопросы. Он был умен, а она – глупа, он был вежлив, а она – слепа и не замечала его пренебрежения.

– Дорогая, наконец-то, – нежно промолвил он, целуя меня в губы.

– Здравствуй, милый, – я улыбнулась ему в ответ.

– Я вижу, опять такси, – глядя мои волосы, произнёс он.

– Да.

– А как же личный водитель?

– Решила, на такси удобнее.

Он рассмеялся и, повернувшись к домработнице, произнёс:

– Наташа, вы только послушайте, такси стало удобнее личного транспорта. Спасибо, что не маршрутка, милая.

Наташа рассмеялась ему в ответ, бросая на меня робкий взгляд. Я кротко улыбнулась всеобщему смеху и взяла в рот виноградину.

– Привычки бедной жизни ничем не выбьешь, да, милая?

Я поёжилась, он по-прежнему улыбался, разговаривая больше с Наташей, чем со мной, но я почувствовала это, холодные нотки в его голосе сквозняком пронеслись по мне. За десять лет брака я слишком хорошо изучила своего мужа и вот сейчас точно была уверена, что он не в духе. Я балансировала на краю, неверный взгляд, жест, слово, и всё полетит в тартарары.

Мы сели ужинать, он отпустил Наташу домой.

– Как прошёл твой день? – любезно поинтересовалась я, накладывая щипцами салат.

– Как всегда суматошно. Переговоры, контракты, скверный кофе. А у тебя? Чем сегодня занималась?

– Да так, особо ничем. Сидела в кофейне.

– Весь день? – он недоумённо вскинул бровь.

– Сама не понимаю, как так быстро пролетело время.

Остальную часть ужина мы провели почти в полном молчании, лишь изредка обмениваясь обрывками фраз о вкусе блюд и погоде за окном. Сегодня только молчание могло стать нашим спасением.

– Как всегда неотразима, – прошептал он, целуя меня в шею. Его руки нежно скользили по моей талии.

Я посмотрела на наше отражение в зеркале: элегантное длинное чёрное платье, изысканный интерьер ванной, жадно вдыхающий мой запах муж. Картинка была совершенна, как в

самых дорогих голливудских фильмах. Я закрыла глаза в блаженстве, думая, как бы сохранить это в вечности.

– Ты пахнешь кофе, – он аккуратно убрал пряди волос, касаясь губами шеи всё настойчивее. – И хорошим. Что это за кофейня?

– «Черничный пирог».

Я почувствовала, как он натянул мои волосы на кулак, и открыла глаза: его наполненный гневом взгляд, моё напряжённое лицо, существовавшее секундами ранее отражение идеальной жизни исчезло без следа.

– Что ты там делала? – ледяным голосом спросил он.

– Пила кофе, что же ещё? Отпусти меня, пожалуйста, мне больно, – положив ладони на его сжатые руки, попросила я.

Он шумно выдохнул и, нехотя разжав пальцы, произнёс:

– Ты что, не помнишь, как меня там оскорбили?

Это произошло примерно полтора месяца назад. В последнее время мы редко куда выбирались, и в качестве компенсации он предоставил мне выбор, куда пойти. Я, не раздумывая, ответила:

– «Пирог»!

Это была небольшая уютная кофейня рядом со сквером, расположенная чуть вдали от оживлённого центра. Я наткнулась на неё случайно, промокнув насквозь под дождём, я нуждалась в сухом тепле, и это место просто подвернулось под руку. Побывав там однажды, я захотела возвращаться снова и снова.

– Публика здесь весьма занятная, – с презрением отметил он, стряхивая попавшие на кардиган капли дождя.

Я улыбнулась. В углу кофейни сидели ребята-гитаристы, они громко что-то обсуждали, подбирая аккорды, за несколько столов от нашего расположились программисты, не сводящие глаз с экранов и торопливо строчащие что-то на своих ноутбуках. Он это не любил и называл такие места пристанищами хипстеров. Мы ужинали почти всегда в дорогих элитных ресторанах, где процесс поедания пищи был целой церемонией со строго выверенными порядками.

Он провёл пальцем по поверхности грубого деревянного стола.

– Надеюсь, столы только стилизованы под времена Карла V, и бубонную чуму мы здесь не подхватим?

– Если не перестанешь бухтеть, умрешь от подсыпанного в чашу цианида раньше, – с улыбкой ответила я.

Он сегодня пребывал в благостном расположении духа, и мне разрешалось над ним подтрунивать.

– Ха-ха, – передразнил он.

Улыбчивая девушка-официантка принесла нам меню.

– Серьёзно? И меню будет? Хм, да вы, ребят, на звезду Мишлен претендуете.

Я хлопнула ладонью по лицу. Девушка-официантка смущённо улыбнулась и растерянно удалилась. Нащупав свёрнутый на диванчике пушистый плед, я кинула в него.

– Перестань! – раздражённо прошипел он, забрасывая плед подальше. – Непонятно кто им укрывался. Давай быстро перекусим и пойдём в нормальное место.

Большинство неприятностей в мире случается по глупому стечению обстоятельств.

У него зазвонил телефон. Не заиграй тогда гитаристы, он бы услышал собеседника, и ему не пришлось бы вставать из-за стола, чтобы продолжить разговор в тихом месте. Смотри он прямо перед собой, а не сверля меня осуждающим взглядом, он бы увидел бодро шагающего официанта, спешащего принести кофе программистам. Но всё сложилось как костяшки домино. Глухой звон быющей посуды, медленно стекающий с его дорогого итальянского кар-

дигана кофе, испуганные глаза официанта, и наполненное бешеным гневом лицо моего мужа. Я не знаю, что тогда меня так развеселило, то ли то, что в его мире безупречной сервировки и хрусталия ничего не проливается, то ли нелепость и жалкость внешнего вида, так не присущая его совершенству, но я принялась хохотать, не в силах себя сдерживать даже под прицелом его свирепого взгляда.

Не знаю, сколько длился их разговор с владельцем кофейни, но я успела съесть десерт и выпить две порции латте. Вышел он оттуда ещё более разъярённым и, не глядя на меня, прошипел:

– Пойдём отсюда.

Всю дорогу мы почти не разговаривали. Из его односложных ответов я поняла, что владелец кофейни категорически отказался увольнять официанта, предложив мужу компенсировать стоимость испорченных вещей. На что муж ответил, что его носки стоят дороже всей этой забегаловки. Его настроение было безнадежно испорчено, и, придя домой, он доходчиво объяснил мне, что я не имела права смеяться. Я лежала в постели с пронизывающей всё тело болью и думала только об одном, что никогда в своей жизни больше не засмеюсь.

– Я помню, – осторожно ответила я. – Но я не думала, что и мне теперь там появляться не следует.

– Ты что, совсем безмозглая сука, чтобы этого не понять? – в бешенстве прокричал он.

– Не будем продолжать это, – тихо промолвила я и собралась уйти, но он встал у меня на пути.

– Это не тебе решать, – он с силой сжал моё предплечье.

Наполненные злобой глаза смотрели в упор.

– Пожалуйста, отпусти, – умоляюще произнесла я.

Я понимала, что уже обречена, но не попытаться спасти себя не могла.

Он заломил мои руки. Плотно прижимая к себе, оттягивал назад мои волосы, мне казалось, я чувствовала, как в наслаждении растягиваются его губы.

Резким и сильным движением руки он толкнул меня вниз, я в ужасе закрыла глаза и тихо вскрикнула. Я упала на колени, моё лицо застыло в паре миллиметров от белого мраморного пола. Он говорил, что теряет контроль над собой, но с какой безупречной точностью всегда останавливался, чтобы не повредить моё лицо. Красивые фасады были для него всем.

Раздался звонок в дверь. Он разжал свои руки, я медленно растянулась по полу, тяжело дыша и прижимаясь лицом к холодной плитке. Сегодня всё так быстро закончилось, и я улыбнулась.

Я осмотрела себя. Синяк на предплечье был сильный, оно неприятно ныло, в остальном – всё было в порядке. Осталось только унять дрожь в руках. Я сжала их в «замок» и стала медленно выдыхать. По голосу поняла, что пришла его мама. Я сменила платье на джемпер с длинным рукавом и джинсы, и спустилась к ним.

– Юля неважно себя чувствует, похоже, слегка приболела, – объяснял он.

– Бедная девочка, – с сожалением проговорила Татьяна Алексеевна.

Она всегда мне сочувствовала. Это была женщина с мягкими, чуть полноватыми чертами лица, короткими волосами и добрыми глазами.

– Здравствуйте, Татьяна Алексеевна! – показала в гостиную я.

– Юлечка, деточка моя, ну как ты? – она обхватила моё лицо тёплыми ладонями и поцеловала в лоб.

– Да так, лёгкое недомогание, – я едва улыбнулась.

– О, моя дорогая, ну ничего, всё пройдет, всё заживёт! – она крепко сжала мою ладонь. – Говорят, сейчас вирус ходит сильный, с ног всех косит, – садясь на диван рядом с сыном, протараторила она.

Я ухмыльнулась этой нелепой лжи. Она прекрасно всё знала. Мы никогда не обсуждали этого, но я понимала, стоит ей взглянуть на меня, и истинная причина моего нездоровья становилась для неё ясна. Она была такая же, как и я. Жертва. Её ужимки за столом, высокая горловина, длинные рукава, которые она беспрестанно теребила, натягивая всё ниже, до самых пальцев – эти незаметные глазу обычного человека вещи для меня были обличающими уликами.

Мы сидели на диване, смотрели телевизор, разговаривали, он разлил по бокалам каберне. Спокойный домашний вечер в кругу семьи. Я аккуратно покачивала бокал с багровым вином.

Татьяна Алексеевна ушла, обняв нас на прощание. Я поднялась вверх в нашу спальню, у меня не было сил идти умываться, я лишь стянула с себя одежду и, нацепив футболку, залезла под одеяло.

Из ванной ещё долго раздавался шум воды, он никогда не изменял себе и всегда следил за безупречностью своего внешнего вида.

– Я не должен был так поступать, прости, – тихо шепнул он, нежно касаясь свежесвыбритой щекой моего плеча.

Я кивнула.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Он погасил свет.

Глава 2. Качели

«Наша жизнь была похожа на качели. Когда отец не был пьян – всё было вполне сносно. Конечно, резкость в его характере, озлобленность и вспыльчивость присутствовали всегда, но мы настолько привыкли ходить по краю и говорить шёпотом, что просто не оставляли шанса его ярости разбушеваться и всё снести. Когда же он выпивал – жизнь превращалась в ад. Он крушил всё вокруг, обзывая меня и маму, нападал на неё, избивал, а меня, пытающуюся её защитить, отбрасывал, как котенка. В поисках спасения мы сбегали ночевать к соседке тёте Наде. Сколько было таких проведённых на раскладушке ночей, я сбилась со счёта, порой мы могли жить там неделями, дожидаясь, пока отец протрезвеет. Когда он приходил в себя, возвращались обратно, словно ничего и не было, он никогда не извинялся, а мама его не упрекала. Жизнь снова текла как обычно. Находясь в хорошем настроении, отец катал меня на машине и брал с собой на рыбалку. Он был мастером на все руки и мог соорудить шедевр из любого подручного средства, и в дни его просветления моя комната наполнялась хорошенькими кукольными домиками, резными игрушками, выжженными гравюрами. Так могло продолжаться несколько дней, бывало и месяц, потом же он вновь напивался, и мы с мамой убежали прочь, чтобы он нас не убил».

Я бесцельно бродила по городу в окружении толп туристов. Повязка занимала своё привычное место, но сегодня она не спасала: кожей я отчётливо осязала присутствие кольца. Когда мы перешли её, эту точку невозврата? Или всё было обречено с самого начала? Мне хотелось кричать от удушающей боли, но я лишь ровно выдыхала холодный воздух, привычка молчать была слишком во мне сильна. Замёрзнув до ломоты в костяшках, я вновь оказалась в «Пирог».

– Как всегда, – улыбнувшись людям за стойкой, бросила я и расположилась за столиком.

За окном суетливо протекала жизнь: мчащиеся велосипедисты, потерявшиеся иностранцы, не поспевающие за детьми родители, оживлённо болтающие студенты. Я как будто пропускала их сквозь пальцы, прижимая ладонь к запотевшему стеклу.

– Ваш карамельно-банановый латте! – презентовал официант.

– Спасибо, – тихо поблагодарила я, не отрывая взгляда от окна.

Я всё всматривалась в людей, пытаюсь понять их тайну. Блокнот с ручкой лежал нетронутый. Писать мне сегодня не хотелось, не было сил.

Я услышала рядом с собой лёгкое покашливание официанта:

– Простите, кажется, вы обронили.

Я обернулась и увидела в его протянутых руках спавший с моих плеч палантин. Синяк на руке теперь не мог остаться незамеченным.

– Спасибо, – не поднимая глаз, поблагодарила я и, выхватив палантин, спешно накинула на себя.

Официант не уходил. Повисло напряжённое молчание, я делала вид, что не замечаю его присутствия, всматриваясь в даль за окном.

– Ваша рука, – тихо произнёс он.

– Ударилась о туалетный столик, пустяки, – небрежно бросила я и, улыбнувшись, подняла глаза. Меня пронзило током, посмотрев на него, я поняла, что он знал, в его взгляде ясно читалась вся правда о моей жизни.

– Простите, мне нужно идти, – я резко выскочила из-за стола и бросилась прочь.

«Как он догадался?»

Навязчивый вопрос крутился в моей голове. Быть может, мне просто показалось? Мы настолько привыкли скрывать эту правду, известную нам двоим, и мысль о том, что об этом

может узнать кто-то третий, казалась безумной. Но я была уверена в том, что видела, глаза бывают красноречивее слов, и его глаза не только всё знали, но и прекрасно понимали мою тайну. Я лежала на кровати, медленно обрывая лепестки цветов. Разноцветные герберы были хлопьями разбросаны по одеялу.

– Юлия Николаевна, к вам пришли, – послышался за дверью голос домработницы.

– Кто? – накинув халат, спросила я и вышла из комнаты.

– Какой-то Сергей, говорит, ему нужно что-то вам передать. Он за воротами, охрана его ещё не впустила.

– Пускай пропустят, проведи как обычно через заднюю дверь, я сейчас спущусь.

Дима не любил чужих людей в доме, поэтому курьеров, почтальонов и прочих малоизвестных лиц мы никогда не выпускали с парадного.

Я остановилась на ступенях, ведущих в цоколь, и провела рукой по перилам.

«Видишь, какие они мощные, теперь здесь не упасть, я позаботился обо всём. С нами больше не случится ничего плохого», – пронеслись в моей голове его слова.

– Юлия Николаевна! – прервала воспоминания Наташа. – Вас ждут.

Кивнув, я торопливо пошла к двери. Я не любила цоколь и ненавидела эту лестницу. Мне хотелось побыстрее от всего отделаться и вернуться к себе. Свет был приглушён, мужчина стоял вполборота, разглядывая висевшую на стене картину.

– И снова здравствуйте! – развернувшись, бодро произнёс он.

Передо мной стоял сегодняшний официант.

– Вы что здесь делаете? – удивлённо воскликнула я, глядя на него.

– Пришёл узнать, как вы, – улыбнувшись, ответил он.

– Вы маньяк? Как вы вообще меня нашли? – напряжённо спросила я, инстинктивно отступая от него.

– По адресу доставки.

– Какой ещё доставки?

– Вы анкету заполняли на доставку кофе, разве не помните? Кстати, находите вы чёрт знает где, поэтому кофе мы вам доставлять не будем, можете не рассчитывать, – весело отозвался он.

Я задумалась, вспоминая. Однажды в кофейне меня попросили заполнить какой-то бланк. Я никогда не отказывала людям в таких мелочах, всегда брала листовки на улице, набивая ими полные карманы, выслушивала долгие разговоры менеджеров по продажам, участвовала в опросах. Дима надо мной смеялся, ему казалась глупой такая трата времени, а мне это было даже приятно: помогая людям делать их работу, я ощущала и свою значимость. Так и тогда я, мило улыбувшись, заполнила все поля, что от меня просили, не вдаваясь в суть.

Выдохнув, я спокойно произнесла:

– Что вам нужно?

– Отдать это, – он протянул мой блокнот.

Я даже не заметила, как оставила его.

– Вы читали? – торопливо спрятав блокнот за пазуху, спросила я.

– Конечно, нет.

– Спасибо, что вернули.

– Не за что. Красивое кольцо, кстати, – кивнул на мою руку он. – Как я понимаю, с правой рукой проблем нет?

– Вам не кажется, что вы слишком многое себе позволяете? – натянув рукава халата, недовольно спросила я.

– Кто действительно многое себе позволяет, так это ваш муж.

– Так, всё, спасибо за находку, до свидания! – я открыла входную дверь, жестом показывая ему удалиться.

– Я хотел бы вам помочь, – мягким доверительным тоном начал он, глядя мне в глаза.

– Помощь мне не нужна, уходите, пока я не вызвала охрану, – пронзая его испепеляющим взглядом, сквозь зубы процедила я.

– Хорошо. Приходите в кофейню, захотите поговорить – я выслушаю, нет – больше этой темы никогда не коснусь. Если в «Пирог» вам комфортно и безопасно, я не хочу, чтобы вы это теряли. До свидания.

Я с яростью захлопнула за ним дверь.

Представьте, вы живёте десять лет, храня одну тайну, пряча её под кожей, тщательно оберегая даже от себя самой. Правду неприятную, липкую, скользкую, и вот однажды её вскрывают, и она вся выползает наружу и выглядит куда омерзительнее, чем была в тени. Признаться самой себе, что тебя избивает муж – это совсем не то же, что сказать об этом другим. Я чувствовала себя раздетой, жалкой, униженной. Меня било от гнева и осознания собственного ничтожества. Я стояла на кухне и с яростью крушила посуду.

На шум прибежала Наташа, она испуганно на меня смотрела, не решаясь произнести ни слова.

– Чего ты смотришь? Убери здесь! – в гнѳе прокричала я.

Не расслышала ли она сквозь звон бьющейся посуды мои слова или настолько опешила, что не решалась пошелохнуться, но её нерасторопность ещё больше меня разозлила. Я в ярости швырнула в неё стакан. Он пролетел мимо и со звоном разбился о стену. Наташа испуганно закричала и бросилась прочь.

Кто вызвал мужа, я не знаю. Я лишь услышала, как он успокаивает плачущую домработницу. Меня продолжало трясти от гнева, и я нервно вертела в руках бокал из-под виски.

– Что ты творишь? – спокойным, но твёрдым тоном произнёс он, подходя ко мне. – Ты до смерти перепугала Наташу. Мне страшно представить, что было бы, попади ты в неё.

– Я бы не попала, у меня всегда была двойка за метание, – равнодушно заметила я, не прекращая своего занятия.

Он осуждающе покачал головой.

– Нельзя так обращаться с людьми.

– А со мной? Со мной так обращаться можно? – в бешенстве прокричала я, толкнув его. – Меня можно бить, издеваться, унижать? – я стала стучать кулаками по его груди.

Он крепко, но безболезненно охватил запястья и прислонил меня к стене.

– Успокойся, истеричка, – мягко произнёс он, запечатлев на лбу долгий поцелуй. – Я приготовлю нам чай, – с безмятежной улыбкой добавил он и отпустил меня.

– Все закрытые двери когда-нибудь открываются, и люди узнают правду, – прошептала я.

– Мне кажется, тебе стоит возобновить сеансы психотерапии, – задумчиво проговорил он, заправляя френч-пресс.

Порой мне всерьёз казалось, что из нас двоих в отношениях ненормальная только я. В периоды своего благого расположения муж снисходительно сносил практически все мои нападки. Он умело разыгрывал идеальную жизнь, создавая вокруг нас новую реальность. И в этой реальности не было места насилию. Делал он это специально, чтобы поиздеваться надо мной или сам тоже в это верил, я не знаю. Возможно, это было для него бегством от чувства вины или новая игра. Так или иначе, сейчас он именно этим и занимался. Веди он эту игру постоянно, я бы, наверное, со временем поверила, что у нас идеальный брак и всё остальное лишь плод моей неуёмной фантазии, но он то разыгрывал полную идиллию, то признавал, что у нас проблемы, и мы ходили к психотерапевтам. И я окончательно терялась, не понимая, какая же из двух жизней настоящая. Я сходила с ума, и порой мне казалось, что это не просто красивый оборот речи, а действительность.

Зайдя в кофейню, я взглядом стала искать того официанта. Он был за стойкой, оживлённо беседовал о чём-то с девушкой, заправлявшей кофемашину.

Задрвав голову и гордо вышагивая, я подошла к нему:

– Я думаю, вышло некоторое недоразумение, я счастлива в браке, понятно? У меня замечательный муж и идеальная жизнь! – я произнесла это слишком громко, и девушка за стойкой косо на меня посмотрела. Я смутилась, мои щёки горели от негодования.

Он нагнулся через стойку и, улыбнувшись, прошептал:

– Не стоит так громко кричать о своём счастье, а то у людей начнут закрадываться сомнения.

Его улыбка и ироничный тон меня раздражали, мои глаза непроизвольно окинули помещение в поисках того, чем бы в него запустить.

Поймав мой взгляд, он всё с той же безмятежной улыбкой произнёс:

– Ищете, что бы такое в меня кинуть? Не стесняйтесь в выборе, вся эта кофейня стоит не дороже носков вашего мужа.

– Ах, так вы и есть владелец кофейни? – усмехнувшись, спросила я.

– Он самый. Присядем? – он жестом пригласил меня сесть за столик. – Думаю, нам есть о чём поговорить.

Я нехотя села и пренебрежительно сказала:

– Нам не о чем разговаривать, очевидно, вы и понятия не имеете, насколько мне отвратительны.

– «Три дня я гналась за вами, чтобы сказать, как вы мне безразличны», – спокойно попивая сок через трубочку, проговорил он.

– Что это? – недоумённо спросила я.

– Как? Вы разве не смотрели? «Обыкновенное чудо»¹.

Я недовольно мотнула головой.

– Мы такое не смотрим.

– Когда сможете своё «я» из «мы» вычленишь, посмотрите – фильм-то хороший.

– Послушайте, вам не кажется, что это мерзко, так влезать в чужую жизнь и в ней копаться? – я с презрением посмотрела на него.

– Всё относительно. Можно проходить мимо плавающего по-собачьи человека, не замечать его нелепых плесканий на мелководье, но если этот человек тонет, спасти его необходимо, так вот, вы – тонете.

– Откуда вы знаете?

– Я вижу. Кофейня – это место, пропускающее через себя ежедневно огромное количество людей. Это, конечно, непрофессионально, но почти к каждому постоянному гостю приклеивается какой-нибудь ярлык, характеристика, называйте, как хотите, так вот, вас характеризуют несчастной.

– Чушь! – недовольно фыркнула я.

– Хотел бы я заблуждаться, – грустно улыбнувшись, ответил он. – Люди приходят сюда с разной целью: кто-то хочет провести время в хорошей атмосфере, кто-то забежал перекусить, а кто-то приходит пережить боль. Вы приходите сюда за этим. Я думал, вы потеряли близкого человека, но вы были всегда слишком напряжены и напуганы. Чуть громкий хлопок дверью, неожиданный звук, и вы вздрагиваете, подолгу смотрите в окно, закрываете руки, как будто мёрзнете. И ваша перевязанная правая рука. Для вас все официанты безликие, но я наблюдал, повязка каждый день была разной, и для обычной травмы 3 месяца заживления – слишком долго. А после того, как я увидел гематому на вашей руке, пазл сложился окончательно.

– Глупости, я просто ударилась о журнальный столик.

¹ Советский фильм, реж. Марк Захаров, 1979 г.

– Я же не дурак, у вас синяк полукругом расположен, как раз по обхвату руки, столы таких следов не оставляют, а вот пальцы человеческие – вполне.

– Ещё кто-то в кофейне знает об этом? – нервно сжимая пальцы, спросила я.

– О чём? Что вас избивает муж? Называйте вещи своими именами.

– Ну так знает? – нетерпеливо произнесла я.

– Я не говорил. Догадки, возможно, витают.

– Никто не должен был узнать, – я тяжело опустила голову на руки.

– Я понимаю, вы ужасно себя чувствуете и ненавидите меня. Это совершенно нормально, потом вы почувствуете облегчение, – уверенным мягким голосом произнёс он.

– От чего? – взглянув на него, спросила я.

– Что смогли поделить.

– А с чего вы взяли, что я вообще хочу этим делиться?

– Боль тяжело проживать в одиночку. И ваш блокнот, вы безумно желаете выговориться, иначе бы не писали об этом.

– Значит, вы всё-таки читали? – закусив губу, спросила я.

– Никогда бы себе такого не позволил. Я просто наблюдал и сделал выводы. Кстати, мы так и не познакомились. Сергей, – он протянул руку.

– Мне пора, – оставив его жест без внимания, я встала, собираясь уходить.

– Вы никогда не хотели от него уйти? – поднимаясь вместе со мной, тихо спросил он.

– Хотела, миллион раз, и столько же находила причину остаться.

– Ложную, – резюмировал он.

– Для меня – настоящую.

– Я хочу, чтобы вы знали: в том, что происходит, нет вашей вины, и из этого есть выход, – доверительно произнёс он, глядя мне в глаза.

– До свидания, Сергей! – грустно улыбнулась я. Направившись к выходу, вдруг остановилась и, обернувшись, произнесла: – Вы спрашивали про имя, Юля, меня зовут Юля.

Выйдя из кофейни, я облегченно выдохнула: он был прав, ярость меня больше не наполняла, и я почувствовала, как сжимавшие мою грудь тиски ослабли.

Дима лежал в гостиной перед телевизором, вытянув ноги на пуфике. Я наблюдала за ним, прислонившись к дверному косяку. Почувствовав моё присутствие, он обернулся и, помахав рукой, бодро произнёс:

– С возвращением, дорогая!

Я улыбнулась и опустилась на диван рядом с ним.

– Ты выглядишь уставшей, – обнял меня он.

– Сложный день, – вздохнула я и положила голову ему на плечо.

– Как насчет всякой дряни и хорошего сериала? – он протянул мне чипсы.

– Отличная идея!

Мы смотрели «Игру престолов»², как пара подростков громко смеялись отпускаемым друг другом шуткам, поедали снеки и держались за руки.

– Хорошо, что у тебя нет драконов, а то от бедной Наташи осталась бы сегодня только горстка пепла, – смеясь, сказал он.

– Не могу сказать, что меня бы это расстроило, – небрежно бросила я, устраиваясь на подушке поудобнее.

– А что бы стало со мной?

– Ты бы уцелел. Огонь не может убить дракона, – запуская свои пальцы меж его, произнесла я.

² Американский сериал, созд. Дэвид Бениофф, Д.Б. Уайсс, 2011 г.

Он довольно ухмыльнулся и коснулся своими губами моих губ.

Сегодня мне было хорошо рядом с ним, и я его любила. Вчера забылось, а завтра ещё не существовало.

Качели в моей жизни продолжались, и я чувствовала, что меня скоро укачает.

Глава 3. Пазл

– Опять он тебя ударил, да? Да что же это такое, никак неймётся ему! – вздыхала тётя Надя, прикладывая лёд к маминой губе.

– Да я сама виновата, полезла под горячую руку.

– Ой, ничего не говори, и я такая же была, пока мой не издох, царствие ему небесное, – перекрестясь, горячо произнесла соседка. – Ведь сколько раз себе говорила: ну не лезь ты, Надя, не лезь. Нет, всё равно на рожон иду.

– Вот о том я и говорю. Сами виноваты, а потом сидим тут, плачемся.

– Дуры-бабы, что с нас взять. Ну да ладно, утечёт вода, не оставит следа.

Подслушивая такие разговоры на кухне, я всё больше убеждалась в нормальности нашей жизни, принимая, как неотложную истину, неизбежность насилия и нашу вину в этом. Споспособствовали тому и постоянные увещевания мамы, что у нас всё хорошо. Вот только я никак не могла понять, почему мне так страшно находиться в этом «хорошо». Я боялась до дрожи пьяного отца и ненавидела за то, что он избивал маму. Что-то внутри меня продолжало противиться кроткому принятию насилия, и я постоянно металась, не зная, к какой гавани пристать: довериться своему внутреннему ощущению о неправильности происходящего или довериться взрослым, которые должны были вести меня и оберегать.

Я не понимала мир, и он в ответ не понимал меня. В детском саду дети отказывались со мной играть, потому что у меня были странные игры. «Сами вы странные», – думала я, глядя, как они от меня шарахаются. В моих играх не было счастливых семей. Вернее не так, были счастливые семьи в моём понимании. Где папа бил маму, родители били детей, и у них было всё хорошо. В разыгрываемых мной сценах всегда были одиночество, боль и страдание. Я играла жизнь, которую видела, выхватывая из неё всё самое жестокое, ведь именно оно казалось мне правильным. Маме было некогда вникать в мои игры. Тем более, играла я всегда очень тихо или про себя, чтобы не нарушать покой отца. Она лишь однажды заметила, как я бью куклу.

– Юля, нельзя так, – сказала она мне, – кукле очень больно.

– Но тебе же тоже больно, когда папа тебя бьёт? – хмуро ответила я, не понимая, почему мою игру прерывают. – Вот и кукла пусть страдает.

– Дерутся и обижают других только плохие люди.

– Значит, папа плохой?

Мама тяжело вздохнула и твёрдо произнесла:

– Нет, папа хороший, и он нас любит.

– Если он хороший, тогда почему тебя бьёт?

Она долго объясняла мне, что у нас хорошая семья, а папа просто не всегда может держать себя в руках, он ошибается, и мы должны любить его и прощать, помогая бороться с пороками. Я сосредоточенно слушала путанные мамины объяснения, всё больше хмурия брови.

Из всего этого я сделала только один вывод: играть в такие игры нужно так, чтобы мама не видела.

Прошло две недели, а в «Пирог» после того разговора с Сергеем я не появлялась. Мне стало легче дышать, а муж был как никогда мил и обходителен. Мы снова переживали светлые дни нашей любви. Прошлое отлично прячется в чулан: если завалить его получше коробками, набитыми доверху тяжелыми вещами, то о нём на какое-то время можно забыть, и сейчас я жила своим счастливым настоящим.

Ждать мужа в хорошие дни было утомительно. Все обязанности выполняла Наташа, моей главной задачей было ей не мешать, и я бродила по нашему огромному дому, как забытое привидение.

Дом всегда казался мне слишком большим для нас двоих, пустота огромных комнат меня растворяла, я чувствовала себя неуютно и боялась оставаться один на один с этим пространством. Я включала свет и открывала шторы в каждой комнате, стараясь сделать их хоть немного жилыми, и проверяя, чтобы ни одна из них не исчезла. Это до жути раздражало Наташу, она старательно выключала зажжённый мною свет, а я включала опять, наше молчаливое противостояние могло продолжаться весь день.

Два года назад я начинала с цокольного этажа, который занимала прачечная, котельная и спортзал с бассейном. Теперь же я лишь открывала дверь, смотрела на широкие короткие лестничные пролёты с большими поручнями, ведущие вниз.

«Дверь была не закрыта, я упала, всего лишь случайность».

Эти слова, словно мантра, звучали каждый раз в моей голове. Я прокручивала снова и снова обрывки воспоминаний, и всякий раз во мне всплывали другие, которых там быть не должно. Я сжала до боли виски, пытаюсь их вытеснить, и закрыла дверь.

На первом этаже была гостиная, кухня, столовая, огромный холл в окружении зеркал и ванная. В гостиной проходили наши семейные вечера, перед камином, телевизором и бело-снежным роялем.

Второй этаж представлял собой целый лабиринт из череды комнат: три спальни, гостевая, детская, игровая, Димин кабинет, ванная, три гардеробные. Из всего этого пространства обитаемой была только наша спальня. Я быстро прошагала комнаты, выполнив свой ритуал. Следующей на очереди была игровая, я невольно улыбнулась, зайдя туда. Эта комната воплощала все наши нереализованные детские фантазии: батуты, горки, бассейны с сухими шарами, лазалки и мячи, в своём детстве я не могла о таком и мечтать, а Диме иметь такое никогда бы не позволил отец. Когда мы только переехали, днями напролёт проводили здесь время, жуя попкорн и сладкую вату, катаясь с горок, стреляя бластерами, безумно смеялись и бесконечно любили друг друга. Не знаю, когда мы были здесь в последний раз, но сегодня был отличный день, чтобы вспомнить о её существовании.

Лишь одна из дверей выбивалась из общей стилистики, она была цвета растушёванной лазурной синевы. Вела в комнату, которая должна была стать особой. Такой она и стала. Это была единственная комната, дверь которой не открывалась на протяжении уже двух лет. Она была не заперта на ключ, но держало её нераскрытой что-то посильнее замка.

Я прикоснулась ладонью к холодному металлу дверной ручки. Прислушалась, надеясь услышать хоть что-то, кроме тишины. Мне так хотелось попасть туда, но в голове горел сигнал «нельзя», и моя рука не могла пошевелинуться. Тяжело сглотнув, я стёрла сбежавшую по щеке слезу и направилась дальше.

На мансарде располагалась библиотека. Красивые панорамные окна, аккуратные книжные стеллажи под потолок треугольной крыши. Я словно попадала внутрь самой книги и, заходя, с наслаждением вдыхала книжный запах, которым был пропитан каждый уголок. Дима подарил мне её на день рождения, воплотив мою мечту о библиотеке до мельчайших деталей. Я улыбнулась, вспоминая, как кружилась от восторга моя голова, когда впервые её увидела.

Кутаясь в такие воспоминания, словно в мягкий вязаный плед, я чувствовала, как меня наполняет тепло и счастье.

Наша жизнь была похожа на мозаику с кусочками битого стекла. Все хорошие дни собирались в красивую картинку, плохие же больно ранили своими осколками, оставляя шрамы. Но если отбросить осколки в сторону и заменить их приятными ложными воспоминаниями, то наш сложенный из счастья пазл получался невероятным.

- Я сегодня сама приготовлю ужин, Наташа, – сказала я, спустившись в кухню.
- Вы уверены? – недоверчиво на меня покосившись, спросила она.
- По-твоему, я не в состоянии приготовить ужин собственному мужу?

- Отпускаете меня домой? – не удостоив мой вопрос ответа, сухо произнесла она.
- Да, конечно, отдыхай.

Я уже давно не готовила. Но сегодня была преисполнена вдохновения. Этот день будет принадлежать только нам двоим, и он будет совершенен.

- М-м-м, божественно, – медленно прожёвывая, протянул он.
- Рада, что тебе понравилось, – в довольной улыбке ответила я.
- Может, подучишь Наташу готовить? Чтобы её еда была хоть чуточку съедобнее.
- О нет. У нас и без того холодная война. Лучше я буду готовить для тебя сама.
- Я не хочу, чтобы это стало твоей обязанностью. Для этого мы и нанимаем прислугу.
- Мне будет только приятно что-то сделать для тебя, – ласково поглаживая его предплечье, произнесла я.

– Иди сюда, – он притянул меня к себе и принялся жадно целовать в губы. – Я тебя обожаю! – горячо прошептал он, обжигая дыханием моё лицо.

- Я тебя больше, – массируя его голову, ответила я.
- У нас были ещё какие-то планы на сегодня? Или можем сразу перейти в спальню?
- Ну, у меня была ещё одна идея, – таинственно улыбнулась я.
- Какая?
- Я вспомнила, что мы давно не были в игровой.
- М, и что ты предлагаешь? Приставка? – озорно щурясь, спросил он.
- Ага.

– Хм, Мортал Комбат³?

– Отлично.

– Саб Зиро? – изображая интонацию игры, произнёс он.

– Скорпион? – в тон ему ответила я.

– Е-е-е! – мы заговорщически стукнулись кулачками и рассмеялись.

Раздался звонок его мобильного.

– Я сейчас отвечу. А ты пока приготовься проигрывать, – чмокнул меня в макушку он.

– И не надейся, – с азартом ответила я.

Ожидая Диму, я включила музыку погромче и медленно покачивалась в такт мелодии, как ощутила прикосновение его рук на своей талии.

– Так быстро поговорил?

– Секретарша звонила, – нежно касаясь своей щекой моего лба, произнёс он. – Бронь билетов подтвердили, улетаю завтра на три дня.

– Так не хочется тебя отпускать, – прижимаясь к нему, сказала я.

– Я быстро вернусь, и, если всё пройдёт удачно, съездим куда-нибудь отдохнуть на пару дней.

Нежась в объятиях друг друга, мы танцевали.

Дима плохо умел расслабляться, и в танце это было особенно ощутимо, он двигался слишком резко и в то же время скованно, его лицо становилось серьёзным, губы слегка вытягивались, а щеки надувались от напряжения.

Репетиции танца на пятую годовщину свадьбы были для него пыткой. Нашим преподавателем была красивая бодрая женщина с плотными формами. Дима никак не мог расслабиться и погрузиться в танец, не выдержав смотреть на наш восьмой безуспешный прогон, она подошла к Диме и, похлопав ладонью по его щекам, бойко произнесла:

– Эй, да хватит вам уже дуться и хохлиться, как одинокий пингвин.

³ Серия видеоигр в жанре файтинг, созданная Эдом Буном и Джоном Тобиасом.

Вспомнив ошеломлённое такой непопозволенной наглостью лицо Димы, я тихо хихикнула.

– Ты чего? – заметив мой смешок, вопросительно посмотрел он.

– Да так, вспомнила нахохлившегося пингвина.

– По-твоему, это было забавно? – резко отстранившись от меня, спросил он.

– Дима, ты чего? – примирительно улыбнулась я. – Это было мило, я люблю пингвинов, ты мой Лоло⁴! – я прикоснулась ладонями к его щекам, но он отдернул мои руки.

– Признайся, тебе просто доставляет удовольствие унижать меня? Вспоминать мои неудачи, да? – с нарастающей злостью проговорил он.

– О чём ты? Конечно, нет. Ты заводишься из-за ерунды, – снисходительно улыбаясь, произнесла я.

– Ерунды? Ты наглая лживая тварь, которая насмехается надо мной! – громко прокричал он.

Я закрыла уши руками, стараясь не слышать произнесённых слов, и, закусив от обиды губу, тихо сказала:

– Я прошу тебя, давай просто продолжим ужин.

– Ты думаешь, я так просто тебе это прошу? – его глаза вновь наполнились дикой яростью.

Он подошёл вплотную ко мне и резким движением сжал свои пальцы на моей шее.

– Дима, отпусти! – я пыталась убрать его руки, но тщетно, его хватка всегда была крепкой и нерушимой. Подушечки пальцев всё больше сдавливали мою кожу. – Почему ты всегда делаешь мне больно? – плача от осознания собственного бессилия, прошептала я.

– Потому что ты это заслужила, – со злостью проговорил он, цедя каждое слово сквозь плотно сомкнутые зубы.

Он ещё несколько минут сжимал моё горло, наблюдая за беспомощными попытками вырваться с каким-то нелепым сладострастием. Я уже начала чувствовать острую нехватку воздуха в лёгких, когда он, наконец, разжал пальцы.

Я рухнула на пол, откашливаясь и тихо плача.

Он нервно засобирился. Взял ключи, накинул куртку, уже почти уйдя, вдруг вернулся. Я вжалась в стену, испугавшись, что моё наказание продолжится, но он, ухмыльнувшись, прошёл мимо. Подошел к сервированному мной кухонному столу и с силой дернул скатерть, послышался противный громкий лязг бьющейся посуды. Удовлетворенный собственной выходкой, он ушёл. Я видела через стекло, как блеснули огни его уезжающей «Астон Мартин» и раздался пронзительный рёв мотора.

Пазл снова рассыпался, и я осталась одна, заваленная коробками своего раскрывшегося чулана.

– Сожалею, но мы уже закрыты, – произнёс Сергей, услышав звон колокольчиков. Он возился под стойкой и не видел входящего.

Я помедлила на пороге, чувствуя себя незванным гостем, с меня струями стекала дождевая вода, смешанная с пролитыми слезами. Но мне было больше некуда идти, поэтому, набравшись решимости, я подошла к стойке.

– Всё снова разрушилось, – произнесла я, дрожа от холода.

Он поднялся и с грустью на меня посмотрел.

Через пару минут я сидела со своим латте, укрытая тёплым пледом. Сергей ничего не спрашивал, мы сидели молча, вдвоём в кофейне, слушая, как дождевые капли разбивают ночную тьму.

⁴ Герой мультфильма «Приключения пингвинёнка Лоло», реж. Кэндзи Ёсида, Геннадий Сокольский, 1987 г.

Глава 4. Гена и Чебурашка

«Самым ненавистным местом на земле для меня был детский сад. Я готова была съесть всю тушёную капусту на свете, выпить весь рыбий жир и молоко с противной пенкой, лишь бы не идти туда.

Непонятая в своих играх другими детьми, я была изгоем. Детство жестоко в своём восприятии мира: оно не видит граней и полутонов, поэтому отличное от себя дети стараются уничтожить. Под надзором воспитателей я была просто одиноко играющим ребёнком, но стоило им отвернуться, как меня встречали тычки, щипки и насмешки, построенные мной города, слепленные подделки безжалостно разрушались. Я частенько бросалась на своих обидчиков, но их было больше, поэтому доставалось мне всегда сильнее, а воспитатели, не желая разбираться, кто виноват, наказывали и меня тоже, ставя в угол в одних трусиках и майке.

Поэтому я орала, как чумная и, вцепляясь в мать, умоляла не отводить меня туда. Часто мама не выдерживала, жалела, и, развернувшись на полпути, забирала с собой на работу. То было лучшее время в моей жизни. Там меня любили.

Мама работала кладовщиком на небольшом умирающем заводе у нас в посёлке, наследие советского прошлого. Воздух там был пропитан тяжёлым запахом металла, мужского пота, вьевшейся грязи и табака. Я быстро привыкла к поначалу пугающим меня громким звукам заводских инструментов, полюбила привкус сварки на языке и путающуюся в волосах металлическую стружку.

В этом наполненном грубой физической силой индустриальном мире я была единственным ребёнком. И рабочие окружали меня теплом и заботой.

Утро моё неизменно начиналось с обхода вместе с начальником цеха по производству. Валерий Петрович был очень высоким, с широкими плечами и густыми бровями, рядом с ним я, и без того маленькая, выглядела совсем крошкой. Он называл меня Дюймовочкой⁵, сажал к себе на шею, и так мы проходили каждый станок и опрашивали мастеров. Валерий Петрович всегда разговаривал со мной, как с взрослой, пояснял и показывал, как работает тот или иной механизм, я мало что понимала, но, преисполненная гордости, сосредоточенно кивала. Когда Валерию Петровичу что-то не нравилось, он хмурился и просил меня закрыть ушки, я послушно исполняла, и лишь по вздымающейся спине и красневшим перед ним рабочим понимала, что он ругается. Он был строг, но справедлив и всегда горой стоял за своих подчинённых. Поэтому его любили и уважали. А я любила его больше всех на планете.

Он научил меня читать, открыв мир, где я могла существовать, прячась от нашего настоящего, научил писать – и я стала делиться своими чувствами с бумажными листами.

Однажды я притащила бродячего чёрного кота, долго прятала его в кладовке, мама была в ужасе, обнаружив это, а Валерий Петрович рассмеялся и разрешил мне его оставить, кота мы назвали Кузькой. Он стал нашим любимцем, и с тех пор на обход мы ходили втроём.

А потом Валерий Петрович умер. Мне было пять, и со смертью я ещё не встречалась, тогда это было просто страшное слово. Я помню, как катала машинку на подоконнике, из нашего окна был виден зелёный еловый лес, и я представляла, что моя машинка едет сквозь ветви, собирая шишки. Мама пришла на кухню с зарёванным лицом и сказала, что Валерия Петровича больше нет.

– Как нет? – хмуро спросила я, посмотрев на неё. – Он что, уехал?

– Он умер, Юля.

– Какую глупость ты сказала! – зло воскликнула я и отвернулась к окну.

⁵ Героиня одноимённой сказки Х. К. Андерсена, 1835 г.

Но вместо зелёных елей я теперь видела пожелтевшие деревья с опадающими, словно листья осенью, ветвями, у меня защипало глаза, и я расплакалась.

Мои утренние обходы прекратились. Новый начальник был крикливым и злым, его никто не любил. Кузьку он выбросил, а сотрудников поувольнял. Я болезненно воспринимала уход взрослых из своей жизни и много плакала тогда.

Валерий Петрович был единственной искрой, поддерживающей жизнь на этом одряхлевшем заводе. Его не стало, и теперь из окон комнаты я наблюдала, как умирал и завод. Как постепенно закрывались цеха, и гас свет в окнах, словно глаза огромного фантастического зверя, которые потухали, чтобы больше никогда не загореться.

Маму оставили, но сильно урезали зарплату и, чтобы, как она говорила, выжить, нам необходима была вторая работа. В посёлке ничего не было, и маме пришлось устроиться в город. И теперь по вечерам мы приезжали в красивое многоэтажное здание с сияющими в лучах солнца стёклами, где мама подрабатывала уборщицей. Поездка в город была для меня целым приключением. Автобус был рейсовый, ходил редко и строго по расписанию, мы с мамой бежали до остановки сломя голову, чтобы не опоздать. Я смеялась, для меня это была игра в догонялки, а мама уставала, и, прислонившись к её груди, я слышала, как гулко бьётся сердце.

Город – совершенно иной мир. Мир спешащих людей, снующего транспорта и множества звуков. Высокие здания, широкие дороги, толпы людей были для меня в новинку и поначалу очень пугали.

Высокий офисный центр с белоснежной сверкающей плиткой был так не похож на наш пыльный завод, мне было непросто привыкнуть к его холодной тишине, я бродила по пустынным коридорам, предоставленная сама себе, и слушала эхом разносимые звуки моих шагов и изредка доносящееся хлюпанье половой тряпки.

Я была одинока, пока не познакомилась с дядей Мишей.

Дядя Миша работал охранником, сначала мы с ним просто здоровались, а потом он стал развлекать меня и маму разговорами, покупать конфеты и дарить игрушки. Так мы и подружились.

Я с нетерпением ждала каждой его смены. Ему было лет пятьдесят, а он играл со мной, как мальчишка: бегал по коридорам, искал и прятался в укромных уголках, кружил на руках, подбрасывал и пускал самолётики. Раньше дядя Миша работал в кукольном театре, у него была целая коллекция разных кукол, и он показывал мне спектакли, ловко пародируя голоса. Мы всё время смеялись, и я делилась с ним своими секретами. Вот только со временем я стала замечать, что наши игры какие-то странные.

Когда он меня ловил, то крепко прижимал к себе и часто, как бы в шутку, легонько хлопал по попе. С каждым разом его объятия становились настойчивее, а руки всё наглее трогали моё тело, он стал заводить их между моих ног, крепко стискивать грудную клетку и держал так до тех пор, пока я не начинала усиленно вырываться. Он любил садить меня на колени лицом к себе, начинал водить мной по своему телу, и я чувствовала, как в меня что-то упирается. Мне это было странно, а потом стало неприятно. Я сказала ему, что такие игры мне не нравятся. Он улыбнулся и спросил:

– Хочешь анекдот?

Я кивнула. Анекдоты я любила.

– Гена недолго дружил с Чебурашкой, как-то зевнул он, и не стало бедняжки.

И рассмеялся.

Я нахмурилась.

Анекдот был мне не ясен. Я пробовала спросить у мамы, что это значит, но она лишь отмахнулась и сказала, что ничего не понимает в анекдотах. А наши игры с дядей Мишей всё продолжались.

Однажды он завёл меня в комнатку охраны попить чай, я часто бывала в этой каморке на первом этаже, жевала сушки, рассматривая обклеенную картинками тумбочку. Вот только в этот раз чая не было, а дверь за мной он зачем-то закрыл на защёлку.

– Поиграем в новую игру? – улыбаясь, спросил он.

Я оживлённо закивала. Старые игры мне уже надоели, а новые всегда были интересны.

– Сейчас я познакомлю тебя со своим другом, – он расстегнул ширинку и потряс странной штукой, болтавшейся у него между ног. – Хочешь его погладить?

Мне не очень-то хотелось это трогать, вообще выглядел его друг как-то неприятно. Дядя Миша, увидев моё замешательство, взял за руку и провёл моей ладошкой по нему.

Я поморщилась.

– Мягкий и тёплый, – констатировала я, отряхивая ладошку.

Он кивнул.

– Хочешь, покажу фокус? Он станет твёрдым и длинным.

Я кивнула, фокусы дядя Миша всегда показывал отличные: в его руках ловко исчезали карты, монетки появлялись из ниоткуда, а в своих карманах я находила горсти конфет.

– Возьми его в ротик, – прислонив своего друга к моему лицу, произнёс он.

– Не хочу, – сморщившись от неприятного запаха, я попятилась назад, но дядя Миша крепко схватил меня одной рукой.

– Он хороший, – проводя им по моим щекам и губам, приговаривал он.

Я сжалась и, закрывая своё личико ладонями, произнесла:

– Мне не нравится эта игра, дядя Миша.

– Ты её просто не поняла.

– Я хочу уйти, пожалуйста.

– Нет, пока мы не поиграем, ты не уйдёшь, просто возьми его.

– Не хочу.

– Юля, если я сделаю иначе, тебе будет больно.

– Я не хочу, чтобы мне было больно.

– Тогда возьми его в рот, – настойчиво повторил он, и я почувствовала, как его руки убирают мои ладони с лица. Мне стало страшно, и я расплакалась.

Меня спас случай. Я не помню точно, что это было, но вдалеке неожиданно раздался громкий звук, он оглянулся на дверь, и его настойчивая хватка ослабла. Я этим воспользовалась и, резко дёрнувшись, бросилась к распахнутому окну. Он попытался схватить меня, но не успел, я спрыгнула вниз, разодрав об асфальт ладони с коленями и поцарапав подбородок. Я бежала под окнами первого этажа, громко крича «мама».

– Господи, ты как здесь? – испуганно воскликнула мама, выглянув в окно. Она помогла мне подняться.

– Дядя Миша, он показал мне какую-то штуку, он хотел сделать плохое, – захлёбывалась в рыданиях я.

– Я ничего не понимаю, – мама растерянно развела руки в стороны.

В это время к нам, виновато улыбаясь, подошёл дядя Миша.

– Нина, я извиняюсь, напугал её, наверное, – он достал из кармана тряпичную куклу-рукавичку, изображающую Бабу Ягу, и показал маме. – Вот что она увидела и напугалась.

– Нет, там было другое, – я спряталась за спиной мамы. – Он врёт.

– Юльчонок, ну прости, напугал я тебя, глупый старик, давай мириться, – он сел на корточки и, улыбнувшись, протянул мне палец для примирения.

– Нет, вы плохой.

– Юля, ну перестань, тебе просто стыдно, что ты такая взрослая испугалась игрушки. Посмотри, и колени все опять ободрала, Миша, есть зелёнка?

– Есть, пойдём, Юльчик, зарисуем тебя.

– Нет! – завопила я и крепко вцепилась в мать.

– Боже, да что с тобой такое? Миша, извини, не знаю, что на неё нашло, – виновато произнесла мама.

– Да ладно, всякое бывает, дети же, они такие выдумщики, что-то показалось ей, вот и напугалась. Ну, я пойду лучше, ты уж не слушай её сказки сильно, – промолвил он, почёсывая затылок.

– Конечно, нет, Миш.

Дождавшись, когда дядя Миша уйдет, я затараторила:

– Мама, он врёт, это у него было там, в штанах, он достал мне и показал.

– Юля, перестань! – прикрикнув, прервала меня мама. – Мне некогда слушать твои фантазии, мне домыть надо! Не то мы опоздаем, и придётся спать на вокзале.

На автобус мы, действительно, чуть было не опоздали, мама не могла отдышаться всю дорогу и кашляла. Больше я ей ничего не сказала, а лишь усиленно тёрла свою щёку. Я всё думала об этой неприятной игре. Может, я зря испугалась. Мне стало досадно, что я так и не увидела фокус. Но дядя Миша соврал маме, значит, в этой игре было что-то плохое, поэтому с взрослыми я решила больше не играть, и с тех пор обходила пост дяди Миши стороной.

Как милосердно детство в своём неведении. Я не понимала, что дядя Миша со мной делал, мне не нравилась эта штуковина у него между ног, было страшно и больно, когда он меня держал, обидно, что не поверила мама. Будучи ребёнком, я просто побежала дальше, а потом и вовсе забыла, что этот эпизод в моей жизни существовал. И не вспоминала, пока не подросла.

Мне было 10 лет, Дима учился в старших классах и решил показать видео, которое гуляло у них в школе под названием «минет Пэрис Хилтон», для него это была забава, для меня тяжёлая правда. Я посмотрела на него испуганными глазами, не решаясь спросить.

– Чёрт, я забыл, нельзя было тебе показывать, – увидев моё лицо, с досадой произнёс он и спрятал телефон.

Он не хотел, но ему пришлось всё рассказать. Мама никогда не разговаривала со мной на такие темы, она до сих пор закрывала мне глаза, когда в фильмах целовались, и Дима был первым, от кого я всё узнала. Меня тогда вырвало, и я долго плакала. Он гладил меня по голове и говорил, что теперь он рядом и больше никто так со мной не поступит.

Я не виню его в раскрытии этой правды. Он очень поддержал меня тогда, а это осознание всё равно настигло бы меня рано или поздно.

Но когда вся чудовищная мерзость произошедшего прояснилась, этот эпизод всё чаще стал всплывать в моей памяти. Каждый раз, вспоминая, я с каким-то бешеным исступлением тру свои щёки, которых касался его член. Удивительно, насколько в моей голове осели детали. Я помню стоявший в его каморке запах многократно заваренных дешёвых чайных пакетиков и до сих пор ощущаю, как провожу кончиками пальцев по оборванным краям наклеек Гены и Чебурашки⁶ на его обшарпанной тумбе. Грёбаные Гена и Чебурашка.

Прошло почти три недели после того вечера, и всё это время с Димой мы не разговаривали. Молчание было неотъемлемой частью нашего брака. Он часто так делал, то наказывая меня этим, то из-за проблем в бизнесе. Как было на этот раз, я не знаю. Спрашивать мне не хотелось. Его командировка была неудачной, я поняла это по громко брошенной дорожной сумке. Он был всё время погружён в свои дела и практически не находился дома, приезжая

⁶ Герои повести Эдуарда Успенского «Крокодил Гена и его друзья», 1966 г.

чаще за полночь. В наши редкие пересекающиеся встречи меня он не замечал, три раза мы занимались любовью в таком же нерушимом безмолвии.

Наверное, меня бы устроил такой брак: тишины и равнодушия, в нём я не испытывала хотя бы физической боли, но я знала, это скоро кончится, так происходило всегда, и в какую сторону на этот раз пошатнётся маятник наших отношений, предугадать было сложно.

Единственным местом, где я могла свободно дышать, стала кофейня. Я приезжала туда каждый день. Слова Сергея о том, что они видят каждого гостя, меня зацепили, и я тоже начала наблюдать.

Это странно, но, кроме чашки кофе, я ничего не видела раньше, и, спроси меня кто-нибудь, как выглядит кофейня, я бы не смогла её описать. А в ней было так много деталей.

На коричневых стенах кирпичной кладки были рисунки. На одной – большая бледно-фиолетовая чашка, из неё высыпались кофейные зерна, причудливо превращающиеся затем в женский портрет, на другой – расплывшаяся кофейная гуща, в очертаниях которой виднелся статный средневековый замок.

Необычная полка, сделанная из гитары, доверху наполненная книгами, дисками, банками кофе и приправами. В рамках висели фото с открытия кофейни: счастливые смеющиеся лица, размазанный по лицу Сергея торт, перерезанная красная лента. Рядом фотография первого гостя, первый выпитый стакан кофе и первая чайная чашка. На подоконниках росли зелёные мирты в аккуратно слепленных глиняных горшках горчичного цвета.

Я стала замечать и людей. Первой, кого я заметила, стала обаятельная рыжеволосая девушка-официантка, её живость, горящие глаза, звонкий смех обращали на себя внимание своей искренностью и чувственностью. Я не могла сдерживать улыбки, слушая её громкие эмоциональные восклицания в предобеденной тишине кофейни.

Шумный гитарист, парень с длинными волосами, вальяжно располагавшийся на стульчике у стойки, репетитор английского, неизменно заказывающая пуэр, никуда не успевающий логист, мне казалось, что за всю свою жизнь я не видела столько людей, сколько заметила сейчас. Почти все посетители были такими же постоянными гостями, как и я, мы встречались каждый день, здороваясь глазами и обмениваясь улыбками, и их присутствие стало для меня не просто естественным, а чем-то родным.

С Сергеем мы лишь приветствовали друг друга, не обмениваясь ни фразой больше. Неловкость от того, что он знает мою тайну, была сильна, и я избегала встречаться с ним взглядом.

Я наблюдала за ним издали, он часто бывал в зале, разнося заказы и непринуждённо беседуя с посетителями, смеялся за стойкой с другими официантами.

Сегодня мне захотелось с ним поговорить, и я негромко окликнула его, когда он проходил мимо.

– Да? – обернулся он.

– Вы не присядете?

– Конечно, обслужу постоянщиков и вернусь к вам.

Я наблюдала, как легко он общается с двумя молодыми людьми. Проводив их, он подошёл ко мне.

– Как ваши дела? – сев за столик, спросил он.

– Пока вполне неплохо. Мы просто молчим.

– А что с вашей щекой? – он внимательно на меня посмотрел.

– О нет, это я сама, слишком сильно потеряла. Он никогда не бьёт меня по лицу. Это единственная неприкосновенная часть моего тела, – грустно улыбнувшись, ответила я.

Он грустно улыбнулся в ответ. Мы сидели в заполненной тишиной паузе, я нервно терла краешек стола.

– Я вас смущаю? – спросил он.

– Нет, я просто никак не могу привыкнуть, что вы знаете обо всём этом, – растерянно произнесла я.

– Ну, я могу сделать вид, что не знаю, если вам станет легче.

– О нет, таких людей в моём окружении достаточно.

– Меня радует этот ответ. Надеюсь, что когда-нибудь смогу помочь вам.

– Почему вы так хотите мне помочь?

– Потому что знаю, через что вам приходится проходить.

Я в задумчивости на него посмотрела.

– Ваш тыквенный пирог! – весело произнесла рыжеволосая девушка.

– Спасибо, Карина, – тепло улыбнувшись, поблагодарила я, впервые назвав её по имени.

– О, е-е-е! – щёлкнув пальцами, радостно воскликнула Карина. – Макс, гони косарь, я выиграла, – танцуя, прокричала она другому бариста.

Сергей рассмеялся и, увидев недоумение на моём лице, пояснил:

– Они спорят, с кем же первым заговорит или начнёт обращаться по имени постоянный гость. Карина часто выигрывает. Но в этот раз по факту первым был я, конечно, – подмигнул ей Сергей.

– Хм, мне кажется, ты где-то сжульничал, биг босс. Да? Он же сжульничал? – прищурившись, спросила у меня Карина.

– Да, он сам со мной заговорил, – улыбнувшись, ответила я.

– Ах ты, проказник! – она потрепала Сергея по волосам. – Нарушаешь правила, значит? Минус сотка к твоей карме. Так, ладно, я полетела к посетителям. А вы заглядывайте к нам, мы же ещё с Максом не знакомы, он нереально крутой парень.

Я кивнула, улыбаясь.

– Так странно, что я раньше никого и ничего не замечала, – посмотрев на Сергея, сказала я.

– Просто не туда смотрели.

– Да, наверное. Я всё хотела спросить, почему вы работаете в качестве официанта?

– Ну, кофейня не приносит настолько хорошего дохода, приходится экономить на персонале.

Я в замешательстве опустила глаза, всегда испытывая неловкость, когда разговор заходил о деньгах. Мне словно было стыдно за наполненную роскошью жизнь, которую я проживаю.

– Простите, это шутка. Неудачная, – виновато улыбнувшись, произнёс Сергей. – Если серьёзно, мне нравится находиться по ту сторону, – он указал на стойку. – Я люблю варить кофе, общаться с людьми. Изначально я вообще не планировал открывать что-то своё, мне нравилась работа бариста, а вот вся подноготная со сплетнями и интригами утомила. Поэтому я и создал кофейню, где такого не будет, по крайней мере, не в мою смену.

– Здесь, правда, очень уютно.

– Спасибо, это приятно слышать. Кстати, пробовали нашу новинку? Мятный латте со сливочным мороженым?

– Нет, пока не довелось.

– Весьма неплох. Советую, особенно если вы – любитель мяты.

– Обожаю мятное мороженое

– Я тоже, а мятный шоколад? – оживлённо спросил он.

– Лучшее, что изобрело человечество, – улыбаясь, ответила я.

Глава 5. Маленький принц

«После случившегося я снова осталась одна. Вечерами, пока мама прибиралась, я бесцельно слонялась в окружении бетонных стен. Мне так не хватало друга, а мама была не в силах понять, отчего я вдруг перестала играть с дядей Мишей. И я чувствовала себя потерянным ребёнком в огромном лабиринте.

Мама мыла только первый и второй этажи, где никого, кроме нас и охранника, в такое позднее время не было, подниматься выше мне не разрешалось. Я подходила к широким лестничным пролётам, устремлённым в бесконечность, и, грустно вздыхая, возвращалась обратно. Мне казалось, поднимись я до самого верха, смогу достать звёзды, но проверить это не могла.

Однажды я решила нарушить запрет. Пока мама возилась в подсобке, я прошмыгнула мимо и ловко взбежала по ступеням до третьего этажа. Я шла, затаив дыхание, боясь встретить незнакомых людей, но, в тоже время, отчаянно желая их отыскать. Моя предосторожность была лишней: коридоры на верхних этажах были такие же покинутые и безликие, а двери кабинетов плотно закрыты.

Я проходила этаж за этажом, всё больше ощущая давящее одиночество стен. Я уже хотела бросить эту глупую затею и вернуться вниз, к маме, как вдруг услышала чьи-то голоса, прозвучавшие вдалеке. Тихонечко крадясь, я приближалась всё ближе и ближе к их источнику. Около одного из кабинетов я увидела женщину и ребёнка. Притаившись за углом, я наблюдала, как мама аккуратно повязывает сыну красивый ярко-алый шарф.

– Ох, я же забыла взять свою сумочку! Дима, постой здесь, я поднимусь до папы, – женщина ласково потрепала ребёнка по волосам и скрылась в дверях лифта.

Мальчик остался ждать, теребя бахрому своего шарфика. Переполняемая восторгом от встречи с живым человеком, я смотрела на него, как зачарованная. Он был похож на сошедшего со страниц сказочного героя: аккуратное детское личико, красивая изящная одежда, какой я никогда не видела, чёрные волосы, отливающие серебром в тусклом свете мерцающей лампы. Почувствовав на себе чей-то назойливый взгляд, мальчик вдруг оглянулся. Я быстро спряталась за угол и вжалась в стену, стараясь не дышать, но, услышав его приближающиеся шаги, поняла, что он меня заметил.

Он подошёл ко мне, его яркие, как изумруды, зелёные глаза внимательно меня разглядывали.

– Ну и что ты тут делаешь? – строго спросил он.

– Прячусь, – словно выполняя важное и совершенно секретное задание, ответила я.

– И кто же тебя ищет?

– Никто.

– В чём же смысл прятаться, если тебя никто не ищет? – недоумённо спросил он.

– В том, чтобы не потеряться. Вдруг однажды меня всё-таки удастся кому-то отыскать.

Он улыбнулся.

– Ну, считай, я тебя нашёл. Как тебя звать?

– Юля, – протянула я.

– И как ты здесь оказалась, Юля?

– С мамой пришла, она полы моет вот там внизу, – я указала пальчиком в пол. – А ты здесь откуда?

– А я оттуда, – подняв палец вверх, произнёс он.

– С другой планеты? – восторженно выпалила я.

Он рассмеялся.

– Какая же ты чудная!

– Ты просто не похож на других мальчишек, – насупившись, сказала я, раздосадованная тем, что он надо мной смеётся.

– А на кого тогда похож? – хитро подмигнув, спросил он.

Я посмотрела на его красивый мягкий шарф, обрамлённые пышными ресницами озорные глаза.

– На Маленького принца⁷, – на одном дыхании промолвила я.

Он с гордостью вскинул чёлку.

– Ну, значит, принцем и буду, а ты станешь моей Розой.

С тех пор мы с Димой стали неразлучны. Принадлежащие к двум абсолютно разным мирам, мы притянулись, словно близнецы.

Мне было пять, ему целых десять. Взрослым не понять, но для малышей это настоящий восторг, когда с тобой играют старшие. Я помню, с какой гордостью рассказывала в саду, что у меня есть десятилетний друг, и как с завистью покусывали губы другие ребята.

Я была взъерошенным, чумазым, покрытым заводской пылью ребёнком, Дима – моей полной противоположностью. Его внешний вид всегда был преисполнен лоска: красивая, хорошо выглаженная, дорогая одежда, отпаренные воротнички и манжеты, аккуратно причёсанные волосы. Дима был чистюлей, всегда носил в кармане салфетки, протирал ими мою грязную мордашку, покачивая головой и приговаривая:

– Юля, Юля, и откуда же ты взялась, такая замарашка? Как домовой.

Я хихикала, строила смешные гримасы, веселя его.

Дима был очень умным, рассудительным и серьёзным, он продумывал наши игры до мелочей, но легко раздражался, если что-то шло не по плану, и не любил, когда ему перечат. Я была смыслёной любопытной девчонкой, с неуёмной фантазией, обожающей баловаться и упрямиться. На Диму я всегда смотрела со слепым обожанием и восторгом. По его довольному взгляду и гордо поднятой голове понимала, как ему это льстит.

Мы виделись всего пару раз в неделю, чаще Дима не мог из-за школы и занятий. Я ждала наших встреч больше всего на свете, зачёркивая дни в своём маленьком календарике с лошадкой. И, отматывая всё назад, мне кажется, что иных дней, кроме дней наших встреч, в моей жизни не существовало.

Главным моим страхом было, что Дима однажды не придёт, и я снова останусь одна. Поэтому каждый раз я с замиранием сердца поднималась на наше место, боясь его там не отыскать. И заливалась тихим плачем, когда он опаздывал. Приходя, он жалел меня и говорил, что никогда не оставит.

Из-за его вспыльчивости и присущей мне резкости мы часто ссорились. Я всегда извинялась первая, догоняла его, крепко обнимала и говорила, что люблю больше всех в этом мире, а он великодушно меня прощал.

Дима много рассказывал о школе: прочитанных там книгах, учителях и одноклассниках. Он учил меня английскому, а я помогала ему учить стихи, которые он терпеть не мог. Передавала сказки, что им задавали прочесть. Их он тоже не любил, говорил, что они глупые и в них всё не так, как в жизни. Единственные сказки, что он признавал, были сказки Уайльда⁸. Уайльда я не читала, узнав об этом, в следующую нашу встречу он подарил мне большую красочную книгу. Я просидела с фонариком всю ночь, поглощая страницу за страницей, это были настолько жуткие, несправедливые и печальные сказки, что внутри меня всё сжималось, а в горле застревал комок, от которого я не могла избавиться. Я рыдала в подушку, боясь, как бы мама не услышала. Я тоже полюбила эти сказки, они были пропитаны болью, а что такое боль, я хорошо знала. Как знал и Дима.

⁷ Герой одноимённого произведения Антуана де Сент Экзюпери, 1943 г.

⁸ Оскар Уайльд, английский писатель и поэт.

Дима был единственным, кто понимал мои игры в насилие.

Я поделилась с ним, что мне нравятся игры, которые другим детям кажутся странными, он внимательно меня выслушал, а потом заявил, что ему такие игры тоже нравятся. И мы стали в них играть.

Дима с детства был сильным. Он швырял меня, словно пушинку, хватал так, что я не могла даже пошевелиться, но всегда предусмотрительно рассчитывал свои силы и следил, чтобы я не ударилась, поэтому страшно мне не было. Я всегда знала, что игра прекратится, если мне станет больно. Я ему доверяла, и от таких игр мы оба получали удовольствие. Дима сказал, что взрослым не следует знать об этом, и я с ним беспрекословно согласилась. Мне было пять, и я хорошо понимала, что если хочешь остаться непонятым и наказанным, то непременно расскажи взрослым.

Мы разыгрывали разные сценки и вообще любили примерять на себя роли, то отважного Робина Гуда и шерифа Ноттингема, то охотников за привидениями. Нашим фантазиям не было границ. Однажды Дима показал игру, в которую играют взрослые. Он повалил меня на пол и, забравшись сверху, принялся ездить туда-сюда, Дима делал это с таким сосредоточенным видом, что я захохотала, он нахмурился, сказав, что я должна изобразить страх и сопротивляться.

– Но я тебя не боюсь, с тобой играть в такие игры мне нравится. А вот с дядей Мишей – нет.

– Что за игры были у тебя с дядей Мишей? – нахмурившись, спросил он.

Я ему всё рассказала. Его кулаки тогда сжались, а лицо сделалось злым. Больше дядя Миша там не работал.

Как всякие юные искатели приключений, мы исследовали каждый квадратный метр в здании. Нося с собой связку ключей, Дима ловко открывал любую дверь. Я считала его настоящим волшебником и ещё больше им восхищалась.

– А что скрывается за этой дверью? – дёргая ручку, спросила я.

– Сейчас узнаем, – хитро сощурил взгляд он и, достав нужный ключ, повернул в замке.

Мы шли по большому коридору с панорамными окнами. Это был самый верхний этаж, так высоко мы ещё не забирались. Я открыла рот от удивления, мир внизу был таким крохотным, казалось, мог уместиться у меня на ладони. Дима лишь снисходительно улыбался, глядя, в какой восторг меня приводят уже привычные ему вещи.

Вдалеке мы слышали приглушённый шум. Дима подал сигнал молчать, и мы стали подкрадываться к массивным дверям одного из кабинетов. Чем ближе мы подходили, тем отчётливее становился звук. Но слов я не могла разобрать, как будто их вовсе не было.

Я заметила, как Дима напрягся, стоя у двери, не решаясь её открыть.

– Что там, ну что там? – нетерпеливо затараторила я и, скользнув перед Димой, дёрнула ручку. Дверь на удивление хорошо поддавалась.

Но то, что мы увидели, было далеко не детским зрелищем.

Мужчина со спущенными штанами, стоял к нам спиной, совершая толчкообразные движения, под ним, обхватив его спину ногами, извивалась, постанывая, женщина. Это была одна из тех игр, что показал мне Дима.

Дима осторожно закрыл дверь. Я видела, как сжалось в один сплошной напряжённый нерв его лицо. Его глаза стали дикими и наполнились слезами.

– Что случилось?! – испуганно воскликнула я.

Он крепко сжал меня в руках. Его пальцы впились в мою кожу.

– М-м, – простонала я, – что ты делаешь?

– Ты ведь мой друг, верно? – разжав свою хватку, спросил он.

Я согласно кивнула.

– Мне сейчас очень больно, и ты, как друг, должна мне помочь. Раздели со мной мою боль.

Сглотнув, я прижалась к нему и крепко зажмурила глаза. Его ногти вновь пронзили мою нежную белую кожу, я закусила губу, чтобы не закричать, сквозь плотно сжатые веки брызнули слёзы. А по рукам заструилась тёплая кровь».

Он был мой маленький принц, а они не бывают плохими и злыми, и не помочь ему, несмотря на всю испытываемую боль, я не могла.

Позже я узнала, что Дима действительно «принц», только вполне земной: его отец был генеральным директором огромной компании, которой принадлежало это здание. И это он трахал в зале совещаний секретаршу.

Глядя на спящего рядом мужа, я и сейчас видела того зачарованного мальчишку. Его безупречно красивые черты лица, по-детски нахмуренные брови, неплотно сомкнутые губы – во всём до сих пор сохранялся этот удивительный оттенок детской непосредственности. Он не мог не притягивать, и порой так сложно было вообразить, что в нём просыпается чудовище.

Он открыл глаза.

– Доброе утро, дорогая! – потянулся на кровати он и поцеловал меня в щёку.

Стеклянный шар нашего трёхнедельного молчания разбился.

Я настолько привыкла к тишине в доме, что звук его голоса был мне теперь непривычен. Я смотрела на него в растерянности и не хотела ничего говорить.

– У меня есть для тебя сюрприз, – словно не замечая моего смущения, радостно сказал он. Его зелёные глаза сияли мальчишеским озорным блеском. – Собирайся.

– Осторожно, милая, не поскользшись, – заботливо обхватив меня за талию, произнёс он.

Неровные деревянные поддоны, по которым мы шли, покачивались на скользкой вязкой грязи. Мы приехали куда-то в пригород. Впереди был пустырь, где ездила строительная техника и ходили в касках люди, громкий шум от проводимых работ больно отдавался в ушах.

– Зачем мы здесь? – спросила я, непонимающе взглянув на Диму.

– Сейчас узнаешь.

Он подошёл к одному из рабочих и что-то ему сказал. Тот помахал руками в запрещающем жесте, постепенно один за другим выключились машины, и единственным шумом стал только гул человеческих голосов.

Я огляделась кругом: разрытые траншеи, огороженные оранжевой сеткой, сваленные строительные материалы, вкопанные в землю металлические конструкции, залитые фундаменты. Стройка была в самом разгаре, и вообразить, что же здесь появится, было трудно. Единственное построенное сооружение стояло, укрытое тентами, оно было довольно длинным, одноэтажным и напоминало склад.

– Я хотел привезти тебя сюда, когда будет почище и чуть больше сделано. Но подрядчики меня серьёзно подвели. Это из-за них я был сам не свой всё это время. Прости меня, ладно? – нежно обняв меня, сказал он.

Я ничего не ответила. Его извинения всегда были одинаковы: в том, что с нами происходило, был виноват кто-то другой, а не он.

– Ты не догадываешься, что это будет? – с улыбкой глядя на меня, спросил Дима.

– Не имею ни малейшего представления, – равнодушно пожала плечами я.

– Уберите тенты, пожалуйста, – приказал он.

Рабочие засуетились. Сначала я увидела малахитово-зелёную кровельную крышу, потом стену, облицованную декоративным камнем бежевого цвета, вдоль которой тянулись малень-

кие, расположенные высоко и на расстоянии друг от друга окошки, затем большие деревянные ворота под цвет крыши. Я поняла, что передо мной, не дожидаясь снятия последнего тента.

– Дима... – начала я.

– Подожди, ничего не говори, давай сначала зайдём внутрь.

Когда рабочие закончили, он взял меня за руку, и мы зашли в открытые ворота.

Вдоль декорированных оранжевым кирпичом стен тянулись денники. Каменный пол, стальные решётки под цвет кровли, раздвижные деревянные двери, красивые резные задвижки. Я прикоснулась рукой к холодному пруту.

– Тебе нравится? – прошептал он над моим плечом.

– Да, – вглядываясь в проходящие сквозь окошки робкие солнечные лучи, ответила я.

– Я попросил возвести хотя бы один корпус конюшни и провести в нём внутреннюю отделку, чтобы показать тебе, как здесь все будет. На самом деле конюшен будет гораздо больше. Манежи, левяды, ипподром, небольшой комплекс для отдыха. В общем, работы предстоит много, но, думаю, через год уже сможем подвозить лошадей и потихоньку функционировать. Если меня опять эти идиоты строители не подведут.

– Зачем всё это? – повернувшись к нему, спросила я.

– Как зачем? – он рассмеялся и чмокнул меня в макушку. – Исполняю твою мечту. Здесь всё, как ты хотела, с оттенком зелёного пришлось сильно повозиться, я принёс твою любимую кофточку, и мы подбирали под неё.

– Спасибо, – я улыбнулась одними уголками губ.

– Тебе что-то не нравится? – пристально вглядываясь в моё лицо он.

– Нет, здесь всё прекрасно. Ещё один мой живой сон. Меня немного пугают масштабы. Я представляла себе пару денников с манежем и собственными лошадьми.

– Ты достойна самого лучшего, и через три года этот комплекс таким станет. Проект однозначно выгорит, я провёл полную финансовую и инвестиционную проверку.

– Очередной прибыльный бизнес? – грустно усмехнулась я.

– Я в авантюры не вкладываюсь. Ты не представляешь, сколько сил у меня на это ушло. Как непросто было всё реализовать, пришлось привлечь огромное количество людей и затратить массу ресурсов. И, если честно, я ожидал чуть больше радости на твоём лице, – недовольно проговорил он.

– Я ценю это. Но, Дима, мы молчали три недели и...

– Послушай, – резко перебил меня он. – Я понимаю, у нас в отношениях сейчас не всё гладко, мы многое пережили, и это наложило свой отпечаток. Но я люблю тебя и делаю всё только ради тебя, – он нежно провёл пальцем по моему лицу. – Ты самое главное, что есть в моей жизни.

– Как и ты в моей, – глядя в его глаза, тихо произнесла я.

Его губы нежно поцеловали мои, я осторожно обняла его, пробиваемая крупной дрожью. Это было невыносимо. Его объятия были самыми родными для меня, в них я снова становилась тем самым маленьким ребёнком, который жаждет любви и, наконец, находит. Меня тянуло к этим рукам. Но, в то же время, я с каким-то безмолвным ужасом понимала, что именно от этих рук мне стоит держаться подальше, он уже чужой для меня и моё тело его боится. Я была Соловьем⁹, который приближался к пронзающему шипу розы.

Около ворот послышались шаги, и мы оглянулись.

– Здравствуйте! Простите, что помешала, – застенчиво помахала девушка, стоявшая у входа в конюшню.

⁹ «Соловей и роза», рассказ Оскара Уайльда, 1888 г.

– Здравствуйте, Светлана! Вы как раз вовремя. Знакомьтесь, это Юлия, моя жена, она будет владельцем всего этого. Юля, это Светлана, самый лучший тренер по конкуру в городе. Теперь будет работать у нас.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась я, пожимая ей руку.

– Мне тоже. Дмитрий много про вас рассказывал и с таким восторгом. Готовы к прогулке? Я в недоумении посмотрела на Диму.

– Ещё один сюрприз, – он чмокнул меня в щёку.

Мы вышли на улицу, у входа стояли три лошади.

– Ну что? Познакомимся с этими красавцами? – спросила Светлана.

Я молча кивнула и подошла к грациозной лошади караковой масти, её плюшевая шёрстка приятно блестела, на лбу красовалась белая отметина в форме неровного вытянутого ромба. Этот конь был как две капли воды похож на мою первую лошадь, стерев пробежавшую по щеке слезу, я ласково провела рукой по его мордочке. Конь шумно выдохнул и стал тыкаться своим рыжим носом в ладони в поисках угощений.

– Его зовут Талион. Американская рысистая порода, – прокомментировала Светлана. – Он ваш, – она передала мне поводья.

– Мой? В смысле? – я вопросительно на неё посмотрела.

– Вы ей ещё не говорили? – обратившись к Диме, спросила она.

– Нет, не успел, – улыбнулся Дима. – Я купил его и вот эту белую лошадь. Будут первыми в нашей конюшне. А пока здесь ничего не готово, поживут у Светланы.

Я стояла в оцепенении, переводя взгляд с Димы на Светлану, единственным испытываемым мной чувством была неловкость, и мне хотелось сбежать.

– И я снова не знаю, что сказать, – напряжённо потирая лоб, наконец, ответила я.

– Ну, он тебе хотя бы нравится? – снисходительно улыбнувшись, спросил Дима.

– Да, конечно, он прекрасен, – я с нежностью потрепала загривок коня. – Спасибо, Дима.

– Предупреждаю сразу, у Талиона характер бунтарский и упрямый, но ваш муж сказал, что вы к такому привыкли.

– Да, моя первая лошадь была такой же масти и тоже очень упряма, – не сводя глаз с коня, ответила я.

– Так, вторую вашу красотку зовут Джули, – Светлана указала на серую в яблоко лошадь. – Полная противоположность Талиона: послушная, спокойная, у неё очень мягкая рысь, отлично подойдёт для детей.

– Ну и для меня, – рассмеялся Дима. – Надо же будет составлять тебе компанию в прогулках, – он приобнял меня за плечи.

– Ну что, давайте тогда немного прогуляемся? – предложила Светлана.

– Даже не знаю, я не сидела в седле уже три года, – нерешительно проговорила я.

– Перестань, ты с детства ездешь верхом, у тебя всё получится, давай, – подбодрил меня Дима.

Я с признательностью кивнула ему.

– Впереди хорошее ровное поле, – указала рукой Светлана, и мы неспешно двинулись.

– У вас отличная посадка, Юля, – похвалила меня она, – со скольких лет вы занимаетесь?

– С десяти. Я жила в посёлке, где был конезавод, когда-то большой, а в моё время состоящий всего лишь из десятка лошадей. Вначале я приходила просто смотреть, а потом стала ухаживать и заниматься. Лошади – прекрасные создания, когда они смотрят на тебя, то как будто видят насквозь.

– Да. Я с ними всю жизнь, и порой кажется, что они лучше людей, – произнесла Светлана, потрепав за уши свою лошадь.

Я тихо кивнула.

– Вы участвовали в соревнованиях?

– Нет.

– Мы решили, что спорт – это травмоопасно и серьёзная нагрузка для здоровья. А я слишком люблю свою жену, чтобы подвергать её такому риску, – с любовью на меня посмотрев, ответил Дима. – Поэтому ограничились уровнем хобби.

– Разумное решение, – одобрила Светлана.

– Никто не против, если я немного промчусь? – спросила я.

– Вас сопроводить? – поинтересовалась Светлана.

– Нет, я справлюсь сама.

– Юля, только будьте осторожнее, там впереди разрытый карьер, – предупредила меня она.

– Отличное место для тренировок по конкуру, – улыбнулась я.

– Нет, лошади его не преодолеть. Тут одно время пытались строить какой-то комплекс, но не пошло, стройку заморозили, а эти вырытые ямы с торчащими арматурами остались.

– Надо будет сказать рабочим, чтобы засыпали, пока кто-нибудь не убился, – произнёс Дима.

– Да, согласна.

– Так ты поедешь со мной, Дима? – нетерпеливо спросила я, желая поскорее убраться отсюда.

– Нет, быстрая езда не для меня, мы со Светланой пока обсудим рабочие моменты, а ты наслаждайся.

Я кивнула и, приподнявшись в седле, дала шенкеля. Конь резво пошёл в галоп. Я уже отвыкла от этих ощущений парящей земли и безграничной свободы. Жмурясь от задуваемого ветра, я с наслаждением слушала стук копыт.

Несвободными оставались только мои чувства, они бились, словно дикие звери в маленькой клетке. Дима воплотил в жизнь очередную мою мечту. Вот только исполняемые им мечты превращались в прах. Он забирал их у меня и делал своими. Я хотела место, где буду в уединении и спокойствии наслаждаться любимым делом, а он реализовал всё это в успешный бизнес-план. Но, даже будь всё иначе, я бы всё равно не смогла принять это с радостью и благодарностью. В нашей жизни было слишком много перенесённой боли, и на всём, что он делал, оставался её тяжёлый отпечаток. Я чувствовала себя неблагодарной дрянью, и мне так хотелось испариться.

Мы умчались уже достаточно далеко, я видела, как стремительно приближается обрыв, но всё равно продолжала направлять коня, это было бы отличным завершением, где последним испытываемым чувством будет свобода. Я расслабилась под потоками ветра, позволяя им меня нести, до последнего непреодолимого препятствия в моей жизни оставалось несколько метров. Моё сердце бешено колотилось, конь, не подозревая о грозящей ему опасности, продолжал всё так же послушно нестись вперёд. Я взглянула на его плюшевую шерсть и длинную гриву. Если я не остановлю его сейчас, то потом ему просто не хватит времени. Мои руки сжали поводья, и я резко их натянула, всадив корпус плотно в седло. От неожиданности конь спешно стал сбрасывать шаг, путаясь в ногах, едва сумев сохранить равновесие, он взвился на дыбы и громко заржал. Я смогла удержаться в седле. Мы остановились в метре от пропасти.

– Прости меня, мальчик, прости, – прислонившись руками к его шее, произнесла я, – ты слишком хорош, чтобы умирать вместе со мной.

Я смотрела в глубину пропасти и тихо плакала. Я всё больше запутывалась в паутине лжи, боли и непонимании, и как выбраться из всего этого, уже не представляла.

Глава 6. Зависимость

«Чем больше мы узнавали друг друга, тем сильнее привязывались. И таких редких встреч уже не хватало. Дима предложил приезжать к нему в гости и уговорил свою маму отпросить меня.

Мы стояли, притаившись за углом, и слушали, скрестив пальчики, я молила только об одном, чтобы мама меня отпустила. Услышав заветное «да», мы с Димой прыгали, как ненормальные, и обнимались. Наши мамы смущённо улыбались, глядя на нас.

Личный водитель Димы теперь стал возить и меня.

Сколько зевак собрал его чёрный блестящий тонированный «шестисотый» мерседес. Я не любила большое скопление людей и шла, испуганно держась за маму, под прицелом десятка любопытных взглядов. Таких автомобилей в посёлке не бывало. Самой крутой машиной у нас считалась машина моего папы: старая белая «Волга». Он купил её, разбитую и нерабочую, сам перебрал и поставил на ход. Папа страшно этим гордился. «Волга» стояла под окнами, и он каждое утро протирал её тряпочкой под завистливые взгляды соседей. Недовольно пожёвывая сигарету, отец вышел вместе с нами. Обошёл Димину машину кругом, оценивающе осмотрел, попинал по колёсам, харкнул и громко проговорил: «Видали и получше». Папа солгал, лучше мы не видели.

Дима ждал меня у себя, и в машине я поехала одна. До окошек, будучи маленького роста, я не доставала, и через настораживающую меня темноту стёкол видела лишь редко проскальзывающие верхушки деревьев. Неведение меня пугало, я вжалась в сиденье, касаясь ладонями холодного кожаного салона. Мои потные от волнения и страха ладошки оставляли мокрые отпечатки.

– Мне было так страшно одной в этой машине! – произнесла я, крепко обняв встречавшего меня у ворот Диму.

Он рассмеялся и громко воскликнул:

– Ну ты и трусиха, Юля!

Дима взял меня за руку, и мы зашли за ворота. Передо мной стоял большой дом из красного кирпича с башнями и вытянутой крышей. Я крепко сжимала Димину руку, боясь величия этого огромного замка. Я не знала, что такие дома бывают, и не видела их даже в фильмах.

– Ого, – только и смогла произнести я, оказавшись внутри.

Мы стояли посреди холла, стены которого были увешаны картинами и зеркалами в роскошной оправе, массивная мебель из красного дерева с золотистой обивкой приглашала расположиться около камина, широкая винтовая лестница вела на второй этаж, перед ней стояла большая статуя с фонтаном.

– Тебе нравится? – довольно улыбаясь, спросил Дима.

– Да. Но что мы будем здесь делать? – не решаясь и шагу ступить по натёртому до блеска паркету, робко промолвила я.

– Как что? Играть.

– А нам разрешат?

– Конечно, ведь это мой дом. Я здесь хозяин.

Димина комната была на втором этаже. Она выглядела слишком взрослой для ребёнка. Тяжёлая мебель тёмных тонов, плотные шторы, серые обои. Я ожидала увидеть яркую и красочную чудо-страну, но Дима сказал, что его отец такого не одобряет, ему не разрешалось держать дома даже надувные шары и мячики.

Зато у него была целая коллекция моделей машин. Они были аккуратно составлены в стеллаж со стеклянными дверцами. В сундуках хранилось разных видов и размеров игрушеч-

ное оружие. Высокие книжные шкафы были доверху заполнены книгами с яркими иллюстрациями.

Всевозможные роботы, лающие собачки, мяукающие котята приводили меня в невысказанный восторг. Я никогда ещё не видела настолько живых игрушек.

Диме игрушки уже наскучили, а вот мои эмоции ему нравились, он улыбался, глядя, как я удивляюсь всем этим вещам.

Он научил играть меня в свою приставку «Денди». Мы смеялись, переключая джойстики, проходя какую-то стрелялку. Вдруг Дима услышал звук подъезжающей машины и строго сказал: «тихо». Он превратился в один сплошной слух и, приоткрыв дверь своей комнаты, замер.

Входная дверь громко хлопнула, и внизу послышались голоса.

– Чёрт! – с досадой произнёс он. – Сиди здесь! – приказал мне Дима и сбежал вниз по лестнице.

Я послушно осталась ждать, сквозь приоткрытую дверь до меня долетали мужской и женский голоса.

– Пожалуйста, не сердись.

– Не сердись? Я миллион раз просил не называть меня «Аркашей» при других людях, безмозглая ты сука! Как же я хочу проломить твою башку, которой ты ни хрена не соображаешь!

– Папа, – раздался голос Димы.

– Чего тебе? Не видишь, мы разговариваем?! – раздражённо прокричал его отец.

– У нас гости, – спокойно ответил Дима.

Поняв, что они поднимаются, я заметалась по комнате. Диминого отца я не знала и, честно говоря, встречаться с ним мне не хотелось. Я искала место, куда бы спрятаться, но не успела, дверь открылась, и я в ужасе замерла.

– Мама её уже знает, а ты, папа, познакомься, это Юля, – представил меня Дима.

– Здравствуйте... – осипшим от волнения голосом произнесла я, вперив глаза в пол.

– Здравствуй, – сухо поздоровался его отец.

– Такая хорошенькая сладкая девчужка! – радостно воскликнула Диминая мама, тиская меня за щёчки.

– Мама, ей пять, а не два года, – строго сказал Дима, нахмутив брови.

Я с признательностью на него посмотрела, такие уси-пуси я терпеть не могла.

– Отстань от детей. Ждём вас на ужин через 20 минут. Не опаздывайте, – приказал отец Димы и удалился.

Мы ели, сидя за большим столом в столовой. В напряжённом молчании отчётливо был слышен раздражённый лязг столовых приборов в руках его отца. Я все ещё не решалась на него посмотреть, чувствовала, что он не рад моему присутствию, и мне было от этого неловко. Диминая мама пыталась пару раз завязать разговор и весело что-то щебетала, но я была не в силах разговаривать из-за сковавшего меня волнения, а Дима был напряжён так же, как его отец.

– Это из-за меня твой папа такой сердитый? – спросила я у Димы после ужина.

Он помотал головой.

– Он всегда такой. Знаешь, я очень рад, что ты ко мне приехала, когда у нас гости, ничего плохого не происходит.

Преисполненная гордости, я улыбнулась. Я чувствовала себя настоящим героем, спасшим Диму.

С тех пор я стала сама выбегать здороваться с его родителями и замечала, как, завидев меня, облегчённо вздыхала его мама, и в гнев уходил к себе в кабинет его отец.

Дима стал приезжать ко мне в гости тоже. Интерес к его машине не спадал, а, наоборот, с каждым разом увеличивался, слухи распространялись по посёлку с молниеносной скоростью, и зевак, желающих посмотреть, становилось всё больше. Диме, в отличие от меня, такое внимание нравилось, он вышагивал сквозь толпу, гордо задрал голову и довольно улыбаясь.

В первый раз он осматривал мою квартиру с не меньшим любопытством, с каким я осматривала его дом. Он признался, что тоже ни разу не был в таких жилищах.

– Как вам тут хватает места? – удивлённо воскликнул он.

Я пожала плечами. Я не знала, что места может не хватать.

У меня было мало игрушек: пара кукол, небольшая коробка с коллекцией бегемотиков и пингвинов из Киндера, тетрис, сделанные папой кукольные дома и железные конструкторы. Но зато мне разрешалось держать дома воздушные шары, играть мячиком и рисовать на обоях.

У меня было много картинок, нарисованных мамой, и вырезок из разных журналов. Я любила клеивать картинки в пустые тетради, писала там слова, и у меня получалась своя книга. Дима внимательно всё это рассматривал, ему такое нравилось, он хвалил и говорил, что у меня талант к писательству.

Мы строили с ним штабики из одеял и стульев, собирали целые города из всевозможных деталей, обводили монетки карандашом, делали переводки, много разговаривали и смеялись.

Вот только моего отца присутствие гостей в доме не останавливало.

Мы оба научились слушать и многое замечать. Дима определял настроение своего отца по хлопку двери, а я по запаху перегара, раздававшегося ещё далеко за дверью.

Отец вваливался в квартиру своей пьяной походкой, сшибая вещи в прихожей и матерясь.

– Опять этот щенок здесь? – каждый раз недовольно произносил он, завидев Диму. – Ты смотри, Юльку мою обидишь, я тебя порву, понял?

Мне было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю. Дима смотрел на моего отца со злостью и брезгливостью, я видела, как сжимаются его кулаки, и всегда опасалась, что они начнут драться. Поэтому, только заслышав папу на лестничных пролётах, мы сразу убежали гулять.

Я познакомила Диму с неизвестной ему дворовой жизнью: научила лазать по деревьям, прыгать по заброшенным плитам стройки, лепить из лопухов и грязи котлетки, прятать секретики и находить лягушек.

Мой двор был оживлённым местом, где всегда обитала куча детворы. Почти все ребята были уже школьниками, малышей одних гулять не отпускали, поэтому из маленьких там была только я и шестилетний Ваня с четырёхлетней сестрой Лизой, воспитываемые бабушкой. Старшие дети нас сторонились и запрещали участвовать в их играх, и мы с завистью наблюдали за ними издали.

Всё изменилось с приездом Димы. Он стал настоящим королём двора.

Дима благосклонно катал детей на своей машине вокруг дома, давал надевать свою кожанку и джинсовую кепку, угощал жвачками с наклейками.

Я его ревновала. Хмурилась, глядя, как легко он находит со всеми общий язык, по нему сходили с ума девчонки, а мальчишки смотрели со слепым обожанием, безоговорочно признавая своим лидером.

На улице мы играли в вышибалы, горячую картошку, казаки-разбойники и многое другое. Дима не знал этих игр до меня, но быстро втянулся и постоянно лидировал, каждый мечтал оказаться с ним в команде. Его выбирали капитаном, и он решал, кого возьмёт к себе, первой Дима всегда называл меня.

Мне завидовали и, когда Дима уезжал, донимали вопросами о том, как скоро он вернётся. Старшие ребята теперь наперебой хотели со мной общаться, сначала мне это нравилось, а потом я поняла – они дружат со мной лишь потому, что хотят быть поближе к Диме. И их внимание стало мне досажать.

Дружбу с Ваней и Лизой к тому времени я потеряла.

Сначала я просила Диму взять их в наши игры, но он ответил категоричным отказом, назвал их неудачниками и сказал, что им с нами не место. И предоставил мне выбор, с кем играть: с ним и другими ребятами или с этими двумя. Я закусила губу и выбрала Диму. Я всегда его выбирала.

Ваня обиделся на меня тогда, я пыталась играть с ним в отсутствие Димы, извинялась, но он лишь отмахивался. Больше друзей у меня не было.

Однажды папы посёлка объединились и сделали футбольное поле. И самой популярной игрой двора стал футбол. По вечерам поле занимали взрослые, днём – подростки, а утро было нашим временем.

Дима был капитаном футбольной команды в своей школе, стал и нашим. Он ловко вёл мяч и набивал больше всех. Дима набрал свою команду, начав, как обычно, с меня.

– Юля, иди на ворота, – скомандовал он.

– Нет, – опустив глаза, тихо сказала я. – Я боюсь. Можно я буду защитником?

– Нет, ты будешь вратарём, встань на ворота, – твёрдо повторил он.

– Нет.

– Аня, подойди, – громко крикнул Дима. – Будешь нашим новым вратарём. А ты, Юля, уходи с поля, ты больше не в команде.

Я хотела было что-то возразить, но ребята, которым не терпелось начать игру, вытолкали меня с поля. Почувствовав, как к моим глазам начинают подкатывать слёзы, я убежала.

Я плакала, стоя в подъезде, от досады раскусывая губы. Дима нашёл меня. Он встал передо мной, держа в руках мячик.

– Ты можешь вернуться к игре, если будешь меня слушаться. Твое место – место вратаря.

– Мне страшно стоять на воротах! – плача прокричала я. – Я боюсь, когда в меня летит мячик! Как ты не понимаешь?

– Это неважно. Я отдал приказ, и ты должна мне подчиняться, – строго произнёс он.

– Я думала, ты мой друг, – разочарованно ответила я.

– Я и есть твой друг.

– Друзья так не поступают!

– Откуда ты знаешь? У тебя нет друзей, кроме меня.

– Вот Ваня так себя никогда не вёл! – возразила я.

– Ну и где же сейчас твой Ваня? – дразнясь, произнёс он.

– Мы поссорились из-за тебя! – обижено воскликнула я.

– Нет. Просто ваша дружба с ним была ненастоящей. Разве он понимал твои странные игры? Хоть кто-то понимает их, кроме меня, Юля?

Я помотала головой.

– Я твой единственный настоящий друг. И сейчас ты либо возьмёшь мячик и встанешь на ворота, либо можешь вообще забыть про нашу дружбу. Другие дети не будут играть с тобой без меня, и ты снова останешься одна, – он положил мячик около моих ног и ушёл.

Я смотрела на мяч с ненавистью, мне хотелось лопнуть его и выбросить, перепахать это дурацкое футбольное поле и поломать ворота. Но потерять Диму я не могла, и, переборов себя, всё-таки взяла мяч в руки и вышла на поле.

Я стояла на воротах с закрытыми глазами, дрожа от страха, Дима с командой играли очень хорошо, и никто мне не забивал, но от испытанного потрясения я долго плакала потом.

В следующие игры я беспрекословно исполняла приказы Димы: становилась вратарём, глотая слёзы и закрывая глаза. Он самодовольно улыбался, видя моё подчинение. Так продолжалось ещё две игры, после – он больше не ставил меня на ворота».

– Давно я не видел такой чуши! – воскликнул Дима, открывая дверь, чтобы я вышла из кинотеатра.

– А мне понравился этот фильм. В нём есть идея.

– Какая?

– «Carpe diem»¹⁰.

Он рассмеялся.

– Отличная промывка мозгов, ты тоже впечатлилась речами этого самовлюблённого идиота?

– Ты слишком категоричен, Дима. Я не могу сказать, что полностью одобряю его действия. Но в основном он прав, порой в погоне за шаблонами и навязанными стереотипами мы пропускаем то, что действительно важно, – аккуратно возразила я.

– Да, да, роль в жалком школьном театришке гораздо важнее престижного образования, – саркастично произнёс он. – Для чего вообще снят этот фильм, чтобы и без того эмоционально нестабильные подростки совершали ещё больше безумств? И, забравшись на парты, читали стихи?

Я на минуту задумалась, проматывая в голове сцены из фильма, и устремила свой взгляд в мутное серое небо. Дима продолжал и дальше возмущаться, но, погружённая в себя, я не обращала на него внимания.

Он щёлкнул пальцами около моего лица. От неожиданности я испуганно подпрыгнула.

– Блин, Дима, ну что ты делаешь? – раздражённо воскликнула я.

– Хочу, чтобы ты развисла.

– Ты же прекрасно знаешь, что я пугаюсь таких резких движений и звуков!

– Так слушай меня, значит, а не витай чёрт знает где! – недовольно ответил он. – Фильм – откровенная безвкусица. И то, что он тебе понравился, меня разочаровывает.

– Разочаровывает то, что мне понравился фильм? А тебе не кажется, что причина как-то мелковата для разочарования?

– Вполне достаточна. В твоей голове творится бардак. И ты даже понять этого не в состоянии, – с пренебрежением бросил он.

– Да, жаль, что ко мне джойстик не предусмотрен, правда? Так было бы удобно управлять и задавать команды, как в твоей «Денди», – язвительно ответила я.

– Какой бред ты несёшь! – зло прошипел он и быстрым шагом направился к машине.

– Наша прогулка по парку отменяется? – спросила я, идя за ним следом.

Ничего не ответив, он сел в салон автомобиля, громко хлопнув передо мной дверью.

– Мне что теперь делать, ехать с тобой или...

Я не успела договорить, машина резко тронулась с места и уехала.

– Великолепно! – разведя руками, произнесла я.

Я ушла в «Пирог». Это место стало моим вторым домом, хотя, если задуматься, домом единственным, ведь только там я чувствовала себя комфортно и в безопасности.

Я проводила в кофейне целый день до возвращения Димы с работы, а когда он уезжал в командировки, то до закрытия. Познакомилась со всеми, кто в ней работал, и уже по чувствовавшейся с порога атмосфере могла определить, чья же сегодня смена.

Я стала всё чаще садиться за стойку, излюбленное место каждого уважающего себя постоянного посетителя. Сперва смущалась и была лишь невольным слушателем их разговоров, с робостью поглядывала на творившуюся по ту сторону кофейную магию, а потом сама не заметила, как втянулась и стала частью всего этого. Я смеялась вместе с ними до сводящих скулы и такого

¹⁰ Латинское выражение, переводится как «лови момент». Использовалось в фильме «Общество мёртвых поэтов» реж. Питер Уир, 1989 г.

давно забытого ощущения безусловного счастья, участвовала в смелых кофейных экспериментах и наблюдала за протекающей здесь жизнью: детскими перепалками Карины и Егора, её ссорами и примирениями со своим парнем Яном, нежной, держащейся на расстоянии влюблённостью Макса и Кати, её материнской заботой о белокуром озорном сынишке Тимке, которого она растила одна.

За то недолгое время я узнала так много об их жизнях, казалось, даже больше, чем о своей.

И мир, состоявший только из меня и Димы, стал мне уже мал.

Сергей всегда был в кофейне: либо за стойкой, либо у себя в кабинете. Мы общались с ним каждый день. Я не заметила, когда наши разговоры перетекли на «ты», но это случилось естественно и непринужденно. Врождённое чувство такта и наблюдательность позволяли ему безошибочно определять моё настроение и не вмешиваться в мои чувства. Он никогда ни о чём не расспрашивал. Но, чувствуя двойную порцию банана и карамели в своем латте, я понимала, что он прекрасно знает, когда у меня выдался плохой день.

С каждым днём мне хотелось делиться с ним большим и становилось легче, когда я ему всё рассказывала.

– Кажется, я опять испортила Диме настроение, – грустно улыбнувшись, произнесла я.

– Интересно, чем же? – поинтересовался он.

– Мне понравился фильм, который не понравился ему.

– Ужас! Как ты могла поступить с ним так бесчеловечно? – в наигранном изумлении воскликнул Сергей.

Я улыбнулась.

– Как хорошо, что теперь я понимаю, насколько это глупо. Раньше я бы тысячи раз проматывала в голове этот день и искала свою ошибку и вину, а сейчас могу просто отпустить. Спасибо тебе, – с признательностью на него посмотрев, произнесла я.

– Абсолютно не за что. Что за фильм, кстати, смотрели?

– Твоя рекомендация – «Общество мёртвых поэтов».

– Отличный выбор. Я посмотрел этот фильм в 11 классе. Нам показывали его в оригинале на уроке английского. И меня он тогда невероятно впечатлил.

– Запрыгнул на парту со словами «О, капитан, мой капитан»?

Он рассмеялся.

– Нет, я не мог так рисковать, это была моя седьмая школа, мне нужно было наконец-то доучиться.

– Ого, – удивилась я. – Седьмая? Что же случилось с предыдущими шестью?

– Ну, два раза мы переезжали, а оставшиеся четыре... скажем так, я был не самым спокойным учеником, и меня исключали.

– Четыре раза? – изумлённо переспросила я.

– Ладно, я был очень проблемным учеником, – смущённо взъерошил волосы он.

– Девушка, этот тип случайно к вам не пристаёт? – громко спросил подлетевший к нашему столику молодой человек с обрамляющими лицо длинными чёрными волосами и лёгкой небритостью.

– Нет, – ответила я, в недоумении глядя на Сергея.

Он собирался что-то сказать, но незнакомец хлопнул его по плечам и быстро заговорил:

– Вы скажите, если он начнёт к вам приставать, я позову хозяина кофейни. Хотя, ах чёрт, этот джентльмен и есть хозяин. Вот вам вдвойне не повезло, девушка, – и рассмеялся.

Сергей закрыл ладонью лицо и, тихо покачав головой, произнёс:

– И почему ты всегда так не вовремя. Юля, познакомься, это Стас; Стас, это Юля. И она уже в курсе, так что ты немного припоздал.

– Блин, вот фишка не прокатила, а! Мы постоянно её разыгрываем, чтобы девочек клеить, – подсаживаясь за столик, весело сказал он.

– Во-первых, не мы, а ты. Во-вторых, какого чёрта ты вообще сюда сел? – тихонько пихнув его локтем в бок, недовольно проворчал Серёжа.

– Познакомиться. Юлечка, вам кто-нибудь когда-нибудь говорил, что вы прекрасны, как бриллиант? – поднеся к своим губам мою руку, произнёс Стас.

– Стас! – закатил глаза Сергей. – Других свободных столиков много.

– Меня вполне устраивает столик в компании своего лучшего друга.

– А, так вы друзья? – вопросительно посмотрела на Сергея я.

– Мне бы хотелось сказать, что нет, но вынужден признать, что да, мы друзья. Как так вышло и почему мы до сих пор дружим – порой для меня загадка. Вот сейчас, например, – Сергей красноречиво взглянул на Стаса.

– Потому что я офигенный. И вообще, имею я право познакомиться с девушкой своего друга, разве нет?

– Юля не моя девушка, а наш постоянный гость, – спокойно пояснил Серёжа.

– Оу, да, наверное, был перебор тогда. Юля, прошу меня извинить, – изобразил поклон Стас.

– Ничего, – смущённо улыбнулась я. – Странно, что я вас здесь раньше никогда не видела.

– Действительно, странно, учитывая, что он совладелец этой кофейни, и у него тут полно обязанностей, – с укором сказал Серёжа.

– Это случайно вышло, просто был слишком пьян и где-то там расписался, – отмахнулся Стас. – Дорогая моя, я путешествовал долгих четыре месяца. Открывал своей душе то, к чему у меня призвание.

– Стас художник, – пояснил Сергей.

– Серёг, ну что за хрень? Это прозвучало как учитель ИЗО, – возмутился Стас и, обратившись ко мне, продолжил: – Я не просто художник, моя дорогая, я творец феноменально прекрасного и пронзительно великолепного! – воодушевленно воскликнул он. – Вот это, например, мои работы, – Стас указал на разрисованные стены кофейни. – Но моя главная страсть – портреты, и я с удовольствием запечатлю и ваши эстетичные черты лица, – со страстью проговорил он, вновь коснувшись моей руки.

Я сжалась от неловкости.

– Так, всё, пошли, я сделаю тебе кофе, – произнёс Сергей и, несмотря на возмущения Стаса, вытащил его из-за стола.

Сергей готовил кофе, и до меня доносились громкие восклицания Стаса: «да ладно», «шикарна», «охренеть», «замужем» и громкое шиканье Сергея.

Я понимала, что они говорят обо мне, и чувствовала себя неудобно. Я нервно теребила пальцы и смущённо прятала взгляд.

– Всё в порядке? – вернувшись, спросил Сергей, заметив моё замешательство.

– Да, просто... – я запнулась, не зная, как объяснить ему моё состояние.

– Я сказал ему, что ты замужем и никаких отношений, кроме как владельца кофейни и постоянщика, у нас нет, – поняв причину, пояснил Сергей.

– Ты не говорил ему обо всём этом? – обхватив рукой своё запястье, спросила я.

– Конечно, нет, Юля. Это не те вещи, что сообщают другим людям в пятиминутном разговоре, и я уважаю твоё право об этом молчать. Поэтому от меня никто и ничего не узнает.

– Спасибо, – с признательностью на него посмотрев, выдохнула я.

– У меня есть идея, – заговорщически начал Серёжа, – может, сбежим отсюда, пока он не вернулся? – он кивнул в сторону громко болтающего у стойки Стаса.

Я смущённо улыбнулась и осторожно произнесла:

– А Стас не расстроится?

– Расстроится, конечно, но он быстро найдёт, кого ещё донимать. Ну так что, кофе с собой и в парк?

– Давай.

Мы гуляли по парку, шелестя промёрзшей листвой под ногами, грея руки о тёплый стакан кофе. Очень долго мы шли молча, наслаждаясь густым, холодным воздухом, наблюдали за отдыхающими в парке.

– Знаешь, я рада, что встретила сегодня со Стасом. Знакомство с ним показало мне одну важную вещь, – сделав глоток, произнесла я.

– Какую?

– Что я ничего о тебе не знаю. Мы проводим много времени вместе, общаемся, шутим. Но кроме каких-то общих фактов, стандартных предпочтений, случайно услышанных от постоянщиков забавных историй, я ничего не знаю.

– А тебе бы хотелось узнать? – взглянув на меня, спросил он.

– Да.

– Ты можешь спросить, и я отвечу.

– А сам ты не хочешь ничего рассказать?

Он в растерянности пожал плечами.

– Ты не любитель рассказывать о себе, – с грустью констатировала я.

– Так же, как и ты.

Мы молчали, выдыхая горячий, пропитанный ароматом кофе, воздух. Парочка воркующих голубей, беззастенчиво выпрашивающих лакомство, бродила рядом. Сергей сунул руку в карман, достал оттуда пригоршню семечек и высыпал на землю. На шум падающих семян с разных концов парка полетели голуби.

– О, сейчас их тут соберётся целая толпа, – съёжившись, настороженно произнесла я.

– Не любишь голубей? – улыбаясь, спросил он, продолжая подбрасывать им угощение.

– Честно говоря, не особо, Дима говорит, что они переносят массу заболеваний.

– Ну, не такую уж и массу, основные – это орнитоз, туберкулёз, листериоз, сальмонеллёз.

– И после этого ты продолжаешь их подкармливать?

– Список заболеваний, передаваемых человеком, будет повнушительнее, но мы же регулярно контактируем друг с другом. Я за разумную предосторожность. Например, пить с голубями из одной чашки – не практикую. А от пары брошенных зёрен хуже никому не станет.

– Кстати, откуда у тебя такие познания в медицине?

– 8 сезонов «Доктора Хауса»¹¹, 15 – «Скорой помощи»¹², 16 – «Анатомии страсти»¹³, и это далеко не весь список просмотренных сериалов о медиках. Плюс моя мама врач, ну и на первом курсе медвуза я всё-таки отучился.

– А что произошло дальше? Оказался слишком проблемным студентом, и тебя отчислили? – весело спросила я.

Он улыбнулся.

– Нет, понял, что это не моё, и бросил.

– И многое ты в жизни бросал?

– Достаточно. Я долгий период времени искал себя и, наконец, нашёл. А что насчёт тебя? Кем видела себя ты?

– Сколько я себя помню, единственное, чего я хотела – это быть рядом с Димой, – с грустью произнесла я.

¹¹ Американский телесериал созд. Дэвид Шор, 2004 г.

¹² Американский телесериал созд. Майкл Крайтон, 1994 г.

¹³ Американский телесериал созд. Шонда Раймс, 2005 г.

– Это ошибка.

– Да, я знаю, потому что он не очень хороший человек.

– Нет, цель изначально неверна, даже будь он самым лучшим, ты сделала своим смыслом другого человека и поставила свою жизнь в зависимость от него. Зависимость от людей – это один из самых сильных видов зависимости. Это неправильно и никогда не приносит счастья. Когда-то моей целью было, чтобы мама мной гордилась. И я потерял уйму времени, добиваясь эмоций и чувств от другого человека, вместо того, чтобы заботиться о себе и думать, что же сделает счастливым меня.

– Дима тоже всегда мечтал добиться любви своего отца.

– И как результат? Он добился, и это сделало его счастливым?

– Нет, у него ничего не вышло, это единственное, где он провалился.

Глава 7. Плаза

«Мне было семь, когда мы с Димой впервые поцеловались.

Мы сидели на старом обшарпанном балконе нашей хрущёвки, раскрашивали нарисованного мамой на обшивке енота из мультфильма «Крошка Енот». У нас была бумага, вода, краски и кисточки. Дима предложил сделать бомбочки. Мы кидали их в прохожих и, смеясь, прятались под возмущённые крики.

Затаившись после очередного меткого броска, мы заговорщически переглянулись. Я захихикала в кулак, а Дима продолжил на меня смотреть. Долго, безотрывно, вдумчиво, словно изучая и пытаясь найти ответ на свой вопрос. Мне стало неприятно.

– Почему ты на меня так смотришь? Мне это не нравится.

– Прости, – отведя глаза в ту же секунду, произнёс он. – Я думал показать тебе одну школьную игру, но не знаю, стоит ли, мне кажется, ты ещё маленькая, а я не хочу тебя напугать.

– Ничего я не маленькая, – нахмурилась я. – Я даже твоей панночки не испугалась.

Он улыбнулся.

Дима уже закончил начальную школу, и игры в его среднем звене отличались от наших. Они были азартными и мистическими. Дима научил меня вызывать Пиковую даму, рассказывать страшилки, поднимать Панночку, бить фишки и играть в карты. Некоторых игр я боялась, но старалась виду не подавать. Он казался мне уже таким взрослым, что я просто не могла позволить себе быть маленькой трусихой рядом с ним.

– В нашей школе появилась новая забава, – начал он, – мы ловим девочек, зажимаем их в раздевалке и не отпускаем, пока они нас не поцелуют.

– Как принц принцессу в мультиках?

– Нет. Принц целует принцессу совсем по-взрослому. Мы просим поцеловать в щёку, но иногда хитрим и, когда они начинают нас целовать, резко поворачиваемся, подставляя губы. Почти всем девочкам эта игра нравится, хоть они и сопротивляются, но веселятся тоже.

– А что с теми, кому не нравится?

– Тех мы дразним и обижаем. Я бы хотел сыграть с тобой, – он сел напротив меня. – Ты не возражаешь, если я тебя поцелую?

Я помотала головой, вот ещё, буду я одной из тех противных девчонок, что они дразнят.

– Закрой глаза, – попросил он.

Я послушно исполнила и ощутила, как его губы на мгновение осторожно коснулись моих.

Открыв глаза, я увидела его сидящим в сомнении. Он вопрошительно на меня посмотрел и тихо произнёс:

– Юля, а разрешишь поцеловать тебя, как принц принцессу?

– А это не будет больно?

– Нет.

– Тогда целуй, – решительно сказала я, снова закрыв глаза.

Я почувствовала, как Дима приблизился ко мне вплотную и положил руки мне на плечи. Его губы резко впились в мои. Такая настойчивость меня напугала, и я попыталась отстраниться, но его рука крепко обхватила меня за голову. Он продолжил уже спокойнее и мягче, и я расслабилась. Я совсем не понимала, что нужно делать мне, и пыталась неловко повторять то, что делает он. Его губы пахли моей любимой жвачкой со вкусом «бабл-гам», и это было приятно.

Он отстранился от меня, но мы всё равно продолжали оставаться очень близко друг к другу. Я продолжала сидеть с зажмуренными глазами, мои щёки горели огнём от смущения, и всё же целоваться с Димой мне понравилось.

– Я женюсь на тебе, когда ты вырастешь, – твёрдо сказал он.

Я улыбнулась и с радостью закивала.

Больше мы не целовались, пока мне не исполнилось тринадцать. Дима решил, что я должна сначала повзрослеть, чтобы всё понимать, а этим поцелуем мы дали клятву верности друг другу: Дима будет ждать, пока я вырасту, а я буду расти только для него».

– Сегодня мы идём на ужин в «Плазу»! – довольно воскликнул Дима и чмокнул меня в щёку.

Я лежала на животе, лениво листая новости в айпаде. Был выходной, а их мы всегда проводили вместе, и в последнее время такие совместные выходные стали для меня утомительны.

– Есть какой-то повод? – без энтузиазма спросила я.

– Нет. Просто хорошо проведём время с друзьями.

– Кто будет?

– Как обычно: Макаровы, Жерновы, Мельниковы и мы с тобой. Будь готова к шести.

– Хорошо, буду, – не отрываясь от экрана, равнодушно кивнула я.

Дима забрал айпад из моих рук и, глядя на меня, недовольно спросил:

– Мне кажется, или ты опять чему-то не рада?

– Я просто «Плазу» не люблю, ты же знаешь об этом.

– Моя капризная принцесса, – с лёгким упреком произнёс он, погладив меня по волосам. – Надеюсь, к вечеру ты будешь в лучшем расположении духа, не подводи меня, пожалуйста, дорогая.

«Плаза».

Неприятная дрожь пробежала по моему телу, когда я слышала это название. Дорогой, элитный ресторан класса люкс, жадно растворяющий в своей роскоши, блеске и тоннах фальши.

«Плаза» была стилизована под европейский манер эпохи Ренессанс. Высокие сводчатые потолки, лепные колонны, выложенные на стенах фрески, накрахмаленные белоснежные скамьи, стулья и столы с резными ножками из дорогих пород деревьев, огромная свисающая с потолка люстра с сотнями кристаллов селенита, хрусталь и столовое серебро. Это далеко не всё, чем мог похвастаться этот ресторан, его воссозданное из прошлого величие вполне соответствовало ценам, поход туда обходился в целое состояние.

Наш первый визит в «Плазу» я запомнила на всю жизнь.

Это была первая годовщина нашего брака. Мне было всего лишь восемнадцать лет. Все прелести богатой жизни нам были тогда ещё недоступны. Мы жили в подаренной его отцом квартире, я училась, Дима работал менеджером.

Дима с родителями часто бывал в «Плазе», и в нашей совместной самостоятельной жизни грезил о ней в безумной фанатичности.

Провернув удачную сделку с хорошим клиентом, Дима впервые заработал на «Плазу». Он был окрылён этим событием, прыгал от счастья, словно маленький ребёнок, получивший заветную игрушку. Подхватив меня на руки и, кружа по комнате, произнёс:

– Сегодня мы наконец-то это сделаем!

Я засмеялась и крепко поцеловала его в губы, ласково теребя волосы. Я обожала видеть мужа таким счастливым.

Мы договорились, что после работы он за мной заедет.

Я выбрала его любимое тёмно-синее платье с красивым воротничком-стойкой, тонкой кружевной лентой-бантиком на шее, отороченными ажурной каймой рукавами и подолом. С трудом уложила свои пышные вьющиеся волосы в аккуратные локоны и заколола шпильками. Счастливая, я кружилась перед зеркалом в ожидании Димы.

Стояла тёплая летняя погода, поэтому я выскочила из дома в одном платье, захватив с собой плащик и клатч. Сев в машину, я с улыбкой потянулась к Диме, чтобы поцеловать. Но, увидев его наполненный гневом, впорывшийся в меня взгляд, замерла.

– Это что? – в ярости прошипел он.

– Твоё любимое платье, – робко ответила я. – Что-то не так?

– Ты понимаешь, куда мы идём? – отчеканивая каждое слово, с ледяной колящей злостью произнёс он.

– Я... я думала тебе понравится, я ни разу там не была, давай я быстро надену что-нибудь другое, – с дрожью в голосе проговорила я.

– Переодевание тебя не спасёт. Где макияж? – грубо спросил он.

– Тебе же не нравится, когда я крашусь.

– Как можно быть такой идиоткой?! – прокричал он и с бешенством ударил кулаком по моему сидению.

– Прости, – я разрыдалась от обиды и страха.

Машина с оглушительным визгом дёрнулась с места. Я плакала всю дорогу, вжимаясь пальцами в обивку сиденья. Мне было больно от произнесённых им слов и страшно от его сумасшедшей езды.

– Вытри слёзы, – приказал он, когда мы остановились у бутика.

Я заглотила оставшиеся невыплаканные слёзы в себя.

– Добрый вечер! Чем мы можем вам помочь? – с очаровательной улыбкой поинтересовалась девушка-консультант.

– Вот на неё, – небрежно указал на меня он. – Взамен этого баракла нужно подобрать хорошее вечернее платье.

– Будет сделано. Какие у вас предпочтения? – обращаясь ко мне, учтиво поинтересовалась девушка.

– У неё нет предпочтений, так же, как и вкуса. Выбирать буду я, – холодно отрезал Дима.

Я безмолвно одевалась в выбранные Димой платья и выходила к нему. Он сидел в кресле и оценивающе разглядывал каждый мой выход. И либо качал головой, либо отмахивался. Ему ничего не нравилось. Сколько платьев я тогда примерила – не знаю. Я так устала, что единственное, чего мне хотелось, это лечь на пол и заплакать.

Наконец он одобрительно кивнул, вместе с продавцом они подобрали к платью туфли и аксессуары, и я вышла из бутика в новом для себя облике.

Потом он привёз меня в салон.

– Сделайте из этого что-нибудь достойное, – бросил он стилисту.

Я видела его отражение в углу зеркала, он нервно поглядывал на часы, его скулы были напряжены, я понимала, что он невероятно зол на меня. Когда я, наконец, была готова, шёл уже девятый час вечера. К нашему бронированному VIP-столику мы не успели. Поэтому пришлось сесть за первый свободный.

– Это всё из-за тебя, – сквозь зубы процедил он, придвигая мне стул.

Я не могла листать меню. Мои руки дрожали, а глаза застилала пелена слёз, которым я не давала вырваться. Я огромными усилиями душила их, втягивая в себя, безумно боясь, что они вырвутся наружу, испортив весь макияж, и я снова разочарую Диму.

Весь вечер я так и просидела: глотая слёзы и чувствуя себя полным ничтожеством. Дима общался только с официантами, на меня он ни разу не взглянул, словно меня не существовало вовсе.

Мы вернулись домой. Он молча помог мне снять плащ, а сам так и стоял одетый, опираясь руками на тумбу и опустив голову. Я попробовала его обнять, но он грубо меня оттолкнул.

– Дима, пожалуйста, прости меня, – умоляюще произнесла я, стирая потёкшие слёзы.

– Ненавижу тебя! – сжав кулаки, озлобленно прошипел он.

И ушёл, громко хлопнув дверью.

Я свернулась калачиком на полу и разразилась рыданиями. Я чувствовала себя уничтоженной. Мне было так важно обнять его, прикоснуться, понять, что всё хорошо. Он этого не позволил, и мой мир раскрошился на мелкие кусочки.

Почти три месяца Дима не жил дома. Я не знала, что делать, боялась, что он со мной разведётся, и каждый раз, заслышав поворот ключа в замочной скважине, бежала навстречу. Но он лишь бросал на меня презрительный взгляд и, отталкивая мои руки, проходил мимо. Молчаливо занимался своими делами, не замечая меня, а потом уходил вновь. Я в слезах умоляла его простить и остаться, но он был непреклонен и каждый раз переступал через меня с безразличием.

Я рассказала обо всём своей маме, плача у неё на груди. Она меня жалела и говорила, что я просто ещё очень юная, что мне нужно было быть мудрее и подготовиться к такому важному для мужа дню. Мама сказала, что я умница и всему научусь, а Дима простит, и всё у нас будет хорошо.

Его мама, Татьяна Алексеевна, долго сокрушалась, что не подсказала мне, как правильно собраться в «Плазу». Она вздыхала и понимающе кивала, глядя меня по голове, говорила, что всё образуется, что Дима меня любит и, конечно, никогда не оставит.

– Он такой же, как его отец, Юлечка, – говорила она. – Очень вспыльчивый, но отходчивый. Просто дай ему время простить тебя.

Я бесконечно винила себя, что испортила такой долгожданный для него день. Я могла бы узнать у его мамы, как принято посещать «Плазу», или спросить у него самого, но не додумалась до этого. Моя ненависть к себе возрастала с каждым днём, я проматывала его слова в голове и терзала себя вновь. Когда Дима вернулся, ничего, кроме презрения к себе, во мне не осталось. Он просто пришёл и заговорил, как ни в чём ни бывало, как будто того вечера в «Плазе» не существовало вовсе.

Я выросла, стала мудрее и всему научилась. Сейчас у меня была целая гардеробная с развешанными в ряд изысканными вечерними и коктейльными платьями под всевозможные случаи. Все они были сшиты на заказ по идеальному стандарту. Появляться дважды в одном и том же было неприлично, поэтому после каждого визита я предусмотрительно заказывала на будущее парочку новых. Оплошностей я больше не допускала. Урок был жестоким, и я навсегда уяснила правила игры.

Диме льстило, какой эффект производит мой образ на окружающих, а я чувствовала себя красивым аксессуаром его дорогой жизни.

Сегодня я вновь обратила на себя внимание собравшихся: Антон похотливо меня разглядывал, присутствие рядом его собственной жены и моего мужа ничуть не смущало, он без стеснения концентрировал свой взгляд на интересующих деталях, Вика обвела холодным оценивающим взглядом, не лишённым зависти, Сонечка с наполненными детского восторга глазами без умолку осыпала комплиментами.

Мы часто встречались такой компанией и считались хорошими друзьями, но этих людей я совершенно не знала. Жены Антона часто менялись, Вика была уже третья его официальная жена, неофициальных мне и не вспомнить. У Антона был свой бизнес, с Димой они были связаны взаимовыгодным сотрудничеством. С Денисом их связывало то же самое и общие студенческие годы. Девушка Дениса Соня была самой юной в нашей компании, ей было двадцать, и в своей милой наивности она казалась мне совсем ещё ребёнком.

С Ваней и Мариной мы продолжали традицию дружить семьями, заложенную ещё Димиными и Ваниными родителями. Их паре я симпатизировала. Они были единственными, в чьих глазах я не видела себя подлежащей оценке вещью.

Вечер проходил в лёгкой, шуточной беседе с обсуждением кино, еды, немного политики и витавших в мире сплетен.

– Кстати, Дима, тот инвестпроект оказался полной лажей! – раздражённо произнёс Антон.

– А я тебя предупреждал, – спокойно сказал Дима.

– О, нет, они опять заговорили о работе. Ребят, мы договорились, свои дела вы решаете в офисах, – заметила Вика.

– Да я просто не понимаю, в чём его феномен, ты же никогда не прогораешь на таких вещах! – горячо воскликнул Антон.

– Подхожу ко всему с умом.

– Я тоже. Но за тобой однозначно стоит какой-то серый кардинал.

– Да, и он сейчас сидит напротив тебя, Антон, это моя жена. Как гласит одна английская мудрость, за каждым великим мужчиной стоит великая женщина, – улыбнувшись, произнёс Дима и крепко поцеловал мою руку.

Я смущённо улыбнулась ему в ответ.

– Боже, как это мило! – захлопала в ладоши Соня.

– Вот почему Дима всегда говорит своей жене комплименты, а ты мне нет? – с вызовом спросила Вика.

– Может, потому что я, в отличие от него, прогораю на фондовом рынке? И, очевидно, за мной стоит не такая уж великая жена? – язвительно ответил Антон.

– А может, ты просто сам немножко не дотягиваешь до величия? Очевидно, Юле с мужем куда больше повезло, – в тон ему проговорила Вика.

– Воу-воу, ребят, брейк.

– Ходишь по краю, Антон, третьего развода твоя фирма не выдержит, – смеясь, произнёс Дима.

– Конечно, учитывая условия нашего брачного контракта. Вот она, настоящая любовь, детка, я согласился на охренительные условия выплат тебе в случае развода. По факту ты получаешь всё.

– Мой папа просто хорошо вложился в твой бизнес, и у тебя не было другого выбора, кроме как это подписать, – с холодной натянутой улыбкой сказала она.

– Ты схватила меня за яйца, да, другим жёнам такого не удавалось.

– Никогда этого не понимал. Это что получается, заключая брак, ты заведомо готовишься к разводу? – с недоумением спросил Ваня.

– Вань, ты немного в другой категории, – пренебрежительно начал Антон. – В нашем мире, где водятся большие деньги, брак – это сделка, и порой с весьма негативными последствиями. Нужно предусмотреть всё. Мы же здесь все взрослые люди и в сказки про «долго и счастливо», думаю, никто не верит?

– Порой хотелось бы, – улыбнувшись, произнесла Марина.

– Ну Антон! Ты только посмотри на Юлю с Димой! Я когда их вижу, у меня сразу рисуется красивый диснеевский мультик в голове, – радостно воскликнула Соня. – Вы вместе со сколько лет?

– Мне было пять, когда мы впервые встретились, – ответила я.

– Какая прелесть! И чем не сказка? – умилилась Соня.

– С брачным контрактом, я надеюсь? – спросил Антон, обращаясь к Диме.

– Нет.

– Да ладно? – ошеломлённо воскликнул он.

– Не вижу в нём необходимости. Я уже говорил, что все мои заслуги – это наши общие достижения, и права в отношении них у нас равны.

– Это благородно, – отметила Вика.

– Я бы сказал, что глупо, но, учитывая, что ты не вкладываешься в провальные проекты и считаешь каждый свой шаг, очевидно, в чём-то есть подвох. Осталось только определить, в чём, – Антон, щурясь, смотрел на Диму.

– Перестань, просто не все такие циники как ты, Антон, – нахмурившись, проговорила Соня. – Вика, вот как ты вообще с ним живёшь?

– Хороший секс многое искупляет, – равнодушно бросила она. – У каждого брака есть свои секреты, детка, повзрослеешь, и ты тоже это поймёшь.

– Ну же, Горяев, делись своим секретом, – подначивал Антон.

– Мы с Ваней просто вверяем свою судьбу в руки прекрасных женщин, – чмокнув меня в щёку, с улыбкой произнёс Дима.

– Как это трогательно! – вновь умилилась Соня. – Давайте на этой хорошей ноте мы уже скажем вам приятную новость, – весело отозвалась она. – У нас с Денисом скоро появится маленький.

– О, это же так здорово! Поздравляю, дорогая!

Все попеременно принялись поздравлять Соню и Дениса, Дима крепко пожал его руку и похлопал по плечу. Я обняла Соню, выдавив из себя неловкую улыбку.

– Спасибо всем. На УЗИ сказали, что у нас будет мальчик, – радостно зашебетала Соня. – Мы уже начали выбирать имена. Это такой сложный процесс. Сейчас, схожу в уборную, и всё расскажу, – вставая, произнесла она. – А то мне наш пузожитель немного давит на мочевой пузырь.

– Боже ж мой, какой у неё срок? – спросил Антон, глядя вслед удаляющейся Соне. – У неё живота даже не видно, что там может давить?

– Самовнушение, – отмахнулся Денис.

– У меня только один вопрос, нахрена она тебе вообще нужна? – с пренебрежением сказал Антон.

– Антон, это грубо, – возмутилась Марина.

– Ну, смотри, – спокойно начал Денис. – Мордашка симпатичная, фигурка хорошая, юная, доверчивая, я её первый мужчина, сейчас со свадьбой немного подинамлю, ребёнком к себе привяжу, и всё, детка будет моей. А там я уже возвращу эту милую дурочку и сделаю той женой, что мне необходима. Прости, чувак, но я не хочу, чтобы меня жена хватала за яйца, так же, как тебя, а эта будет просто смотреть мне в рот, внимая каждому слову, и делать то, что нужно мне.

– Ну, что я могу сказать, умно, конечно, умно, – признал Антон.

– Так нельзя, – осуждающе произнесла Марина.

– Да перестань, она сама позволяет так с собой обращаться, – усмехнулась Вика.

– Сомневаюсь, что она вообще понимает, что происходит, – тихо проговорила Марина.

– Это её проблемы, не будь такой доверчивой, наивной идиоткой. Женщина, которая позволяет вытирать о себя ноги – ничтожная женщина, – с презрением произнесла Вика, попивая вино.

– Страшно слышать такие слова из уст женщины, – с грустью ответила Марина.

– Кстати, а слышали новость, что Витёк с Леркой разводятся? – спросил Антон.

– Мельком, я не вникал, – небрежно бросил Дима, накладывая мне салат.

– Оказывается, он её бил. А она якобы устала это терпеть и решила развестись, короче сейчас Витёк прикурит с этой неадекватной. Ещё и имущество у него оттяпает, – отхлебнув из бокала, пробросил Антон.

– Ещё один пример, сама виновата, – заметила Вика. – Не позволила бы в первый раз так поступить, не было бы и второго, а так сама протянула ему белый флаг, а теперь плачется. Не понимаю таких, честно. У них в голове диагноз, им просто нравится быть жертвой, это их

стиль жизни: я несчастна, пожалейте хоть кто-нибудь. И всё, что она делает сейчас, это лишь очередной способ привлечь внимание.

– Да, да, по ней же видно, что она баба с прибабахом. Как он вообще с ней жил, бедолага, – рассмеялся Антон.

Я сидела, кусая губы и опустив глаза, будто уличённая в чём-то постыдном, Дима осторожно сжал мою руку и взглядом показал, чтобы я подняла голову и улыбалась.

– Что вы тут обсуждаете? – весело прошептала вернувшаяся Соня.

– Развод Витька. Леру он бил, как выяснилось.

– Ой-ой, давайте не будем такие ужасы рассказывать! – сморщила носик она. – Слава богу, среди нас таких нет. Ведь нет, Антон? – испытывающе взглянула на него Соня.

– А что сразу я? – возмутился он.

– Ты единственный такой, ну, грубый, понятно же, что не у Димы с Ваней мне спрашивать.

– Ты знаешь, что мне сделает её папаша, если я её трону? Мне её даже нахер послать нельзя!

– Мучаешься, да, от этого? Нельзя послать жену, – язвительно заметил Ваня.

– Ой, Вань, нашёл, чем подколоть, – отмахнулся Антон. – У вас тоже звёзды да ромашки одни в отношениях? Я скажу вам так: ударил, послал, это бытовуха, ничего в этом такого нет, а вот нахрена это на всеобщее обозрение выставлять, я не понимаю. Лерка ходит теперь всем жалуется, ну избил тебя муж, сиди и молчи об этом.

– Так, давайте лучше к именам вернёмся, – предложила Марина. – Соня, расскажи, какие вы присмотрели.

– Мы выбираем между Богданом, Родионом и Матвеем.

Я вздрогнула.

– Простите, мне нужно отлучиться, – сказала я и удалилась в уборную.

Я стояла, держась руками за холодный край мраморной раковины, делая глубокий медленный выдох. Дима зашёл ко мне и слегка приобнял за плечи.

– Это так тяжёло, – тихо произнесла я.

– Я понимаю, – нежно массируя мне плечи, проговорил он.

– Я хочу уйти. Давай уедем домой, пожалуйста, – умоляюще просила я.

– Нет. Это неприлично.

– Мне больно всё это слушать.

– Потерпи немного.

– Не хочу, прости, я поеду домой.

– Нет, – отрезал он, и его руки крепко сжались на моих плечах. – Ты вернёшься туда, нацепив улыбку, отшутиться и продолжишь беседу, тебе ясно? – не терпящим возражений тоном проговорил он.

Я кивнула.

– Дай мне пару минут.

Он расслабил свою хватку и, поцеловав меня в шею, вышел.

Обратной дорогой мы ехали в плотном потоке машин по мосту, я безотрывно смотрела в окно на утопающие во тьме фонарные блики.

– Останови машину, – громко произнесла я, повернувшись к Диме.

– Что, прямо здесь? – недоумённо на меня посмотрев, спросил он.

– Да.

– Юля, если мы остановимся сейчас, то заблокируем движение полностью, – спокойно сказал он.

– Ты либо остановишь сейчас эту чёртову машину, либо я выйду так, – зло произнесла я, в решительности схватившись за ручку.

– Николай, остановись, – распорядился Дима, – мы выйдем, перепаркуешься в подходящем месте.

Мы остановились. Я вышла под громкие недовольные сигналы вставших из-за нас машин.

Дойдя до перил моста, я облокотилась на них, вглядываясь в безмолвную речную гладь.

– Что с тобой происходит? Это твой любимый мост или ты просто показываешь характер? – недовольно произнёс Дима, настигнув меня.

– Ты вообще любил его? – глядя Диме в глаза, спросила я.

– Юля, это был и мой ребёнок тоже.

– Да, но ты не оборачиваешься в парке, когда слышишь имя «Матвей». Ты, смеясь, выслушиваешь все эти истории, не стоишь подолгу у витрин детских магазинов, замечая все те игрушки, что мы ему покупали. Для тебя как будто этого эпизода не существовало вовсе.

– Юля, прошло уже два года.

– У горя нет срока давности.

– Глупая фраза для людей, не желающих ничего менять в своей жизни и жаждущих вечно страдать, – с пренебрежением бросил он. – Мы потеряли ребёнка, да, такое бывает, просто нелепая случайность, которую никто не мог предотвратить. Мы должны это отпустить, слышишь? У нас ещё будут дети. Мы будем пробовать снова и снова, пока не получится.

– Ты меня не понимаешь, Дима. Мне больно не от отсутствия у нас каких-то абстрактных детей. Я скучаю по своему сыну!

– Да мы его даже не знали! Он не прожил ни одного дня, Юля!

– Я шесть месяцев слышала его сердечко, чувствовала каждое его шевеление внутри себя, подставляла ладошку под его пинки, никогда не смей говорить мне, что я его не знала! – в ярости прокричала я и пошла прочь.

– Куда ты пошла?

– Прогуляться. Одна, – холодно отрезала я, удаляясь.

Глава 8. Каберне

«Я научилась прятать ножи. Мне было восемь, и это был мой личный повод для гордости. Я так быстро и искусно их прятала, что порой сама могла с трудом отыскать. Это была настоящая борьба, подгоняемая жутким страхом смерти.

Когда все остальные дети играли около школьного двора после уроков, я неслась домой. Мне нужно было непременно прийти раньше мамы, чтобы успеть её спасти.

Я ни разу не видела, как отец хватался за нож. Возможно потому, что сначала ножи, завидя отца пьяным, быстро убирала в духовку мама, а потом стала прятать я. Он кричал, что убьёт нас, каждую свою пьянку, и, сколько я себя помню, мы всё время этого боялись.

В моей памяти хорошо запечатлелся момент утраты веры. Шестилетней малышкой я плакала на кухонном полу перед божницей и молила Господа, чтобы отец больше не пил. Я готова была отдать Богу всё, правда у меня ничего не было, но ребёнком кажется, что ты всемогущ, стоит только захотеть, эта вера исчезает с годами, а во мне, шестилетней, она ещё жила. Я в исступлении целовала свой позолоченный крест и шептала до изнеможения:

«Спаси и сохрани, Отче! Пожалуйста, пусть мамочка будет жива, пусть он её никогда не убьёт! Пожалуйста, Господи! Пусть он больше не пьёт, он хороший, когда не пьёт, пусть он будет всегда хорошим!».

Молитвы мне не помогли, в тот день отец пришёл пьяным, мать он не убил, но избил так сильно, что она вновь оказалась в больнице. Мой позолоченный крест угодил в мусорку, выписавшейся из больницы маме, я сказала, что потеряла его. Бог оказался чудовищем в своей жестокости, и больше я в него не верила...

Потеряв веру в Бога, надеяться я могла только на себя.

Главным страхом было, что я опоздаю вернуться домой с уроков, мать застанет пьяного отца раньше меня. И он её убьёт.

Я не верила в хорошее, ведь мои добрые светлые мечты, никогда не осуществлялись, но научилась верить в плохое. По дороге домой я рисовала страшную картинку, как отец убивает мою мать. Мне казалось, если я буду представлять такую жуткую реальность, то она никогда не наступит. Я убивала свою семью снова и снова, видела, как толкаю незапертую дверь, захожу в залитую густой кровью квартиру, где в реке крови лежит моя убитая мама, а рядом отец, который, поняв, что натворил, покончил с собой. Бывало в моих видениях, он был жив, и тогда я убивала его уже сама. Я рисовала каждую мельчайшую деталь, ведь чем ярче я нарисую, тем больше шансов спасти. И я старалась изо всех сил. Я видела мамыны открытые замершие глаза, её пропитанные кровью волосы, застывшие в крике безжизненные синие губы, окровавленные руки отца и брошенный нож. От представленного ужаса у меня сводило дыхание, и сердце начало стучать быстрее, я прибегала домой с намокшим от слёз лицом и, садясь на пол, задыхаясь, радостно шептала: «Успела».

Жуткие картинки, рисуемые страхом, жили в моей голове до самой смерти отца. Я всегда открывала дверь нашей квартиры со схватывающим дыхание ужасом.

Когда мы стали жить с Димой, я не могла видеть ножи спокойно стоящими на видном месте на столешнице. Я прятала их за разделочными досками. Мне потребовалось несколько лет, чтобы привыкнуть и не испытывать чувство страха и тревоги, глядя на них.

Сейчас я прохожу спокойно мимо большой коллекции ножей, стоящей на подставке у нас в столовой. Но, взглядываясь в налитый бокал каберне, я до сих пор вижу эти кровавые реки».

Я сидела около стойки, пытаюсь согреться имбирным чаем. Ребята утомлённо обнимались, переводя дыхание после нашествия посетителей. Кофейня пользовалась популярно-

стью, и с каждым днём желающих сюда приходиться становилось всё больше. Мне приходилось частенько уходить гулять, пока посетители не разойдутся.

Сергей вышел из своего кабинета и, тяжело вздохнув, произнёс:

– Как же я... – продолжил он одними губами. – Простите.

– Поздравляю тебя, теперь ты тоже член клуба задолбанных! – торжественно объявила Карина, поставив на голову Сергея бумажный стаканчик.

Они веселились, примеряя стаканчики и зажимая соломинки как усы. Я смотрела на их дурачества с улыбкой. Моё присутствие в кофейне стало для них таким привычным, и они не стеснялись при мне в проявлении любых своих эмоций.

– Кофейных зёрен не хватает для полного образа сумасшедшего бариста, – произнёс Максим, вставив зёрна себе в зубы.

– Ох, Стас бы нашёл им применение поинтереснее, конечно, – сказала Карина и ребята прыснули от смеха.

– Юля, не считай нас в конец сумасшедшими, ты просто не знаешь этой истории, – сквозь смех промолвил Максим.

– О, я сейчас расскажу! – живо откликнулась Карина. – Ты уже успела познакомиться с творцом всего и вся здесь нарисованного – Стасом?

– Да.

– Так вот, это он учудил, попросили его сделать таблички для дверей туалетов. И спустя несколько месяцев он их приносит. И что же там? Обнажённый мужчина, достоинство которого скрывает кофейное зерно, и обнажённая женщина с кофейной чашкой на понятном месте. Теперь внимание, к этому всему прилагался механизм, и при занятом туалете чашка и зерно отодвигались, а там все чётенько так прорисовано. На наш недоумённый взгляд: «Что за херня?» – Стас изрёк целую философскую мудрость, что зерно – это символ зарождения нового, как соединяются мужчина и женщина в акте любви, так кофейное зерно раскрывается в умелых руках бариста, даря истинное наслаждение. В общем, мы решили, что концепт слишком глубок для дверей уборной и таблички, к величайшему горю Стаса, не повесили.

– А он же устроил целую презентацию этого шедевра.

– Ой, Белозерцев вообще у нас непризнанный гений. Сколько ещё его невероятных идей мы забраковали.

– Бедный Стас, – сочувственно улыбнулась я. – А где же сейчас эти таблички?

– Не знаю, наверное, где-то у него хранятся, – пожал плечами Сергей. – Сделано, конечно, красиво, но вообще не туда. Так, ребят, я очень извиняюсь, но мне нужно ещё минут 30, чтобы закончить, я добью закупки и отпущу вас на обед. Поработаю здесь, надеюсь, аромат кофе придаст мне сил.

– Ок, у нас всё равно ещё забот по горло, мы даже не всю доставку собрали.

Ребята вернулись к своим обязанностям, Сергей заполнял таблицу на планшете. Я открыла электронную книгу и погрузилась в чтение, но прочитать мне мало что удалось. Происходившая суета то и дело отвлекала, не давая сосредоточиться. Измотанные ребята с трудом справлялись с заказами, и, как сказал Максим, уже любили людей на самом дне души. Серёжа то отрывался от своих дел, помогая ребятам обслуживать посетителей, то вновь погружался в планшет. Он старался совмещать, но забытые гости, часовая задержка доставок, перепутанные заказы – показывали, насколько ему это не удаётся. Я видела, как его это выбивает, за каждый промах он винил себя.

Мне было жаль его и ребят. И очень стыдно за себя. Мой день был наполнен лишь чтением книг в кофейне, и усталость после тяжёлой рабочей смены была не знакома. Мне хотелось хоть немного быть причастной, как-то им помочь, но я ничего не умела, и чувство неловкости от этого только усиливалось.

– Может быть, тебе стоит кому-то делегировать часть своих обязанностей? – робко спросила я, когда Серёжа в очередной раз склонился уставшей головой к стойке.

– Да, только этот кто-то трубку не берёт, – мрачно произнёс Серёжа. – Слушай, а ты не одолжишь мне свой телефон? Стас иногда мой специально игнорирует.

– Да, конечно, – я протянула Сергею свой айфон.

– Здравствуй, Стас, какого чёрта ты опять мне не отвечаешь? – раздражённо начал Сергей.

Он отошёл подальше. По его нервной жестикуляции я догадывалась, что разговор этот был не из приятных.

Серёжа вернул мне телефон, шумно выдохнув.

– Гадёныш, – со злостью массируя голову, произнёс он. – Бросил трубку.

– Будешь звонить Стасу ещё раз? – протягивая телефон, предложила я.

– Нет, ты теперь в его телефон занесена, как «Серёга Кофейня, не брать трубку», так что навряд ли он ответит.

– Оу, так меня ещё не называли. Теперь если я захочу пообщаться со Стасом, то без шансов? – улыбнувшись, спросила я.

– Прости, без, – улыбнулся мне в ответ он. – На самом деле он отвечает, конечно. Просто, как сказал Стас, он увидел, что я нервно звоню, а значит, намечается какая-то лажа, так что лучший способ избежать проблем, по его мнению – вообще о них не знать.

– Похоже, он не любит брать на себя какие-то обязательства, – грустно констатировала я.

– Это точно, но он мне сейчас так нужен.

– Дичайший день сегодня, – произнесла, выходя из кухни, шеф-кондитер Диана. – Ребят, обед готов, давайте все за стол. Юля, на тебя тоже рассчитано, так что не вздумай отказываться.

– Ещё 5 минут, и я всех отпущу, добиваю закупку, – вновь взяв в руки планшет, произнёс Сергей.

– Серёженька, насчет закупок, я вот вообще скоро на нуле, что по моей заявке? – спросила Диана, положив Серёже руки на плечи.

– По твоей заявке всё хорошо, будет завтра.

– Шеф, – раздался громкий голос с кухни. – А губки цветные нам привезут? Меня бесит этот однотон.

– Да, привезут, Даша, хозник я уже весь собрал и отправил.

– А средство новое будет? Старое вообще не отмывает.

– Новое, как ты и просила, профессиональное, – утомлённо прокричал Сергей.

– Дашка, отстань от человека, а? – прокричала Диана. – Пойду угомону, а то сейчас ещё Аня подключится.

– Я в Вайбере всем таблицы по заявкам скину, пусть не переживают.

– Серёг, а мне новую менюшку тоже скинешь посмотреть? – загорелся Макс.

– Макс, её нет.

– В смысле нет? Мы же меняем каждый сезон.

– Видимо, теперь уже нет. Мне не до неё вообще.

– Ну, блин, я же тут придумал крутые новинки, – расстроился Максим.

– Я постараюсь в ближайшее время засесть, чтобы хотя бы к зиме внести изменения, – сказал Серёжа.

По его тяжёлому вздоху я поняла, что, похоже, меню не обновится и к зиме.

– Может быть, я смогу тебе чем-нибудь помочь? – предложила я.

– Ты понимаешь в расчётах, закупках, накладных, маршрутных, финансовых отчётах и прочей ерунде? – оторвавшись от планшета, спросил он.

– Нет, увы, – закусив губу, ответила я.

– Вот и я нет, – грустно усмехнулся он. – Ладно, ребят, идите все обедать, я побуду за стойкой.

Ребята сели за дальний столик, оживлённо болтая и с аппетитом поедая.

– Юль, иди к ним.

– Я подожду тебя, а то боюсь, ты так и не поешь. А так на твоей совести будет один голодающий, – улыбнувшись, сказала я.

Мы сели за стол ближе к 17 часам вечера, он ел торопливо, в одной руке держа ложку, другой что-то листая в телефоне.

– Ты когда-нибудь отдыхаешь? – спросила у него я.

– Сейчас, пять секунд, – не отрывая взгляда от телефона, произнёс Серёжа. – Так, что ты спросила? – взъерошив свои волосы, переспросил он.

– Отдыхаешь ли ты когда-нибудь?

– Да, конечно, я смотрю сериалы вечерами после работы.

– И всё? Это весь твой отдых?

– Ещё хожу на тусовки к Стасу иногда.

– И каждое утро приходишь на работу, да?

– Ну, пока да, – протянул он. – Здесь очень много работы.

– Похоже, тебе тоже стоит что-то менять, – в задумчивости произнесла я.

Раздался грохот, кто-то из посетителей уронил стул. Я вздрогнула и столкнула со стола пустое блюдо из-под десерта. Тарелка раскололась на две половинки.

– Чёрт, – произнесла я, принявшись их собирать.

Серёжа опустился мне на помощь.

– Я сама, ой, – вскрикнула я, поранив палец об острый край стекла.

– Давай лучше я, – он бережно забрал из моих рук осколки.

Я села за стол и, морщась от вида стекающих капель крови, зажала палец салфеткой.

– Не переносишь вида крови? – спросил Серёжа, глядя на моё скривившееся от отвращения лицо.

– Да, она вызывает во мне неприятные воспоминания, – опустив глаза, произнесла я. – Её было слишком много в моей жизни.

Глава 9. Злая сказка

«Я выпросила у мамы отдать меня в школу с шести лет. Мне хотелось поскорее стать такой же взрослой, как Дима, и сбежать из ненавистного сада, мне казалось, что в школе всё будет иначе, и ребята будут со мной дружить.

Но отношения с одноклассниками не задались так же, как и в детском саду. Я была для них слишком странной и замкнутой: не играла после уроков, убегая спасать семью, вздрагивала от громких звуков, вызывая смех, тушевалась и робела при общении. Ещё одной причиной непринятия меня классом стала любовь учителей. Я тянулась к знаниям, много читала и для своих шести знала гораздо больше, чем мои одноклассники. Это порождало зависть, каждый мой успех, расхваленная классным руководителем домашняя работа встречались ненавидящими взглядами, и на переменах мне сильно доставалось. Я была лишь маленькой хрупкой девочкой в большом коллективе, они дразнили меня, обзывали, толкали, не давая пройти между рядами, нападали толпой на переменах и после уроков, закидывая снежками зимой, камнями и грязью летом. Я плакала, потирая синяки. Маме я говорила, что синяки заработала сама, балуясь с ребятами. Она вздыхала и говорила мне быть аккуратнее. Мне не хотелось расстраивать её правдой. Мама была такой уставшей, всё время работала и так много плакала из-за папы, я жалела её и оберегала от своих проблем.

Лишь однажды я ей рассказала. Мне было девять, я была уже в четвёртом классе. Мы возвращались из столовой, сегодня мой аккуратный почерк вновь был продемонстрирован в качестве примера, что вызвало новую волну злости и зависти. Они окружили меня в кольцо возле кабинета и стали толкать друг к другу, словно мячик, смеясь и с наслаждением приговаривая:

Юля дура, хвост надула
И по речке поплыла,
Как увидела моржа,
Сразу родила ежа.

Я закусила губу от обиды, молча снося все издевательства, понимая, что мне никогда их не одолеть, и всё, что остаётся – это ждать спасительного звонка на урок.

– А давайте ей волосы выдергаем, пусть ходит как драная кошка, – смеясь, предложила староста нашего класса Саша и больно дёрнула за торчащий кончик моей косички.

– Ай, – вскрикнула я.

Я обожала свои пышные вьющиеся волосы и этого уже стерпеть не могла, я схватила её за руки, не давая ко мне прикасаться.

– Сашка, давай, покажи этой дуре, – прокричали ребята.

Мы продолжили бороться. Саша была выше и сильнее меня, но вспыхнувшая ярость придавала мне сил, наши руки крепко обхватывали друг друга, она попыталась меня повалить, подставив подножку, но ничего не вышло, я смогла устоять.

– Саша! Саша! Саша! – громко скандировала толпа.

Они щипали меня и больно тыкали пальцами, пытаясь помочь своему герою.

Саша боком прижала меня к стене и навалилась всем телом, она уже уставала, а я, разозлённая, наоборот набиралась силы. Мне оставалось совсем чуть-чуть, чтобы её с себя сбросить, она это почувствовала и, не захотев терпеть поражение, впилась зубами в мою руку.

Я громко закричала, из глаз прыснули слёзы. Стоявшие вокруг ребята звонко смеялись и аплодировали Саше. Я сбежала домой с уроков и, рыдая, рассказала маме, что произошло.

На следующий день мы пришли с мамой в школу. Нас с Сашей поставили посреди класса. Рядом стояли наша классная руководительница Анна Валерьевна и моя мама.

– Ребятки, произошёл очень неприятный случай, – начала Анна Валерьевна. – Саша укусила Юлю. Это неправильно, с друзьями так не поступают. Поэтому Саша сейчас должна извиниться. Да, Саша? Вот бусы примирения, – она вложила в руки Саши янтарные бусы.

Саша стояла, молча опустив глаза.

– Саша, мы все тебя ждём. Ты же староста. Покажи положительный пример. За свои проступки нужно отвечать.

– Юля первая начала, – громко крикнул Андрей.

– Да, это она напала на Сашу, – поддержала его Лена.

– Это неправда! – зло воскликнула я.

– Правда, правда, мы все это видели, да, ребята? – прокричал Ваня.

Все одобрительно закивали, и послышался гомон голосов.

– Юля всегда такая злая!

– Да, она первая на нас нападает.

– Юля играть не умеет, она всё время дерётся.

– Нет! Вы все лжёте! – обиженно воскликнула я, силясь перекрыть раздававшийся гул.

– Я просто защищалась от Юли, – всхлипывала Саша, прижимаясь к Анне Валерьевне. – Я её испугалась.

– Юля, как же так? – растерянно развела руки в сторону Анна Валерьевна. – Я совсем от тебя такого не ожидала.

– Это неправда! – топнула ногой я. – Это вы все меня обижаете и бьёте постоянно! – повернувшись к классу, крикнула я. – Они меня дразнят и издеваются, Анна Валерьевна, они меня не любят и поэтому врут, – я вертела головой по сторонам, стараясь отыскать глаза, где бы увидела поддержку. – Мама? Ты же мне веришь? – с надеждой спросила я.

– Юля, ты должна извиниться перед Сашей, – тихо произнесла мама, сжимая в руках платок. – Пожалуйста, извинись, ты вела себя неправильно.

– Нет, – категорично сказала я.

– Юля, возьми бусы. – Анна Валерьевна мягко вложила их мне в руки. – И скажи «прости», потом извинится Саша, она всё-таки тоже тебя обидела, но ты как зачинщик должна извиниться первая.

– Я не буду, – упрямо проговорила я, с силой сжимая яркие неровные бусины. – Я не виновата.

– Я покажу хороший пример, – гордо произнесла Саша и, положив свою ладонь на мои руки с бусами, сказала: – Прости меня, Юля, что я тебя укусила. Я больше так не буду. Извинись ты, и мы будем дружить.

Класс дружно зааплодировал Саше, она стояла передо мной, довольно улыбаясь, Анна Валерьевна с мамой хвалили её и гладили по голове, а я её ненавидела и сжимала до боли бусины в своих ладонях.

– Юлечка, извинись, – ласково попросила Анна Валерьевна

– Все ждут только тебя, Юля, – прошептала мама. – Покажи, что ты хорошая девочка.

– Прости, Саша, – сквозь зубы процедила я и, с силой дёрнув верёвку руками, рассыпала на пол золотые бусины.

Мама долго беседовала с Анной Валерьевной в кабинете. Я ждала её, усевшись на подоконник, хмуро смотрела на засыпанные снегом крыши домов, мне хотелось стать одной из падающих снежинок и раствориться в этой белоснежной пустоте.

– Юля, – тихо окликнула меня мама, выйдя в коридор.

Я спрыгнула и подошла к ней. Её глаза были заплаканы, и на щеке ещё виднелась полоса от только что пробежавшей слезы.

– Что-то случилось? – хмурясь, спросила я.

– Бедная моя девочка! – мама крепко прижала меня к себе. – Я понимаю, как тебе непросто, все твои драки, это всё из-за того, что ты видишь дома.

– Но мама, они врут, это неправда!

– Юлечка, так нельзя, ты не должна поступать так, как папа. Это неправильно, я тебе уже говорила, что мы не должны повторять его ошибок.

– Я ничего не сделала! – громко возразила я.

– Не ври, пожалуйста. Солнышко, я понимаю, тебе страшно, но я не буду тебя ругать.

– Почему ты мне никогда не веришь? – прокричала я сквозь вырвавшиеся наружу слёзы.

– Потому что ты меня всё время обманываешь, Юля! Все ребята видели, как ты дерёшься, и Анна Валерьевна сказала, что ты очень замкнутый ребёнок, и в саду воспитатели на тебя жаловались, и на дядю Мишу ты наговаривала. Как я могу тебе поверить?

– Ты же моя мама, а ты всё время веришь всем, кроме меня, – отстраняясь от неё, сказала я.

– Юля, да я сама видела, как ты била куклу! И ты солгала мне, когда сказала, что в школе всё хорошо и синяки у тебя от игр! – в слезах прокричала она.

– Я не хотела тебя расстраивать, потому что люблю, – плача от обиды, ответила я.

– Если ты не хочешь меня расстраивать, ты должна признать свою вину, Юля. Пожалуйста, просто перестань лгать.

Я долго смотрела на неё, не говоря ни слова, мы обе плакали, она громко всхлипывала и стирала слёзы кончиком платка с уставшего лица, я плакала молча, позволяя злым слезам стекать под воротничок блузки.

– Да, это я начала ту драку, – опустив глаза, призналась я. – Прости меня, мама.

– Моя девочка! – мама обняла меня и, плача, принялась покрывать поцелуями. – Моя хорошая, милая девочка, мы будем учиться с тобой доброте, мы ходим в церковь, исповедуемся, причастимся, у тебя всё получится, ты станешь самой хорошей и чудесной девочкой на свете.

В мои девять и Димины четырнадцать различий между нами было больше, чем сходств. Мы уже не смотрели, лежа в обнимку на его кровати, диснеевские мультики, не наблюдали с восторгом и желанием завести такую же собаку за приключениями «Комиссара Рекса»¹⁴. Дима превратился в подростка и стал держать от меня дистанцию. Он мог пропасть надолго, а потом внезапно появиться, объяснял своё отсутствие лишь фразой, что у него были дела. Он стал ещё более резким и вспыльчивым, я его часто бесила, о чём он незамедлительно сообщал, мои игры ему не нравились, свои он не предлагал. Мы стали больше молчать, чем разговаривать. Я не знала, что сказать ему, чтобы не показаться несмышлёным ребёнком, а он был весь погружён в себя и скрытен. Я плакала, меня очень расстраивало наше отдаление, а Дима как будто этого совсем не замечал. Я не рассказывала ему, что в школе меня обижают одноклассники, он был таким успешным, популярным, сильным, и мне не хотелось выглядеть рядом с ним забитым, никому не нужным ребёнком и стать ещё более неинтересной, чем я уже была.

Но произошедшее с Сашей я ему рассказала. Он увидел след на моей руке от её зубов и спросил, а я не стала скрывать. Мне хотелось поделиться своей правдой хоть с кем-то, я плакала у него на груди, он молча слушал, глядя меня по волосам.

– Почему они все лгут, Дима? Почему?

– Потому что им это выгодно, – рассудил он.

– Они рассказывают то, чего не было! Ведь не было же? Правда? Я уже сама себе не верю, – растерянно произнесла я.

– Я тебе верю. Я всегда на твоей стороне, а ты всегда должна мне доверять, понятно?

¹⁴ Сериал созд. Петер Мозер и Петер Хайек, 1994 г.

Я закивала.

– А они ещё об этом пожалеют, – крепко прижав меня к себе, сурово сказал он.

На следующий день к воротам школы подъехала Диминая машина.

– Что ты тут делаешь? – удивлённо воскликнула я, подбежав и обняв Диму.

– Кто тебя обидел? – сухо спросил он.

– Вот та девочка в малиновой куртке, – я показала пальчиком на Сашу.

Дима резкой быстрой походкой направился к ней, я едва поспевала за ним следом.

Он подошёл к Саше вплотную и, грубо взяв её за грудки, с бешеной яростью прокричал:

– Ещё раз, мерзкая тварь, её тронешь, я тебе все зубы выщелкаю, ты меня поняла?

Игравшие во дворе ребята замерли, наблюдая. Саша от испуга не могла проронить ни слова, лишь всхлипывала.

– Ты поняла меня, паршивая сучка? – громко крикнул он, с силой её трясая.

– Да, – прошептала Саша и разрыдалась.

Дима выпустил её из своих рук. Саша сжалась в клубок на снегу, её спина судорожно вздрагивала, мне не было видно её лица, но по доносившимся звукам я понимала, что она плачет.

Я испытывала гордость от того, что за меня впервые кто-то заступился, мне было радостно, что моего врага проучили, но вместе с тем я чувствовала отвращение к произошедшему. Мне было страшно видеть таким разъярённым Диму и неприятно смотреть на Сашу, она была королевой класса, и такой жалкой я её ещё не видела.

– Ещё раз кто-нибудь из вас, безмозглых малолеток, её хоть пальцем тронет, я вам бошки поотрываю, понятно? И не вздумайте своим предкам жаловаться, а то хуже будет, – со злостью прокричал Дима.

Все продолжали стоять в оцепенении, не решаясь произнести ни слова, Дима крепко взял меня за руку, и мы зашагали к его машине.

– Сашу жалко, – едва слышно прошептала я.

– Она не заслуживает жалости, – грубо отрезал он и, немного подумав, добавил: – жалости вообще никто не заслуживает.

В свои четырнадцать Дима выглядел на все восемнадцать, а ярость, так отчётливо выразившаяся на его лице, не могла не пугать. Димины слова и действия произвели эффект. В школе меня больше не били. Но продолжили издеваться другими способами.

Со мной никто не общался, постыдным считалось даже сидеть со мной за одной партой, ребята под любым предлогом этого избегали, стоило мне чуть-чуть замедлить с мытьем рук в столовой, как моя каша смешивалась с компотом или покрывалась плевками. Измазанные соплями стулья и парта, изрисованный пенал, спрятанная вторая обувь, порванные тетради и обложки учебников – всё это происходило с безмолвным хладнокровием и сопровождалось довольными улыбками одноклассников.

Больше всего в себе я любила свой голос и красивые пушистые волосы. Волос они у меня отнять не могли, прикоснуться ко мне теперь боялись, но зато лишили голоса.

Я обожала книги, проводила дни и бессонные ночи за чтением и безумно любила стихи. Я читала их со страстью, расставляя акценты и передавая всю красоту слога и чувственность мысли. Анна Валерьевна пророчила мне театральное будущее и всегда с восхищением слушала, как я читаю.

Анна Валерьевна решила поставить спектакль «Кошкин дом» с нашим участием. Она тут же отдала мне главную роль – Тёти Кошки. Я прыгала от счастья, это был мой первый в жизни спектакль, и мне так хотелось почувствовать себя актрисой! Я тщательно репетировала дома перед зеркалом, продумывала жесты и мимику. Мама купила мне красивое пышное платье и шляпку для роли, сделала усы, уши и пушистый хвост. Мой костюм был прекрасен, я любовалась, глядя на себя, и воображала, как буду стоять на сцене под шум аплодисментов.

У нас была очередная послеурочная репетиция. Я читала свою роль, и вдруг меня прервали.

– Анна Валерьевна, нам кажется, Юля с ролью не справляется, – сказал Андрей.

– Почему? – удивлённо воскликнула Анна Валерьевна. – Мне кажется, лучше, чем у Юли, не получится ни у кого.

– А давайте Саше дадим попробовать? И потом сравним? – предложила Надя.

– Да, да, давайте, – закричали хором ребята.

– Ну, давайте, – в нерешительности проговорила Анна Валерьевна.

Я знала, что Саша хотела получить роль Кошки, а не отведённую ей роль чтеца. Она мне завидовала, громко фыркая во время каждой репетиции и перешёптываясь с другими детьми. Остальным тоже не нравилось, что меня так любит Анна Валерьевна, и моя главная роль их раздражала. Но я не предполагала, что они поступят так.

Саша читала сбивчиво, у неё была хорошая дикция, но она плохо изображала эмоции и передавала неверные интонации. Несмотря на это, когда она закончила, дети ей радостно зааплодировали. Я сидела, закусив губу.

– Вот, Саша молодец! У неё лучше получается, – похвалил Андрей.

– Да, мне тоже Саша больше нравится.

– И мне.

– Ну, не знаю, ребята, мне нравится больше Юля, – прервала их радостный гул Анна Валерьевна. – Я думаю, Саша, роль чтеца тебе больше подойдёт.

– Нет, не надо Юлю в роли Кошки, – запротестовали ребята.

– Мы не согласны.

– Юля вообще в словах путается.

– Она тихо читает и неправильно.

– Неправда! – громко воскликнула я. – Сейчас покажу, как я читаю.

Я встала перед доской, трясаясь от злости и волнения, роль я знала наизусть, поэтому стала читать по памяти, но от избытка чувств поспешила и перепутала пару слов местами, поняв это, я испугалась и сказала следующую фразу с заметным заиканием. Я быстро выправилась и продолжила читать дальше, но было поздно, ребята это услышали.

– Вот, видите! – громко воскликнули они.

– Она заикается!

– Она заика!

– Заика! Заика! Заика!

Их громкий крик «заика» окружил меня со всех сторон, я закрыла уши руками и, заплакав, бросилась прочь из класса.

Мою роль отдали Саше. Анна Валерьевна решила, что мне будет спокойнее в роли чтеца. Я плакала несколько дней, убиваясь от того, как легко моя картинка вот-вот исполненной мечты разрушилась, и с остервенением резала своё красивое платье ножом, горько плача и шепча в ярости «ненавижу».

Не знаю, что наложило такой отпечаток: рухнувшая мечта, смех одноклассников, моя и без того сильная робость и внушаемость, но я действительно стала заикаться с того дня при общении с незнакомыми людьми или в большой компании. Мой некогда громкий красивый голос стал тихим и неуверенным, я растворяла слова в воздухе и стихи больше не любила.

После того, как Дима заступился за меня, мы с ним сблизились. Я стала ему всё доверять, не боясь выглядеть слабой, а он перестал играть во взрослого и начал делиться своими чувствами в ответ.

Дима был единственным, кому я рассказала, что произошло со спектаклем.

– Я хочу их всех убить, – сквозь бегущие по щекам слёзы зло произнесла я. – Они все должны умереть, страдая и мучаясь, как они мучают меня. Я могу принести из дома ножи и всем отомстить.

– Ты не сможешь, – спокойно сказал он, вытирая своей ладонью мои слёзы. – Они разбегутся, и ты никого не убьёшь, ну, может, ранишь в лучшем случае. Тебя накажут и посадят в тюрьму.

– Мне всё равно. Уж лучше там, чем с ними здесь, – твёрдо произнесла я.

– Ты такой ещё ребёнок, Юля, – снисходительно улыбнулся он. – Ты накажешь этим себя, а не их. Поступай так же, как они: издевайся над ними.

– Как? Я одна, а их много и они сильнее.

– Тогда издевайся над кем-нибудь другим, кто слабее.

– Другие мне ничего плохого не делают.

– Это неважно, зато тебе станет легче, найди дошколят, с ними просто справиться.

– Нет, я не буду обижать малышей. Это подло. Дима, постой, а ты разве так делал? – настороженно спросила я. – Ты бил малышей?

– Почему сразу бил? Нет, это была просто игра. Подумаешь, немного подводили до слёз, – небрежно бросил он.

– Но это же жестоко! – громко воскликнула я.

– А ты собралась убить своих одноклассников, это разве не жестоко? – фыркнув, заметил он.

– Они это заслужили.

– Малыши тоже заслужили. Любая слабость требует наказания. А ты такая же, как и я, только боишься и жалеешь других.

– Нет, я просто хочу защитить себя, понимаешь? Я не хочу, чтобы мне снова было больно! – я села на пол и разрыдалась.

– Т-ш-ш, не плачь, – он погладил меня по спине. – Я могу снова приехать, поговорить с твоими одноклассниками, но я не смогу заставить их дружить с тобой, и они всё равно найдут способ тебе досадить.

– Я понимаю, – всхлипывая, произнесла я. – Это никогда не закончится, да?

– Только если они найдут новую жертву, ну или когда ты вырастешь и станешь сильнее. И вообще, не забывай, мы поженимся, когда ты повзрослеешь. Тогда тебя точно никто не посмеет тронуть, ты всегда будешь под моей защитой.

– Быстрее бы это произошло, – улыбнувшись, сказала я.

– Потерпи немного, только глупостей не наделай со своими ножами.

– Хорошо. Не буду. Дима, а ты когда-нибудь хотел убить своих одноклассников?

– Нет, они меня обожают, я лидер в своём классе. Но я бы хотел убить некоторых взрослых. Например, эту больную мразь, нашу русичку, которая вечно критикует мой «нервный» почерк и швыряет тетради. И эту женщину с её двумя детьми я бы тоже убил.

– Какую женщину? – удивлённо спросила я.

– Которую любит мой отец. Всё было бы иначе, не существовай она в этом мире, – он крепко сжал кулаки.

– Дима, а давай напишем злую сказку, где мы убиваем всех, кто причиняет нам боль?

Он кивнул, и мы стали писать.

Это была жестокая сказка, где мы сжигали заживо, душили, закалывали ножами всех наших врагов. Первой в моем списке была Саша. Я убила её прямо на сцене во время спектакля, уронив сверху тяжёлую декорацию, как в одной из серий «Комиссара Рекса». Вторым был Андрей, он обижал меня больше всех и чаще других смеялся, он изрезал красивого щенка на моем ранце, его я убила этими самыми ножницами.

Димин список был значительно меньше моего, поэтому своих я убивала группами, чтобы побыстрее завершить эту сказку счастливым концом.

– Ты бы хотел убить собственного отца? – спросила я, дописывая последние строки.

Он задумался, нахмутив брови.

– Не сейчас, сначала я сделаю так, что он меня полюбит, и только потом – убью».

Его губы нежно скользили по моей шее, покрывая её поцелуями, он жадно запустил свои руки мне под кофту, касаясь груди.

– Дима, убери от меня свои руки, – резко произнесла я, отстраняясь от его объятий.

– Ты не в духе, милая? Давай я тебя подбодрю, – настойчиво продолжал он.

– Не трогай меня! – соскочив с дивана, прокричала я и швырнула в него принесённую сумку.

– Что опять случилось, дорогая? Новая сумочка не подходит к твоему платьишку? – рассмеялся он, повертев сумку в руках. – Давай купим другое платьишко, и проблема будет решена.

– Если ты думаешь, что купив мне новую сумочку, ты искупил свою вину и можно делать вид, будто ничего не было, то ты ошибаешься, – со злостью произнесла я.

– А что было? – он недоумённо на меня посмотрел.

– Ты издеваешься сейчас?

– Я искренне пытаюсь понять, дорогая, – подойдя ко мне, произнёс он, нежно касаясь волос. – Просто пытаюсь понять, что же опять происходит в твоей милой головке.

– Ты меня ударил перед своим отъездом. Позавчера.

– Юля, – тяжёло вздохнул он. – Тебе надо больше спать и отдыхать, ты не спала сегодня всю ночь, вот и придумываешь.

– Я не сплю, потому что у меня болит голова, я ей ударились о шкаф.

– А, так ты сама ударились всё-таки? Наверное, выпила лишнего каберне, – невозмутимо сказал он.

– Перестань придирается к словам! – прокричала я, отойдя от него.

– Детка, успокойся, ты слишком много нервничаешь, – заботливо произнёс он.

– Господи, почему ты опять это делаешь? – я обхватила голову руками и сползла на пол. – Начал эту свою игру. Надо было просто сделать вид, что ничего не произошло, надо было сразу тебя простить, и этого всего бы не началось, да?

– Понятия не имею, о чём ты, дорогая, – ровным голосом проговорил он, присев рядом со мной. – Может, выпьешь таблетку, поспишь, и память прояснится?

– Ты меня толкнул, я ударились о шкаф, с полки упала статуэтка и разбилась, – твёрдо произнесла я. – Пойдём, я тебе покажу.

– Дорогая, – вздохнул он. – Пойдём, посмотрим, если тебе станет легче.

Мы спустились вниз и прошли в холл. Я в растерянности замерла около шкафа с открытыми полками, фарфоровая статуэтка стояла на месте.

– Я не понимаю, – потеряв лоб, произнесла я.

– Дорогая, – он нежно обхватил меня за плечи. – Переутомление и немного лишнего вина, только и всего, не волнуйся.

– Это ты её привез из командировки вместе с сумкой и поставил, да? – отстранилась от него я.

– Нет.

– Должны быть осколки, она рассыпалась на кусочки, я не убирала, значит, убрала Наташа. Наташа! Наташа! – громко позвала я.

– Милая, оставь это, – он попытался взять меня за руку, но я её отдернула.

– Сейчас твоя ложь откроется, – зло на него посмотрев, сказала я. – Наташа!

- Да, Юлия Николаевна? – робко спросила она, явившись по моему зову.
- Ты убирала осколки?
- Осколки? – она непонимающе на меня посмотрела.
- Позавчера, поздно вечером, здесь мы разбили статуэтку, значит, вчера с утра ты их обнаружила и убрала, да?
- Нет, Юлия Николаевна, этого не было, – произнесла она, глядя сквозь меня на стоявшего за спиной Диму.
- Ты ей жестами подсказываешь правильные ответы? – резко обернувшись к нему, спросила я.
- Юля, ну ты чего, – ласково улыбнулся он, дотронувшись руками до моего лица.
- Не трогай ты меня! – прокричала я, резко убрав его руки.
- Дмитрий Аркадьевич, это опять происходит? – взволнованно спросила Наташа.
- Нет, всё в порядке, Юлии Николаевне просто необходим отдых, идите, занимайтесь своими делами, Наташа.
- Я тебя ненавижу! Как же я тебя ненавижу за это! – в ярости прокричала я, нервно расхаживая из угла в угол.
- Дорогая, успокойся, я всегда на твоей стороне, ты должна доверять мне, – мягко произнёс он.
- Ты сводишь меня с ума! – закрыв лицо руками, расплакалась я.
- Милая, я пытаюсь спасти тебя от твоих же безумств, – прижав меня к себе, ласково прошептал он. – Всё, что ты должна – верить мне. Мы всё преодолеем вместе.

Глава 10. Иллюзия

«Мне было двенадцать, когда Дима избил моего отца.

Отец явился домой пьяный, начал ругаться матом и нападать на маму, я вступилась за неё, но он грубо меня схватил и оттолкнул. На моем плече теперь расплывался огромный синяк. Я сидела на лавочке у подъезда, стараясь унять бегущие слёзы. Мне не было больно, была лишь обида и непонимание того, почему моя жизнь так складывается, что мы с мамой вновь вынуждены уйти из дома к тётке Наде, и я опять прячу от посторонних глаз синяки, полученные от отца. Погружённая в свои мысли, я не заметила, как подъехала Диминая машина.

– Что с тобой произошло? – напряжённо спросил он, подойдя ко мне.

– Ничего, – я наспех вытерла слёзы и поднялась. – Пойдём погуляем.

– Нет, подожди, что случилось? – его рука сжала плечо в том самом месте, где был синяк, и я недовольно поморщилась. – Что там? – увидев выражение моего лица, спросил Дима.

– Ничего, – стыдливо отвела глаза я, нервно натягивая рукава своей кофты до самых пальцев.

– Нет, покажи! – он насильно закатал рукав и, увидев след от удара, переменился в лице, его глаза потемнели и наполнились яростным блеском.

– Я скоро вернусь, – сквозь зубы процедил Дима, направляясь к моему подъезду.

– Не надо, Дима, пожалуйста, не надо, оставь это, – просила я, пытаюсь его остановить.

Но Дима словно не слышал и не видел меня, больно отпихивая, как надоедливый щенок. Он устремился к моей квартире, перескакивая через ступени. Залетев, стал бешено рыскать глазами в поисках отца.

Папа находился на балконе, курил, сидя на табуретке, харкая и сморкаясь вниз. Он был плотного телосложения, высокий, мускулистый от физического труда, Дима по сравнению с ним был худощавым подростком, но его ярость придавала ему недюжинной силы. Дима подлетел к отцу и начал его избивать.

– Дима, не надо, не надо! – прокричала я.

Отец был очень пьян и не ожидал нападения, поэтому не смог оказать Диме никакого сопротивления и свалился на пол. Дима стал запинывать его ногами, я слышала, как отец тихо стонет, на его лице появлялось всё больше крови.

– Не надо! Оставь его, Дима! – плача прокричала я и попыталась оттащить Диму, но он грубо меня оттолкнул. Я отлетела к подоконнику и сильно ударилась спиной о торчащий край плитки.

Я побежала за помощью к тётке Наде.

– Мама! Дима сейчас папу убьёт! – прокричала я.

Тётя Надя позвала двух своих сыновей, и они с мамой бросились за мной в квартиру.

Им вчетвером с трудом удалось оттащить разъярённого Диму от моего окровавленного отца.

– Ещё раз, гандон, её тронешь, я от тебя живого места не оставлю! – кричал в ярости Дима.

И, взяв меня за шкуру, вытащил из квартиры, оставив охающих женщин одних.

Меня трясло от страха, ноги были как ватные, я не могла идти и говорить. Дима усадил меня на лавочку и, накинув свою куртку мне на плечи, сел рядом.

– Папа жив? – чуть слышно спросила я онемевшим языком.

– Да что этому убудуку делается, – с презрением ответил он.

Его всё ещё продолжало колотить от дикого гнева, он шумно выдыхал воздух, я накрыла своей рукой его руку.

– Я за тебя любого порву! – со злостью произнёс Дима.

– Я знаю, – чуть улыбнувшись, ответила я.

– Он больше никогда к тебе не притронется. А если притронется, я его убью, – в холодной решимости проговорил он.

С тех пор я была под защитой, как бы невменяемо пьян не был отец, он шарахался от меня, опасаясь задеть даже случайно. Я могла спокойно защищать маму, не боясь пострадать самой. Я была счастлива и бесконечно благодарна Диме за это.

В тот день на моем теле остались не только синяки отца, на нём впервые появились и следы, полученные от рук Димы. Острый край плитки сильно рассёк мне спину, рана заживала долго, и маленький шрам виден до сих пор. Но тогда меня это не интересовало, Дима меня спас, и это всё, что имело значение».

Я остановилась в прихожей, разглядывая фарфоровую статуэтку, выполненную в античном стиле – мужчина, бегущий с факелом в руках. Это странно, но я не помнила, стояла на этом месте другая или та же самая фигурка до этого, он мог запросто поставить любую подобную на её место, она была просто белым непримечательным пятном в моей голове. Но я ясно помню звук бьющегося фарфора, рассыпанные на полу осколки, его гнев и мой страх.

– Что-то не так? – настороженно на меня посмотрев, спросил он.

– Нет, всё в порядке, – покачала головой я, раскрыв глаза.

– Юля, я могу остаться ещё на один день дома, – заботливо произнёс Дима, поглаживая меня по плечу.

– Всё хорошо, не стоит, я погуляю по парку, выпью кофе.

– Ты до сих пор видишь свои иллюзии? Может, вместо похода в парк мы съездим к психотерапевту? Я пойду с тобой, мы расскажем ему о нашей проблеме.

– Дима, не волнуйся, я в норме. Я слишком часто бываю у психотерапевтов, дай мне справиться самой, – я начинала заметно нервничать от его навязчивого желания помочь моей ненормальности.

– Я всегда готов прийти тебе на помощь, дорогая, – поцеловав меня в губы, произнёс он. – Мы со всем справимся.

– Доброе утро всем, простите, что опоздала, – на ходу бросила Карина, пролетев в комнату для персонала.

Мы с Сергеем и Максом, переглянувшись, улынулись. При мне каждое начало её смены начиналось с этой фразы. И, судя по разговорам в кофейне, вовремя приходит ей ещё никогда не удавалось.

Быстро переодевшись, она встала за стойку и принялась, бухтя себе под нос, громко греметь чашками.

– Что-то случилось? – поинтересовался Сергей, взглянув на неё.

– Он меня так бесит! Я его придушу когда-нибудь! – со злостью произнесла она, сжав руки.

– О, я смотрю, Яныч опять накосячил, – смеясь, ответил Макс.

– Он сожрал мою гранолу! – раздраженно воскликнула Карина.

– Оу, это внушительный повод для злости, – улынулся Сергей.

– Ненависти, я бы сказал, – веселясь, добавил Макс.

– Это не смешно! Я без завтрака осталась из-за него.

– А почему нельзя было приготовить на двоих? Люди иногда так делают, когда вместе живут, – спросил Максим.

– Я спрашивала, рассчитывать ли на него, но Ян сказал, что он же мужик и не будет есть такую девчачью хрень, а потом его мужское начало видимо куда-то испарилось, и, пока я

умывалась, он её распробовал. «Ты же себе ещё приготовишь, это же недолго?» – сказал он, дожирая, а ничего, что мне на работу надо, да? – сердито произнесла она.

– Ты же всё равно не приходишь к началу смены, так что мы бы пережили ещё полчаса опоздания.

– Да дело же не в опоздании, вы вообще не понимаете, о чём я, что ли? – нахмурилась Карина. – Юля, ты же на моей стороне, да? Тебя бы это тоже выбесило?

– Мне кажется, я бы даже не обратила на такое внимание. Но я многое не замечаю, поэтому... – развела руками я.

– Да блин, ну как так-то?! – возмущённо воскликнула Карина. – Как можно не заметить съеденный завтрак?

– Так, Карин, хватит возмущаться, у нас сегодня много работы, я могу на тебя положиться, не переубиваешь посетителей? – шутливо произнёс Сергей.

– Только одного, с хвостом и гитарой, если он сюда явится, – пробухтела она.

К девяти часам в кофейне стало слишкомлюдно, я встала с места, освобождая его нахлынувшему потоку посетителей. На улице шёл сильный дождь и бушевал ураганный ветер, я нехотя натянула куртку и поёжилась, готовясь столкнуться со стихией.

– Юля, ты уже домой? – проходя мимо меня с заказом, спросил Сергей.

– Нет, пойду прогуляюсь.

– Сейчас? – удивился он. – Погода же просто мерзость, ты уверена в своём желании?

– Я просто не хочу мешать, у вас и без меня полно посетителей.

– Ты можешь переждать в моём кабинете.

– О, это, наверное, не совсем удобно, – смутилась я.

– Неудобно будет тебе бродить под ливнем и бескрайним лужам. Пойдём, я провожу тебя.

Серёжа довёл меня до своего кабинета и ушёл, оставив его в полном моём распоряжении.

Я осмотрелась. Он так и не рассказал ничего нового о себе, а мне хотелось понять его хоть чуточку лучше. И я решила воспользоваться предоставленной возможностью. В его рабочем пространстве царил хаос: стол, заваленный кипами бумаг, доверху наполненные папками и книгами стеллажи, коробки с продукцией, среди которых приходилось лавировать. Я мельком пробежала глазами по разложенным листам: бесконечные графики, расчёты, таблицы. Финансовые справочники, коучбуки по развитию кофейни и предпринимательства – стоящие книги были также безличны и ничего нового не рассказывали. В глубине стоял небрежно задвинутый кубок и сертификат победителя чемпионата бариста.

Я с досадой закусила губу, на пыльной поверхности полка виднелись мои отпечатки, моё присутствие здесь не останется незамеченным. Это не наш дом, где всё оттирается Наташей до блеска, и любые следы уходят в небытие.

Сняв обувь, я забралась с ногами на подоконник и принялась писать воспоминания своей жизни, потеряв счёт времени, так же, как и пространству, пребывая в собственной памяти. Я смотрела на чистый белый лист бумаги, мыслями всё время возвращаясь к полке в шкафу и пытаясь вспомнить, как выглядела та фарфоровая статуэтка. Почувствовав прикосновение к своему плечу, я испуганно вздрогнула.

– Прости, не хотел тебя напугать, – тихо произнёс Сергей. – Ты просто не откликнулась.

– Да, я... я задумалась, – виновато улыбнулась я.

– Я зашёл сказать, что посетители разошлись и можно выходить из убежища, если, конечно, хочешь.

– Да, с радостью, – я прыгнула с подоконника. – Ничего, что я здесь немного осмотрелась? – опустив глаза, словно нашкодивший ребёнок, спросила я.

– Никаких проблем, – добродушно улыбнулся он. – Нашла что-нибудь интересное?

– Нет, каким ты был таинственным незнакомцем, таким и остался.

В кофейне стало тихо, около стойки больше никто не толпился, а в зале появились ожидающие новых гостей пустующие столы, оставшиеся посетители в наслаждении попивали кофе и чай. Буря закончилась не только внутри, но и снаружи: дождь больше не лил, робкие лучи солнца мягко проскальзывали сквозь двери и окна кофейни.

– Юля, готова к экспериментам? – озорно подмигнул Макс.

– Конечно, – присаживаясь напротив, живо отозвалась я.

Максим всегда доверял мне выбор ингредиентов. Назвав очередные свои любимые сочетания, я приготовилась наблюдать за ним с восторгом маленького ребёнка, перед которым показывает фокусы иллюзионист. Макс ловко жонглировал апельсинами, бутылками с сиропами и прочими попавшимися под руку вещами, пританцовывая и насвистывая. И пока внимание было отвлечено трюкачеством, создавал очередной кофейный шедевр.

– Всем здорово! – громко крикнул Ян, пожимая Макс и Сергею руки.

– Вы только посмотрите, кто пришёл. Вам в кофе плюнуть или соли насыпать? – язвительно спросила Карина, взглянув на него.

– Кариш, давай мириться, – примирительно улыбнулся Ян, протягивая стаканчик.

– Это что такое? – настороженно поглядывая на протянутое нечто, спросила она.

– Гранола.

– Откуда ты её взял?

– Купил в соседней кафешке. Признаю, ты была права, она за 5 минут не готовится. Я же реально думал, что это по фигне сделать какие-то мюсли. Я попробовал, и потерпел фиаско, оно всё прилипло к форме, я пытался содрать ножом, в итоге форму мы потеряли.

– Охренеть! – возмущённо воскликнула она. – У меня только один вопрос: ты сюда мириться пришёл или сильнее поругаться? Мало того, что испортил мою любимую форму, ещё и еду конкурентов притащил, у нас есть в кофейне гранолы, Ян!

– Я подумал, что прийти купить тебе гранолу в твоей же кофейне как-то совсем тупо.

– Конечно, когда меня здесь ей бесплатно кормят. Яныч, вот знаешь, я действительно очень жалею, что поругалась с тобой с утра, у меня теперь нет формы, зафоршмаченная духовка, и ты ещё выручку нашим конкурентам сделал!

– Я достаточно накосячил для примирения или мне ещё постараться искупить свою вину? – потянувшись к Карине через стойку, улыбнулся он.

– С тебя новая форма и духовку отмоешь сам, а гранолу свою можешь выбросить, – с напускной строгостью сказала она.

– Хорошо, – он чмокнул Карину в щёчку. – Прости меня, детка, я торжественно клянусь больше не сжирать твою еду по утрам. – Ян протянул мизинец для примирения.

– Ладно, ты тоже меня извини, – состроила жалобное лицо Карина и пожалала его мизинец своим. – Я постараюсь больше не орать на тебя как бешеная дура.

– Нет, ты совсем не дура, но бешеная, – рассмеялся он.

– Засранец! – она чмокнула Яна в губы. – Иди, занимай столик, у нас сейчас будет обед.

– А кофе?

– Сделаю. Кстати, Юля, ты никогда не хотела попробовать сварить кофе? Ян может стать отличным добровольцем. Если накосячишь, будет не жалко, – небрежно бросила она.

– Я бы с радостью, – с готовностью отозвалась я.

– Босс, можно Юля попробует?

Сергей внимательно на меня посмотрел и, тихонечко кивнув, произнёс: «Можно».

– Ура! Он дал испить тебе свой священный грааль! Ты первая, кого он допустил к кофемашине не из бариста, – широко улыбаясь, произнесла Карина.

– Карина, – строго посмотрел на неё Сергей.

– Молчу-молчу, – хихикнула она. – Так, смотри, Ян пьёт капучино. Если в двух словах, это кофе с молоком.

– Ну, нет же, Карина, не разбивай мне сердце этими словами, – состроил гримаску боли Максим.

– Ой, потом расскажешь теорию, а то Ян умрёт, пока мы будем вдаваться в детали.

– Пойду поем, чтобы не слышать этой жути, – поморщился Максим, уходя.

– Садись к Янычу, я скоро присоединюсь. Итак, Юля, знакомься, это Нюша, наша кофемолка, а это – Джокер, наша кофемашина, – нежно погладив корпус, представила она. – Мега-крутые ребята, без которых мы бы пропали. Алгоритм такой: кофе в холдер смолоть, разровнять, спрессовать темпером, и можно будет варить эспрессо, – вручая мне непонятные инструменты, произнесла Карина.

– Боже, как это всё сложно, – растерянно промолвила я, – а нельзя просто нажать волшебную кнопку с надписью «эспрессо»?

– Макс бы умер, если б это услышал. Нет, конечно, иначе мы бы здесь не работали, а вместо кофемашины поставили кофейный автомат.

Под чутким руководством Карины я проделала всё необходимое, и на выходе мы получили чашечку ароматного эспрессо.

– М-м-м, пахнет вкусно, – произнесла я, довольная своим результатом.

– Ещё бы. Так, а сейчас будем взбивать молоко в питчере. Держи, – она протянула мне железный стаканчик с выпуклым носиком. – О, мои мамуля с папулей пришли! – оглянувшись на звон колокольчиков, радостно воскликнула Карина и бросилась к ним навстречу.

Я осталась одна и беспомощно вертела в руках стакан.

– Требуется помощь? – спросил Серёжа, увидев моё замешательство.

– Да, пожалуй, – растерянно улыбаясь, проговорила я.

– Остался последний штрих, – он протянул мне пакет молока. – Наливать нужно до этой выпуклости.

Я аккуратно налила молоко до указанной им отметки.

– Отлично, теперь будем взбивать. – Сергей подвел меня к кофемашине. – Держать питчер нужно вот так, – он мягко обхватил мои руки, придав им необходимое положение. – Сейчас включу взбивание.

Он нажал кнопку, и кофемашина громко пшикнула, от неожиданности я вздрогнула и выпустила из рук металлический стаканчик с молоком. Падая, он зацепил чашку с эспрессо, чашка разбилась, а кофе и молоко превратились в большую лужу на полу.

– О, боже, прости, прости, прости! – я в ужасе прикрыла ладонями лицо.

Он улыбнулся.

– Да всё в порядке, мне следовало предупредить, что Джокер любит порычать.

– Мне так жаль, – отряхивая его рубашку, виновато проговорила я.

– А мне кажется, красиво получилось, – глядя на растекающуюся по полу лужицу, сказал он. – Кофе с молоком ты всё-таки смешала, хоть и весьма экстравагантным образом.

Мы встретились глазами и рассмеялись.

– Охренеть, вы что здесь натворили? – громко воскликнула Карина. – Так, Юля, похоже бариста – явно не твоё. А ты, видимо, тоже далеко не на кофемашину смотрел, да? – взглянула на Сергея она.

– Я всё уберу, – виновато сказала я.

– О нет, не надо здесь больше ничего трогать, пошли лучше я тебя со своими родителями познакомлю.

Я пыталась возразить, стесняясь знакомства с новыми людьми, но Карина была непреклонна и буквально силком усадила меня за стол к ребятам и своим родителям.

Карины родители очень быстро расположили к себе своей душевностью. Они были весёлыми, разговорчивыми людьми, без труда понимающими наполненный сленговыми сло-

вечками язык Макса и Яна, который для меня порой казался загадкой. Родители обожали Карину, это чувствовалось в той теплоте и гордости, с которой они на неё смотрят.

– Да блин, Макс, ну хватит жрать уже, а! – Ян пихнул его локтем в бок после очередного раздавшегося громкого чавкания. – Тебя голодом здесь морят что ли? Сидишь, жуешь громче, чем мы общаемся, я даже не слышу ни хрена.

– Раз в день можно, – проговорил Максим, не отрываясь от поедания.

– Правильно, пусть ест, растущему организму нужно хорошо питаться, – поддержал Каринин папа.

– Дак уж вырос, вроде, куда больше-то. Сейчас если только киллошки набирать осталось, – подтрунивал Ян.

– Максим спортом, наверное, занимается каким-то, чтобы в форме себя держать? – поинтересовалась Каринина мама.

– Ага, кофеволлом, – рассмеялся Ян.

– Да Ян, блин! – пихнул его в бок Максим.

– А что? Ты, по-моему, только кофе пьёшь и жрёшь постоянно. Скоро не там расти начнёшь.

– У нас активная работа, попробуй, блин!

– Да я бы попробовал, но вы же не пускаете.

– А Юлю сегодня пустили, – озорно улыбаясь, сказала Карина.

– Да ладно? И каково это, находиться по ту сторону? – спросил Ян.

– Ужасно сложно! – воскликнула я. – Честно, я не представляла, что варить кофе – это настолько искусная и тяжёлая работа.

– Вот видишь, а у тебя все по фигне, Ян, – показала ему язык Карина. – Выбросил ту гранолу, кстати?

– Нет, Максускормил.

– Макс, как ты мог? – изумлённо воскликнула она.

– А что такого?

– Это вражеская еда, мы должны были ей тыщ-тыщ сделать.

– Не волнуйся, Карина, кислотно-щелочная среда моего желудка её покарает.

– Ты бы не выжил в средние века, – покачала головой она.

– Почему?

– Потому что там столько еды не было, чтобы тебя прокормить, – засмеялся Ян.

– Нет, потому что таких изменников, как вы, там карали только так, – щёлкнув пальцами, произнесла она.

– Ой, да ладно. Вообще любого из нас отправь даже в недалёкое прошлое, и мы умрём, мы просто не приспособлены к такой жизни, – сказал Ян.

– Да и нечего вам там делать, ребят, в настоящем куда интереснее, а в будущем ещё лучше, – улыбаясь, произнёс Каринин папа.

– А мне бы хотелось вернуться в прошлое, – задумчиво начала я, – чтобы понять, что из моих воспоминаний правда, а что ложь... – я нервно теребила салфетку, погружённая в себя, и не сразу осознала, что произнесла это вслух. Увидев обращённые ко мне взгляды, я смутилась и резко поднялась из-за стола.

– Они будут считать меня чокнутой, – опустив голову на стойку, удручённо произнесла я.

– Что-то случилось? – недоумённо на меня посмотрев, спросил Сергей.

– Иногда я говорю то, что не следует, озвучиваю мысли, которые стоило держать при себе, – обеспокоенно потирая пальцы, сказала я.

– Биг босс, у нас есть грандиозная идея! – восторженно воскликнула Карина, подбежав к стойке вместе с Максом.

– Простите, я ляпнула глупость там, за столом, – сжавшись от неловкости, произнесла я, обращаясь к ребятам.

– Серьёзно? – с улыбкой спросил Макс. – Ты просишь за это прощение?

– Она нереальная милашка, ребята! – порывисто обняла меня за плечи Карина.

– Мне так неловко, – тяжело выдохнула я.

– Да из-за чего? – удивлялась Карина. – Нет, серьёзно, я понимаю, ты начала бы танцевать стриптиз, забравшись на стол, это бы, наверное, вызвало удивление, биг босс бы тебя снял, конечно, сразу. Ну, со стола, если вы не поняли.

– Какое важное уточнение, – прыснул со смеха Максим.

– Карина, не продолжай, пожалуйста, – закрыв лицо рукой, рассмеялся Серёжа.

– Не, ну что, ты против разврата в кофейне, я это имела в виду. Хватит ржать уже, а, извращенцы, – она пихнула смеющихся мужчин локтём.

– Короче, Юля, ты поняла, да, что самые удивительные люди у нас в кофейне – Карина и Стас? Вся самая эпичная дичь принадлежит им, так что прости, но тебе с ними не сравниться, – продолжал хихикать Макс.

– Ладно, давайте вернемся к вашей грандиозной идее. Что вы задумали? – с любопытством спросил Сергей.

– Вспомним старые добрые времена, за четвёртым столиком сидит пара. Поиграем? – озорно подмигнула Карина.

– Ну почему бы и нет, сегодня был сложный день, можно и развлечься, – воодушевился Серёжа.

– Давайте быстро ставки, и я иду принимать заказ, – сказал Максим. – Моя ставка, гм, он будет фильтр и что-нибудь мясное, наверное, киш с курицей, она однозначно чай.

– Что это однозначно? – недоверчиво спросила Карина.

– Ну, ты посмотри на неё, не может человек, не обладая хоть какой-то толикой безумия, любить кофе. Чай без вариантов. На десерт что-нибудь простое, например, сметанник.

– А мне кажется, наоборот, он любитель чаев: застегнутые пуговицы, неулыбающиеся губы, попросит простой чёрный чай. И без десерта, у нас впервые, попробовать навряд ли что-то решится. Она долго меню изучала, я думаю, выбрала что-нибудь не совсем простое и не с первой страницы, латте, например, с бананом и карамелью, на десерт скорее всего медовик. Биг босс?

– Он будет американо и круассан, она – горячий шоколад и морковный торт, – лаконично ответил Серёжа.

– Всё, я пошёл.

– Вы в самом деле угадываете конкретный десерт и напиток? – поинтересовалась я.

– Нет, конечно, ты что, нам хотя бы в категорию верную попасть, а там кто ближе будет. Но вообще биг босс обладает магией, он довольно часто угадывает, – облокотившись на стойку и наблюдая за Максимом, произнесла Карина.

– У меня просто чуть больше опыта в кофейной среде, – улыбнувшись, ответил Серёжа.

– Блин, Серёга, так нечестно, – вернувшись, расстроено проговорил Макс. – Ты опять выиграл. Почти же 100% попадание. У него американо и печенюха овсяная, у неё какао и морковный торт. Как ты это сделал?

– Опыт и интуиция. Почему я решил, что он закажет американо? Ну, мне кажется, он не любитель ходить по таким заведениям, видно, что ему здесь некомфортно, он оглядывается, дёргает воротник, меню пролистал очень быстро, такая категория людей ещё часто стесняется произнести сложные названия, боясь ошибиться в произношении, американо звучит просто, известно и понятно, и на десерт он выбрал бы что-нибудь простое. Она любитель сладкого, это видно по тому, с каким восторгом осмотрела десерты на витрине, когда они только зашли, поэтому напиток – горячий шоколад или какао, а насчёт морковного торта, он в принципе

пользуется у нас успехом, опять же его легко произнести, он понятнее, ну и время сейчас такое, уже обед и хочется чего-то посытнее.

– Не, ну всё, конечно, логично и, если понаблюдать, это замечаешь, но мне кажется, твоё образование тебе в этом всё-таки помогает. Вас, видимо, обучали читать людей? По фото определяли цвет кармы? – глядя на Сергея пытливым взглядом, спросил Максим.

– Макс, я учился на психолога, а не экстрасенса, – смеясь, произнёс Сергей, наливая кофе.

– Психолога? – удивлённо воскликнула я.

– Да, – взглянув на меня, ответил он. – Ни дня не работал, правда, но диплом имею.

– Понятно, – разочарованно произнесла я. – Мне нужно домой, всем пока! – не дожидаясь ответного прощания, я быстро накинула куртку и, не застегиваясь, вышла из кофейни.

– Юля, подожди, пожалуйста, – услышала я за своей спиной голос Сергея.

– Психолог! – громко воскликнула я, не сбавляя шага и не оборачиваясь. – И ты мне ничего не сказал?!

– Ты не спрашивала, – почти поравнявшись со мной, спокойно произнёс он.

– О чём? Не психолог ли ты случаем? Не маньяк? Мне все варианты стоило перечислить?

– Как интересно ты ставишь в один логический ряд психолога и маньяка, – догнав меня, с улыбкой проговорил он.

– У тебя ещё хватает наглости издеваться? – резко остановившись, спросила я.

– Юль, давай спокойно поговорим.

– Конечно, пойдём, где ты проводишь сеансы своей психотерапии? Прямо в кофейне или снимаешь отдельный офис? – язвительно произнесла я. – А я не могла понять, почему всё так? Почему ты держишь дистанцию? А теперь ясно, я просто твой новый подопытный кролик, только и всего.

– Это не так.

– Да ладно? А как это, Серёж? Тренируешься, чтобы не потерять квалификацию? Ты нагло влез ко мне в голову и копался там!

– Да каким образом? – недоумённо воскликнул он. – Почему все приравнивают психологию к какой-то экстрасенсорике? Это невозможно, я не Профессор Икс¹⁵ и не читаю мысли.

– Ты использовал все эти ваши приёмы при общении со мной!

– Какие приёмы?

– Тебе лучше знать, какие! Что там обычно делают психотерапевты? Гипноз, внушение, расположение к себе? Господи, как я могла поверить тебе? – с досадой произнесла я.

– Я ничего не делал. Да, не буду отрицать, что психология показала мне важные механизмы общения с людьми, и они мне помогают, но использую я их для себя в первую очередь, и это не копание в головах, это всё равно что навык общения, мы все его приобретаем и совершенствуем, просто я прорабатывал его глубже, чем остальные. Вот и всё. Я понимаю чуть больше, чуть больше наблюдаю, но это никак на тебя не влияет.

– Тогда почему ты мне не сказал?

– Когда мы только начали общаться, я предчувствовал, что ты можешь так отреагировать. Ты была в подавленном состоянии и либо боялась обратиться к психотерапевтам за помощью, либо обращалась, и они тебе не помогли, и ты в них разочаровалась, поэтому я не хотел говорить сразу. Да и темы подходящей не было, а бросить эту информацию в лоб было бы странно. А потом я просто забыл, что ты не знаешь этот факт обо мне, потому что он настолько же малозначителен, как мой возраст и дата рождения.

– Да я вообще о тебе никаких фактов не знаю, кроме имени и теперь ещё фамилии, благодаря увиденному сертификату! – раздражённо прокричала я.

¹⁵ Супергерой комиксов издательства «Marvel Comics».

– Имя и фамилия, – повторил он, грустно улыгнувшись. – Если я сейчас промолчу, ты решишь, что я снова солгал тебе, поэтому я признаюсь, этот факт не совсем достоверен.

– Что? У тебя ещё и имя с фамилией ненастоящие? – изумленно воскликнула я. – Так всё! – отгородилась от него руками я. – Я не могу больше пребывать в этой твоей фальши. У меня остался только один вопрос, навряд ли ты, конечно, ответишь честно, но всё же, почему ты вообще пришёл ко мне в тот день?

– Я увидел, что тебе необходима помощь и решил помочь тебе выбраться из всего этого.

– Оу, отлично, спаситель, значит, – усмехнулась я. – Вот только я не принцесса в беде, меня не надо спасать. Меня уже однажды один спас, я за ним теперь замужем почти 10 лет. Мне не нужны герои, не нужны сеансы доктора, мне просто нужен друг, которому я смогу доверять, но, очевидно, это не ты, потому что односторонней дружбы, как и доверия, не бывает, а ты всё время держишь дистанцию, и я абсолютно ничего о тебе не знаю, а то, что знаю, оказывается вымыслом.

– Юля, откровения и доверие сближают людей.

– А ты видимо сближаться со мной не хочешь?

– У-ф-ф, – тяжело выдохнул он. – В том-то и дело, что хочу. Но я боюсь влюбиться в тебя, – взъерошив волосы, произнёс он.

– А это может произойти?

– Как один из возможных вариантов развития событий, да. Я уже испытываю симпатию к тебе, как к человеку, и, если она перерастёт в нечто большее, это будет очень некстати. Я не хочу сделать твою жизнь сложнее, чем она уже есть сейчас.

– Ты усложняешь мне её гораздо больше своими тайнами. Я не знаю о тебе никакой правды, как оказалось.

– На что повлияет эта правда? Ну, зовут меня, допустим, Артём или Иван, что это изменит и как отразится на тебе? То же самое с моим дипломом, что изменилось бы, узнай ты, что я физик-ядерщик к примеру?

– Но ты не долбанный физик-ядерщик! – всплыв, прокричала я. – Их не учат копать в головах и внушать мысли!

– Психологов этому тоже не учат, – спокойно пояснил он. – Понимать – да, но не влезать, это аморально, неэтично, незаконно и ещё много слов с «не».

– Я уже не знаю, чему верить, – растерянно потирая лоб, произнесла я.

– Верь себе, самый беспроигрышный вариант. Если ты действительно чувствовала какое-то давление с моей стороны на себя или тебе было некомфортно, то да, это повод начать меня опасаться.

– Мне всегда было хорошо в кофейне, к тебе и Карине я особенно привязалась, – тихо произнесла я.

– Кстати, Каришка тоже увлекается психологией, – улыбаясь, сказал он.

– Великолечно. Скажи, а нормальные люди в твоей кофейне работают, нет?

– Насчет нормальности я не уверен, но все остальные точно не психологи, – рассмеялся он.

– Это не смешно.

– А улыбка на твоих губах говорит обратное, – глядя на меня, произнёс он. – Ты цепляешься к неважному, Юль, всё это никак не характеризует меня как человека, – мягко проговорил он.

– Но ничего другого я о тебе и не знаю, Серёж. Знаешь, о чём я думаю сейчас? Может быть, тебя нанял мой муж? Может, вообще вся твоя кофейня создана им? Он придумал всё это, чтобы лучше мной управлять.

– Какая внушительная теория заговора, но нет, мир всё же устроен гораздо проще, чем мы думаем.

– Мой муж в состоянии его усложнить.

– Настолько? Это навряд ли, слишком много деталей и действующих лиц.

– А ещё ты можешь быть просто очередной иллюзией в моей голове. В моей жизни их так много: собственных и чужих, я очень от этого устала. Мне нужна какая-то точка опоры. Расскажи мне что-нибудь о себе, чтобы я могла видеть, что передо мной живой человек, чтобы я могла доверять тебе, знать тебя, а не додумывать. Иногда мне кажется, что мир вокруг меня ненастоящий, что это просто сменяемые в моей голове локации, однажды я очнусь, и всё исчезнет. Дай мне что-нибудь настоящее, пожалуйста, – умоляюще на него посмотрев, попросила я.

– У меня непростые отношения с матерью, – начал он, рыская в карманах своего пальто. – Ты, наверное, уже частично уловила это из нашей прошлой беседы тогда в парке. Это лишь верхушка айсберга драмы наших взаимоотношений. Она очень тяжёлый человек, властный, твёрдый, с 9 лет растила меня одна, работая врачом-хирургом – далеко не самая простая профессия, это и многие другие события нашей жизни наложили большой отпечаток. С ней никогда не было легко, она – сочетание безумной материнской преданности и заботы с бесчувственной властью, она та мать, что сидит дни и ночи у кровати своего температурающего ребенка, отдаёт всё самое лучшее, во многом ограничивая себя, что любит тебя, но никогда об этом не говорит, не признаёт своих ошибок и не прощает твоих. В детстве я боялся её прихода после родительского собрания, она всё время была мной недовольна, постоянно сравнивала и душила своими придирками. Почему я не лучший в классе? Я что, тупой? Почему не получил 5? Почему Ваня её получил, а я нет, я что, глупее Вани? И на кой чёрт она вообще родила такого безмозглого ребёнка? – шумно выдохнул он, потирая висок. – Знаешь, что она сказала, когда я решил открыть кофейню? Что я мерзавец, отнявший её лучшие годы, что она вкладывалась в меня, а я неблагодарная тварь, бросившая учёбу ради безумной мечты, что она ненавидит меня и презирает. И лучше бы я сдох, чем так её подвел. Прости, мне надо закурить, – доставая сигареты, произнёс он. – Мне так легче, с дымом я выдыхаю эти воспоминания из своих лёгких, чтобы я снова мог жить без их гнёта.

– Господи, прости, какая же я дура, что заставила тебя говорить об этом! – расплакалась я.

– Эй, эй, ты чего? – он ободряюще улыбнулся, положив руку на моё плечо. – Всё в порядке, это лишь тяжёлое воспоминание, только и всего. Если бы я не хотел говорить, я бы не поделился. Не знаю, успокоит тебя это или нет, но психотерапевту я тоже об этом рассказывал, это часть терапии, но вот курить у себя в кабинете она мне не разрешила, – он отвернулся и поднял голову вверх, выдыхая дым с закрытыми глазами.

– Красиво, – глядя на мерно выдыхаемые им кольца, сказала я.

– Да, что-то в этом есть, – грустно улыбаясь, ответил он. – Всегда ношу в кармане пачку на такие случаи, помогает снять напряжение.

– Психотерапевт помог тебе разобраться со всем этим?

– Да, во многом, я прорабатывал разные личностные проблемы и изменился. Избавился от сильнейшей созависимости. Всю свою жизнь я стремился доказать матери, что лучше, умнее, я должен был стать большим, чем я есть, ради неё. И я рад, что вовремя остановился. Я не избавился от боли, глупо это отрицать. Но теперь я не чувствую вину, что не оправдал её ожиданий и не стремлюсь им соответствовать. Я не идеал её идеального ребенка, я это принял, иду своей собственной дорогой, пусть и без её поддержки.

– Она была когда-нибудь в кофейне?

– Нет, никогда. Мы приглашали на открытие своих друзей и родных, пришли родители Стаса, Карины, Макса, в общем, все, кого звали, но не моя мать. Она сказала, что не любит кофе и долгие поездки. Как-то так, – произнёс он, стряхивая пепел.

– Мне очень жаль.

– Самое тяжёлое, от чего я до сих пор не избавился – ожидание, что она примет мой выбор. Господи, я до сих пор жду этих четырёх долбанных слов «я горжусь тобой, сынок»! – громко крикнул он, подняв полный боли взгляд в небо. – Но, видимо, не в этой жизни, – затушив сигарету, тяжело проговорил он. – Мы все так или иначе пребываем в мире собственных и чужих иллюзий, главное вовремя от них избавляться, не растворяя себя.

Мы долго стояли рядом, молча провожая глазами проходящих мимо людей, небо вновь затянулось серой дымкой, грозя обрушить на нас очередной поток дождя и ветра.

– Серёж, мне нравится проводить с тобой время. И я хочу узнавать тебя, мы же можем всё это сделать, не переходя черту?

– Конечно, мы вполне можем стать просто хорошими друзьями.

– И что подсказывает твоя интуиция на этот счёт?

– Что всё будет очень сложно, – вздохнув, произнёс он.

Глава 11. Зазеркалье

«Как мы выжили, будучи подростками? Достаточно одной фразы, чтобы это описать: мы друг друга не убили.

Несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, Дима в свои восемнадцать был таким же неуравновешенным упрямым подростком, как я в тринадцать.

Благодаря нашим семьям мы оба приобрели нервозность, и в подростковом возрасте она накалилась до предела. Мы ругались каждую нашу встречу из-за: ерунды, его придирок, моего внешнего вида, погоды за окном. Повод находился всегда, а если нет – мы создавали его сами.

Мы постоянно дрались. Это стал наш язык общения, наши чувства выходили за рамки слов, и иначе, как через физическое проявление, мы их выразить не могли. Это было словно продолжение детской игры, только мы не смеялись, а ненавидели друг друга, и его руки оставляли на моём теле следы, впрочем, как и мои на его. Мы толкались, давали пощёчины, он больно меня хватал, а я царапала его, пытаюсь вырваться. Дима был силён, но он никогда не использовал свою силу против меня, мы были на равных, и я его не боялась.

Мы могли не разговаривать неделями, а то и месяцами. Но потом неизменно притягивались вновь, как две части одного целого. Период перемирия длился недолго, порой он заканчивался уже в первый час нашего совместного пребывания.

Я начала отдаляться от Димы, у меня впервые появились свои, не связанные с ним интересы. Я стала заниматься верховой ездой, сначала просто помогала ухаживать за лошадьми знакомому конюху, однажды он меня прокатил, и я влюбилась в седло и мир с высоты лошади. Это помогло мне приобрести уверенность в себе, я стала значительно меньше заикаться и нашла друзей среди таких же проходящих заниматься подростков.

К Диме я все ещё была очень привязана и любила его, но его навязчивость и желание всё контролировать меня раздражало, слепо обожающим ребёнком я уже не была и стала отстаивать свои личные границы.

– Почему у тебя опять стоит тройка за контрольную по алгебре? – спросил он, сидя на диване у меня дома.

– Откуда ты узнал? – недоумённо произнесла я, вернувшись с кухни с кружками горячего чая.

– Посмотрел твой дневник.

– Ты что, рылся в моей сумке? Ты нормальный вообще человек? – раздражённо спросила я, громко поставив кружки на стол.

– Это ты, похоже, ненормальная, раз так реагируешь. Я за тебя переживаю.

– Ты что, мой отец, чтобы проверять оценки? Ещё, может, домашку у меня спросишь?

– Да твоему алкашу-папаше вообще срать на тебя, хоть кто-то же должен о тебе думать, а то будешь полумойкой, как твоя мать.

– Не смей оскорблять мою семью!

– Оскорблять? По-моему, я просто сказал правду, – ухмыльнулся он.

– Правду? Хорошо. Тогда твой отец тиран, трахающий шлюх на работе.

Он в бешенстве соскочил с дивана и подлетел ко мне.

– Не смей никогда ничего говорить о моей семье! – прорычал он, тряся кулаками около моего лица.

– Это же просто правда, Димочка, – процедила я сквозь зубы, глядя прямо ему в глаза.

– Тебя это не касается!

– Так же, как тебя не касается моя жизнь!

Мы смотрели друг на друга в ярости, готовые вот-вот дать ей вырваться наружу.

– Убирайся из моего дома! – приказала я.

– С удовольствием, только в следующий раз, когда твой пьяный папаша вновь поднимет на тебя руку, прийти на помощь будет некому, – зло прошипел он и громко хлопнул дверью.

На Димино восемнадцатилетие отец подарил ему красивую ярко-красную «Ауди» последней модели. Примерно через четыре месяца мы её разбили.

Мы возвращались от него, в очередной раз поругавшись, ехали молча, не глядя друг на друга. Я смотрела в окно, пролистывая в голове все нелепые обстоятельства нашей ссоры, в задумчивости провела пальцем по слегка запотевшему стеклу.

– Какого хрена ты делаешь?! – громко прокричал он, заметив мой жест.

От неожиданности я вздрогнула.

– Какого хрена ты орешь на меня как психопат? – прокричала я в ответ.

– Ты идиотка, не понимаешь, что ляпаешь стекло своими отпечатками?

– И что? Вытрешь.

– Вот возьми и вытри, живо! – в ярости прошипел он и кинул тряпку мне в лицо.

– Твоя машина – ты и вытирай, – зло произнесла я и бросила тряпку ему в ответ.

Мы переругивались, кидая тряпку друг другу, а потом он больно пихнул меня в плечо, я толкнула его в ответ, завязалась очередная драка, в какой-то момент наша машина выехала на встречу, мы заметили это только, когда услышали громкий сигнал и увидели ослепляющий свет фар несущегося на нас грузовика. Дима успел вывернуть в свою полосу, но сделал это очень резко, и на скользкой от мокрого снега дороге нас занесло и бросило прямо на фонарный столб.

Серьёзно мы не пострадали, сработавшие подушки безопасности смягчили удар. У меня была разбита губа и сильно жгло лицо, я здорово испугалась и сидела в оцепенении, глядя на вошедший в передний бампер столб. Дима в бешенстве бил руками по салону автомобиля и что-то кричал, от шока слов я не слышала, но по открывающемуся в ярости рту могла предположить, что они все не были цензурными.

Мы долго не общались с Димой после той аварии, он злился на меня и считал виноватой, а я была обижена, что из-за его ярости мы подверглись такой опасности. Но долго мы друг без друга не могли, машина была ещё в ремонте, а мы уже примирились вновь.

Сверкающие между нами молнии не выдерживали даже окружающие.

Как бы сильно мы ни разругались, Дима всегда провожал меня обратно домой, это было для него нерушимым долгом. Мы возвращались из кинотеатра, не получив от просмотренного фильма одинаковых эмоций, снова поссорились, и в такси ехали молча. Он сидел впереди, а я на заднем сидении.

Чтобы как-то разбавить эту гнетущую тишину, я спросила у таксиста разрешения послушать радио. Он кивнул, и я включила свою любимую радиостанцию с попсовыми песнями.

– Что за шлак ты слушаешь? – недовольно пробурчал Дима.

– Ой, ну простите, я не виновата, что ваши нежные уши для такого не приспособлены, – язвительно произнесла я. – Беруши надевай.

– Поедем в тишине, – выключив магнитолу, сказал Дима.

– Нет, с музыкой, – нажала кнопку я.

– Я сказал, никаких тупых песен, – выключив, прошипел он.

– Не нравится, не слушай, – огрызнулась я и включила.

Мы включали и выключали магнитолу, громко ругаясь. Слов оказалось недостаточно, и мы вновь перешли к действиям, он больно шлепнул меня по рукам, когда я потянулась через сидение, я отвесила ему подзатыльник, в салоне автомобиля завязалась драка. Машина неожиданно резко затормозила.

– Выметайтесь из машины, оба! – гневно прокричал таксист.

Он высадил нас посреди трассы и уехал. Димин телефон здесь не ловил. Мы стояли в темноте на заснеженной обочине пустыющей дороги, ёжась от морозного зимнего воздуха.

– Тупая малолетняя истеричка! – в гневе прокричал он. – Из-за тебя мы теперь здесь торчим!

– Из-за меня? Это ты вёл себя как полный придурок!

– Да пошла ты, сука! – толкнув меня, прокричал он.

– Сам иди, гандон! – толкнула его в ответ я.

– Мразь! – он схватил меня и повалил в снег.

Я упала на спину, он сел сверху и обхватил руками мою шею. Мне было не больно, он меня не душил, но я впервые почувствовала себя в его полной власти. Я не могла убрать его руки или сбросить с себя. Он проявил силу, с которой мне было не справиться. Дима смотрел на мои трепыхания с гневом и наслаждением, и мне стало страшно.

Нас ослепил свет фар проезжающей машины. Видимо, заметив нашу возню в снегу, автомобиль остановился на дороге, замигав аварийкой. Из машины вышли двое парней и быстрым шагом направились к нам.

– Живо отойди от неё, – приказал один из них, вооружённый монтировкой.

Дима слез с меня и протянул руку, чтобы помочь подняться, я не воспользовалась его помощью и встала сама, вытряхивая забившийся под одежду снег.

– Он что-то сделал тебе? – спросил парень, помогая мне отряхнуться.

– Нет, ничего, – помотала головой я.

– Ты уверена?

– Да.

– Миша, я думаю, стоит вызвать милицию, – не сводя глаз с Димы, произнёс мужчина с монтировкой.

– Нет, не надо, пожалуйста, это мой брат, мы просто повздорили, – спешно заверила я.

– Миша, что происходит? – испуганно спросила, выйдя из машины, беременная женщина.

– Аня, сядь в машину, – крикнул он ей. – Так, девочка, садись, мы отвезем тебя домой.

Я подошла вместе с ними к машине, но в нерешительности замерла у дверцы.

– Я не могу поехать без него, – сказала я, кивнув в сторону Димы.

– О нет, психа этого я со своей беременной женой точно не повезу.

– Он не псих, мы оба виноваты. У него телефон здесь не ловит, он не сможет выбраться отсюда. Пожалуйста, разрешите ему поехать с нами, меня без брата домой не пустят, – жалобно просила я.

– Что скажешь, Кирилл? – взглянув на своего приятеля, спросил он.

– Не, ну, монтировка у меня наготове, дёрнется – я его быстро огрею, пусть едет на переднем.

– Ладно, бери своего психопата и поехали.

Я подошла к Диме и тихо произнесла:

– Они довезут нас обоих, пойдём.

– Я не поеду с ними, – бросив презрительный взгляд в сторону машины, пропыхтел он. – И ты тоже.

– Дима, я уеду независимо от твоего решения. Поэтому выбирай: или ты засовываешь своё эго и едешь с нами, либо замерзаешь здесь один, – грубо произнесла я, направившись к машине.

Прошептав в ответ ругательства, он всё-таки сел в автомобиль.

Мы не общались два с половиной месяца. Это была самая долгая пауза в наших отношениях. Димы мне не хватало, я ждала его приезда, тоскливо читая на подоконнике, постоянно прислушиваясь к звукам приезжающих машин, но в то же время понимала, что так продолжаться больше не может, наши битвы меня вымотали.

Он приехал, мы пошли прогуляться по аллее за моим домом. Долго ходили молча, не смотря друг на друга.

– Зачем ты приехал, Дима? – тихо спросила я.

– Я соскучился по тебе.

– Я тоже скучала, – грустно улыбнувшись, ответила я. – Но так больше не может продолжаться, я устала от этой войны, Дима, от твоих постоянных придирок.

– Я знаю. Мне тоже не нравится всё, что между нами сейчас происходит.

– И эти наши драки... Дима, ты напугал меня тогда на трассе, что было бы, не остановись эти люди?

– Ничего, я бы не тронул тебя, ты же знаешь, – спешно заверил он, положив руки мне на плечи.

– Уже не уверена, что знаю, – отойдя от него, печально произнесла я. – Все наши стычки – это ненормально, я не хочу как наши родители.

– Мы никогда не будем как наши родители, Юля. У нас всё будет иначе. Я обещаю. Ты же помнишь о нашей клятве, верно? Что станешь моей женой?

– Да, но... – я интенсивно потёрла лоб, пытаясь подобрать слова.

– Что «но»? – нахмурился он. – Ты же любишь меня, Юля? – он наклонился ко мне, смотря в упор.

– Дима, мне всего лишь тринадцать и, кажется, я не очень разбираюсь ещё в любви, – смущённо улыбаясь, начала я. – Вот две недели назад, допустим, мне очень нравился певец с «Фабрики звёзд».

– Юля, – неодобрительно покачал головой он.

– Знаю, знаю, что это тупо, веду себя как безумная фанатеющая от звёзд малолетка. Я просто хочу сказать, что пока не особо интересуюсь мальчиками. Блин, как это сложно! – я в напряжении закусила губу. – Дима, ты очень важный человек в моей жизни и я люблю тебя, но я не умею ещё любить тебя как мужчину.

– Может, пришло время этому научиться?

– Я не знаю, готова ли, – растерянно проговорила я.

– Наверное, в этом и есть причина наших проблем. Мы переросли статус просто друзей, нам в нём тесно и это провоцирует конфликты. Я не хочу и не должен быть твоим старшим братом или заменять тебе отца, нам пора стать парой. Но я не могу любить ребёнка, а ты выглядишь и ведёшь себя, как ребёнок, Юля, хотя тебе уже не пять лет. Ты должна повзрослеть и стать девушкой, время этому уже пришло.

– Не думаю, что у меня получится, я совсем не знаю, как это.

– Не волнуйся, я всему тебя научу.

И он стал учить меня быть женщиной.

Я была миниатюрной крошкой, с хорошеньким ребяческим личиком, носила вещи, купленные мамой ещё к начальной школе, и совершенно не выглядела на свои тринадцать. Я заметно отличалась от большинства одноклассниц, которые уже начинали краситься, кокетничать с мальчишками, ходить на дискотеки, надевать платья и каблуки, интересоваться звёздами. У меня были другие увлечения, мне было комфортно в обнимку с книгой, я сходила с ума от лошадей и обожала возиться с малышами.

Во многом я не была девушкой ещё и потому, что учить меня этому было просто некому. Мама всю свою женственность растворила в бесконечной суете наших забот. Уставшая, замуценная, с кругами под глазами и синяками на теле, боящаяся отца, привыкшая ходить сгорбившись и говорить шёпотом, она сама женщиной уже не была.

Изменения Дима решил начать с моей одежды. Он перебирал гардероб и нещадно выбрасывал мои любимые детские вещи: цветочно-конфетные яркие бриджи, футболки с милыми зверятами и ленточками, куртку с пикачу, бейсболки со стразами, кеды с разноцветными шнур-

ками – всё это летело в мусорку под мои всхлипы. У меня осталась лишь пара кофточек и джинсы, и он повёз меня в магазин покупать новые вещи.

До этого мама брала мне одежду только в детских магазинах, и во взрослых отделах я ещё не была. Я застывала в растерянности, глядя на бесконечные ряды с монохромной одеждой. Подходящих мне маленьких размеров было немного, и приходилось искать. Мы ходили из одного отдела в другой, прошли десятки этажей, мне казалось, всех торговых центров в городе. Дима не скупился ни на какие ботики, он никогда не смотрел на ценник, я же всегда его переворачивала и иногда замирала в ужасе от таких цифр, все выброшенные Димой вещи не стоили и одной десятой суммы на ценнике одного из купленных мне платьев.

Набрав достаточное количество вещей, которое едва удалось запихнуть в багажник автомобиля, мы отправились покупать обувь. Я никогда не носила каблуки, моей обувью были кеды, кроссовки, пара балеток, поэтому на тех десятисантиметровых каблуках, что навывбирал мне Дима, я просто не могла удержаться.

– Как на этом вообще люди стоят? – спросила я, стоя пошатываясь с опорой на его руку.

– Не поверишь, на них ещё ходят и танцуют, – смеясь, произнёс он.

– Ужас. Мы же купим мне нормальную обувь? А то я умру, пока до школы на этом дойду.

– Купим, но для встреч со мной ты постарайся надевать каблуки. Они придадут тебе роста, и ты будешь казаться старше.

Быстро перекусив в кафе, мы пришли в косметический магазин. Я ничего не понимала в наставленных флаконах и тюбиках всевозможных форм и размеров, Дима позвал консультанта, которая, внимательно меня изучив, стала перечислять все нуждающиеся в корректировке изъяны. Я стояла, хмуро слушая, до прихода сюда я и не знала, что у меня есть столько проблем с кожей и видимых недостатков. От обилия запахов дорого элитного парфюма я зачихала, и у меня закружилась голова. Дима критиковал все выбранные мной ароматы, поэтому я рада была устроиться и предоставить все ему. Набрав целую корзину средств по уходу и духов, мы отправились в салон красоты.

Мне сделали аккуратный неброский макияж, чуть подстригли и уложили в пышные локоны волосы, я посмотрела на себя в зеркало и увидела незнакомую мне девушку, от моего ребячества не осталось и следа.

– Я устала, – измождённо протянула я и плюхнулась на пол огромного торгового центра.

– Ещё один магазин, – потянув меня за руку, произнёс он.

Дима был в азарте, ему доставляло удовольствие моё перевоплощение.

Мы подошли к отделу нижнего белья. Я в ступоре встала на пороге.

Я чувствовала неловкость, когда речь заходила о моём теле, сексе, всех этих отличающих мальчиков от девочек вещах – это вызывало во мне чувство отвращения и стыда. Возможно, повлиял случай с дядей Мишей или внушаемые моей мамой религиозные и моральные убеждения насчет порочности интимности, наверное, отчасти играла роль и моя низкая самооценка, но, так или иначе, всего этого я избегала.

– Дима, я не хочу, – опустив глаза, промолвила я.

– Юля, тебе тринадцать лет, ты не можешь больше прятать грудь под майками и топами.

Она уже заметна.

Я ждалась, словно он сказал какую-то непристойную вещь, в которой я была виновата.

– Юля, это нормально, ты уже выросла, – мягко произнёс он и, взяв меня за руку, завёл внутрь.

Я не прикасалась в этом магазине ни к чему и даже не поднимала глаз, чтобы что-то рассмотреть, он выбирал всё сам, и потом завёл меня в примерочную, закрыв шторкой.

Я стояла, не решаясь одеться, долгое время, смотря на целую кучу выбранных им трусов и лифчиков.

– Юля, ты переделась? – послышался его голос за шторкой.

– Нет.

– Переодевайся, – настойчиво повторил он.

Я нехотя стянула с себя всю одежду и взяла в руки блестящий чёрный бюстгальтер с маленькими чашечками, бантиком посередине и лямками с вплетением тонкой атласной ленты, аккуратно застегнула его и надела поверх своих розовых трусиков с Микки Маусом красивые кружевные танга.

Я исподлобья смотрела на себя в зеркало, мне было стыдно созерцать своё обнажённое тело, я видела в этом что-то уродливое, неправильное, вульгарное.

– Ну что, переделась? – спросил Дима, заглянув за шторку.

– Нет, нет, не смотри на меня, – в ужасе воскликнула я, закрывшись кофтой.

Дима зашёл ко мне в примерочную, я вжалась в стену, всхлипывая от стыда. Его рука медленно вытянула кофту из моих пальцев, он долго молча смотрел на меня. Затем его пальцы нежно проскользили по моим обнажённым плечам, аккуратно прошлись по груди, медленно опускаясь до живота. Он остановился, дойдя до трусиков, и, подняв меня за подбородок, глядя прямо в глаза, твёрдо произнёс:

– Ты прекрасна.

Он повернул меня к зеркалу, расправил плечи, поднял голову и распустил волосы по плечам.

– Посмотри на себя, как ты красива, – шептал он, нежно касаясь руками моей шеи. – Твоё тело прекрасно. Ты – женщина, Юля. Моя женщина, – его руки покровительственно обхватили меня за талию, прижимая к себе.

Я смотрела на наше отражение в зеркале, сначала робко, а потом смелее и смелее, всё больше выпрямляя спину и поднимая подбородок. Мне понравилось, как выглядит моё юное хрупкое тело в его сильных мужских руках, его взгляд влюблённого и жаждущего меня мужчину мне льстил, я впервые ощутила тогда свою женственность.

Но в зеркале отражалась лишь часть правды, вторая часть, спрятанная в зазеркалье его души, была мне тогда неведома».

У нас с Димой был очередной период стабильности и нежности в отношениях. Мы держались за руки, смотрели фильмы вечерами с бокалом вина, разговаривали, громко смеялись, целовались и занимались любовью с жадностью влюблённых подростков. Мы были просто обычной семьей, не скрывающей никакие тайны.

Всё утро мы с ним провели вместе, и я приехала в кофейню лишь после обеда. На ходу поздоровавшись с ребятами, я пролетела в кабинет Серёжи. Теперь я проводила там большую часть времени. Долгие прогулки по сырому холодному воздуху стали невозможны, а в кофейне всё чаще было не протолкнуться. В кабинете я облюбовала место на окне, Серёжа принёс мягкие пледы и подушки, создав там уют. Мы мало разговаривали, почти всегда пребывая каждый в своих мыслях. Сергей был занят нескончаемыми обязанностями, погрязший в наваленных на столе бумажках и монотонной рутинной работе, я писала дневник или читала книги. Нам было настолько комфортно вместе, что мы даже не замечали присутствие друг друга и порой удивлялись, когда, оторвавшись от своих дел, вдруг встречались глазами.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, открыла незапертую дверь.

Сергей был сегодня не один, а в компании Стаса. Смутившись, я хотела было незаметно ускользнуть, но Стас меня остановил.

– Слава богу, моя дорогая, вы пришли. Проходите, моё дивное спасение, не стесняйтесь, – ласково произнёс Стас, уступая мне место.

– И куда ты собрался? – хмуро спросил Серёжа.

– Пришла очаровательная девушка, думаю, тебе стоит переключить внимание на неё. К тому же у Юлечки наверняка найдутся предложения по развитию кофейни, не так ли? – с улыбкой спросил Стас.

– О нет, я в этом ничего не понимаю, – застенчиво улыбаясь, ответила я.

– Скажу вам по секрету, моя милая, мы с ним тоже ни хрена не понимаем. Иначе бы не сидели здесь уже четвёртый час.

– Прошло всего лишь сорок минут, Стас.

– Ну надо же, какая нудятина! – громко воскликнул Стас. – Время совсем не течёт, а кажется, что вечность прошла.

– Перестань ты уже паясничать! – разозлился Серёжа.

– Ухожу, ухожу, – подняв руки в безоружном жесте, промолвил Стас.

– Я тебя никуда не отпускал!

– Я сам себя отпустил. Моим ответственным доверенным лицом сегодня будет Юлечка. Дорогая, представляйте мои интересы и ни в чём себе не отказывайте, – погладив меня по рукам, с улыбкой произнёс он. – Адьёс, амигос! – надев шляпу, Стас вышел за дверь.

– Чёртов засранец, – со злостью произнёс Сергей, крепко сжав в руке карандаш.

– Прости, что я вам помешала, – виновато опустила глаза я.

– Да брось, Стас бы всё равно ушёл, с предложением или без.

– У вас что-то случилось, да? Проблемы в кофейне? – аккуратно поинтересовалась я.

– Да, мы не справляемся с объёмом посетителей. Мы пробовали разгрузить посещаемость при помощи доставки, но это сыграло против нас, народу в часы пик уменьшилось ненамного, а доставка сработала как реклама, и желающих посетить кофейню ещё прибавилось.

– Может быть, вам стоит переехать в помещение побольше?

– Нет.

– Почему?

– Потому что такие кардинальные перемены это слишком рискованный шаг. У нас здесь много постоянщиков, живущих рядом, ну и формат больше, потребует больше управленческих ресурсов.

– Но это всё же вполне решаемо, можно не уезжать из этого района и нанять людей.

– Я не готов к этому.

– Боишься перемен в своей жизни, да?

– И боюсь, и не люблю одновременно, – тяжело вздохнул он.

– Как же много у нас общего, – грустно улыбнулась я. – Может, прогуляемся? Сегодня, конечно, погода так себе, но развеяться тебе не помешает.

– Да, надо пройтись, ты не возражаешь, если я сегодня опять закурю? – спросил Серёжа.

– Без проблем.

Он стал собираться. У меня зазвонил телефон, увидев входящий, я отошла в сторону.

– Прости, – виновато произнесла я, закончив разговор. – Похоже, наша прогулка отменяется, Дима звонил, хочет встретиться через час в центре.

Сергей молча кивнул.

– Он знает, где ты проводишь время? – после небольшой паузы спросил он.

– Нет. Он знает, что я сижу в кофейнях, гуляю по парку, но где именно я ему не рассказываю. Он не любит «Пирог» после того случая.

– Он будет в бешенстве, когда узнает, Юля.

– Почему? Я делаю что-то предосудительное? – недоумённо на него взглянув, спросила я.

– Нет, просто у тебя появилась своя, скрытая от него жизнь. Он этого не потерпит.

– Да я ничего не скрываю, он не спрашивает меня о подробностях моего времяпровождения, а я сама не вижу смысла рассказывать. Дима никогда меня не контролировал и не ограничивал.

– Потому что ты всегда была под его контролем, хоть и не осознавала этого. Он знает, что твоя привязанность очень сильна. Как только она ослабнет – он начнёт.

– Мне кажется, я слишком мрачно описываю своего мужа, что ты рисуешь из него какого-то монстра и тирана, – чуть улыбнувшись, произнесла я.

Он горько усмехнулся.

– Это так типично.

– Что именно?

– Оправдывать его и сомневаться в себе, тебе легче признать, что ты где-то преувеличила, чем то, что он действительно такой.

– Ты сейчас говоришь как психолог.

– Как друг я могу сказать тебе то же самое.

– Я часто бываю зла на него или обижена, конечно, на эмоциях я могла наговорить много лишнего, а ты принял это за чистую правду.

– Но это же он своими действиями или словами вызывает у тебя такие эмоции. Безосновательных эмоций у психически здоровых людей не бывает, значит, причина для твоих слов всё-таки есть. Юль, ты знаешь, кто такой абьюзер? – спросил он, опираясь на стол.

– Да, но Дима не такой.

– Да? А, по-моему, очевидно, что такой, классический вариант, как по учебнику.

– Перестань так говорить о моём муже! – раздражённо воскликнула я. – Тебе не кажется, что это низко, оскорблять его из-за симпатии ко мне?

– Я его никак не оскорбляю, это психологический термин, и симпатия к тебе тут совершенно ни при чём. А то, что ты сейчас делаешь: нападаешь на меня, чтобы защитить его, называется стокгольмский синдром.

– Молодец, всем нам поставил диагнозы, – язвительно произнесла я.

– Я просто советую тебе почитать об этом, чтобы лучше понимать, что с тобой происходит, – спокойно проговорил он.

– Да я читала, сотни статей! – взволнованно воскликнула я. – Да, у Димы есть несколько признаков, но их при желании можно отыскать у любого человека, даже у меня есть парочка, и у тебя наверняка найдётся, и что теперь, мы все абьюзеры?

– Ты совершенно не видишь граней, – разочарованно покачал головой он.

– Тогда попробуй мне объяснить.

– Он избивает тебя, Юля, унижает, делает всё это систематически, осознанно и получая от этого удовольствие.

– Нет, это не совсем так, – виновато потирая лоб, начала я. – Понимаешь, он часто раскаивается в том, что происходит. Пусть не всегда, но он способен признавать свои ошибки и старается работать над ними.

– О да, или успешно делает вид, – усмехнулся Серёжа.

– Перестань, ты его совершенно не знаешь. Если бы всё было так, как ты говоришь, я бы уже давно от него ушла.

– Твоя привязанность к нему настолько сильна, что ты просто не можешь этого сделать. Сколько раз ты уже пробовала и ничего не вышло?

– Я просто передумывала, это был мой выбор остаться.

– Нет, его. Сколько раз ты великодушно прощала? Сколько раз разрывала отношения, а он делал вид, что ничего не произошло, и на этой милой приятельской ноте вы сходились вновь? Он мастерски всё преподносит, и ты думаешь, что это твоё решение, но на самом деле твоим желанием было одно – уйти, а он тебе этого сделать не дал. Пусть и без физического насилия, но заставил принять решение, которое выгодно ему. И, судя по тому, что попытки уйти от него у тебя были неоднократно, поводов было более чем достаточно. Он искажает

твою реальность, Юля, и чем дольше ты с ним остаёшься, тем больше теряешь возможность принимать собственные решения и доверять себе.

– Всё, хватит, я больше не намерена это слушать! – закрыв уши руками, прокричала я. – Знаешь, это было большой ошибкой – рассказывать тебе о нашей семейной жизни. Ты не имеешь право в неё влезать, понятно?

– Как друг я имею право давать тебе советы.

– Не надо давать советы, пока тебя о них не просят.

– Юля, я вижу, что ты находишься в опасности. Я переживаю за тебя, потому что знаю, чем это может закончиться.

– А мне кажется, ты переживаешь только за себя, тебе настолько хочется затащить меня в постель, что ты уже даже не знаешь, каким чудовищем выставить моего мужа, чтобы я от него ушла! – со злостью посмотрев на Сергея, сказала я.

– Для того, чтобы затащить тебя в постель, вовсе не обязательно разводить с мужем! – резко произнёс он.

– Даже так, думаешь, ты уже настолько близок к успеху? – горько усмехнулась я.

– Чёрт, – выругался он, потирая виски. – Прости, я неверно выразил свою мысль.

– Нет, не надо оправдываться. Знаешь, всё это изначально было ошибкой. И хорошо, что это выяснилось сейчас. Прощай, Серёж, мне жаль, что ты потратил на мой неудавшийся съём так много времени, – закусив от обиды губу, я направилась к двери.

– Ты ищешь врага не там, Юль, он скрывается в другом отражении, – бросил он мне вслед.

Глава 12. Гитарник

«Наши отношения с Димой стали совсем иными. Они наполнились романтикой, случайными прикосновениями, долгими взглядами, моим сбивчивым дыханием и его нежной заботой.

Поначалу мне просто нравилось, что все скандалы, драки и унижения исчезли, но с каждой нашей встречей я всё меньше видела в нём просто друга и всё больше влюблялась.

Дима был мил, обходителен, внимателен, постоянно говорил комплименты и слова восхищения, он любил, как будто играючи, провести пальцами по моей руке, наклонившись, горячо что-то прошептать, убрать выбившиеся пряди с моего лица, нежно касаясь ладонью щеки.

Он дарил роскошные букеты цветов, забирая из школы под завистливые взгляды одноклассниц. Водил в дорогие рестораны, где устраивал романтические вечера со свечами и лепестками роз. Регулярно пополнял мою коллекцию украшений своими изысканными подарками.

Раньше Дима был против моего увлечения конным спортом, мы часто ссорились из-за этого, теперь он стал меня поддерживать. Он подарил настоящую жокейскую форму. Я визжала и плакала от восторга, крепко его обнимая. Он был единственным, кто приходил за меня болеть на соревнованиях, маме было некогда, папе неинтересно, а Дима не пропускал ни одного, подбадривая перед каждым выездом. И я очень это ценила.

Через пару месяцев таких ухаживаний я была в него влюблена до безумия. Я хорошо помню, как меня пронзило пробежавшим по всему телу электрическим разрядом, когда мы впервые взяли за руки, наши пальцы тесно переплелись, моё дыхание сперло, я не могла ничего говорить и только слушала, как в наших соприкасавшихся ладонях стучит моё сердце.

Мы долго ходили, просто держась за руки и обнимаясь, Дима не настаивал на поцелуе, а мне этого уже так хотелось. Однажды, гуляя по ночному городу и смотря на разведение мостов, я взглянула на его смеющиеся моей шутке губы, и мне очень захотелось их коснуться. Я потянулась к нему, но он меня остановил.

– Слишком рано, Юля, ты ещё не готова, – улыбнулся он, покровительственно поцеловав меня в лоб. – Я сам тебя поцелую, когда придёт время.

Я смутилась, расстроено покусывая губы.

С тех пор мне хотелось заслужить его поцелуй, стать лучше, взрослее, красивее для него. Я просматривала глянцевого журналы в поисках модных образов, экспериментировала с причёсками, полюбила все эти многосантиметровые каблуки и сковывающие движения платья. Перестала слушать такие нелюбимые им попсовые песни, ходить по бордюрам и рисовать на запотевших стёклах.

Наш поцелуй произошёл на крыше высотки, где Дима устроил романтический ужин с живой музыкой.

Мы сидели за элегантно сервированным столом, слушая чарующие звуки скрипки.

– Хочешь посмотреть вниз? – спросил он.

– О нет, я же так боюсь высоты, – смущённо улыбнувшись, ответила я.

– Я же буду с тобой, – он подошёл ко мне и протянул руку.

Я крепко сжала его ладонь и робко пошла следом к краю крыши.

– Юля, подойди ближе, так ты ничего не увидишь, – притягивая меня к железному ограждению, произнёс он.

– Мне страшно, – промолвила я, до боли сжав веки и вцепившись руками в железные прутья.

– Открой глаза.

Я усиленно помотала головой.

– Ты должна доверять мне, Юля, просто открой глаза и посмотри вниз, – погладив меня по волосам властно, но мягко, сказал он. – Сделай это ради меня.

Медленно выдыхая сквозь губы трубочкой, я открыла глаза и на мгновение глянула вниз в чернеющую пустоту, озарённую светом фонарей и оконных стёкол. От увиденного у меня закружилась голова.

– О боже! – произнесла я, едва не потеряв сознание.

– Моя трусиха, – рассмеялся Дима и крепко прижал меня к себе.

Мы отошли от края, я все ещё не отпускала его из своих объятий, жадно вдыхая запах дорого парфюма с рубашки.

– Я готова ради тебя на любое безумство! – пылко прошептала ему я.

– Я знаю, – довольно улыбнулся он и, наклонившись, нежно коснулся моих губ.

По моему телу волной прокатился трепет, оно так страстно жаждало его поцелуя, и, наконец, получив это, словно зажглось тысячами фейерверков. Влюблённые часто говорят про бабочек в животе, мои бабочки животом не ограничились, они порхали везде, от переполняющего блаженства кружило голову, и я с трудом осознавала, где сейчас нахожусь. Я дрожала от любви к нему и была бесконечно счастлива.

– Я люблю тебя! – вылетели из меня, перехватывающие дыхание, слова.

– И я люблю тебя, – с нежностью произнёс он, глядя меня по волосам.

– Тебе понравилось? – робко спросила я. – Я никогда этого не делала, кроме того раза на нашем балконе.

Он улыбнулся.

– Я научу тебя всему.

Он вновь коснулся моих губ, но на этот раз целовал страстно, с властной настойчивостью, я почувствовала, как его губы жадно втягивают мои, он проник языком мне в рот, скользил им по моим зубам, приятно щекоча небо. Замедлив темп, он позволил мне попробовать, я робко коснулась своим языком кончиков его зубов, наши языки встретились.

– Как прекрасно, – на выдохе произнесла я, дотронувшись рукой до своих губ в попытке удержать вкус его поцелуя.

Он довольно улыбнулся, глядя на меня, и, ласково обхватив ладонями моё лицо, произнёс:

– Ты моя девочка.

Я замирала рядом с ним, безумно любила его губы, волосы, глаза, растворялась и тонула в пучинах нашей нежности. Я была по уши влюблённым подростком, и в моих мыслях, снах, желаниях существовал только он.

Наши отношения были похожи на сказку, и в этой сказке я не заметила, как моё «я» начало крошиться по песчинкам, и я снова превращалась в маленькую, зависимую от него девочку».

После нашей ссоры с Сергеем я не появлялась в кофейне неделю. Я злилась на себя за те слова, которые ему наговорила, и на него, ведь он коснулся того, что было моей самой большой болью.

С Димой пока всё шло гладко, мы по-прежнему играли в любовь, но я не могла не увидеть наметившуюся холодность между нами, она опять возникла спонтанно и без причины, и я хорошо знала, к чему это приведёт. Поэтому облегчённо выдохнула, проводив мужа в командировку, его отъезд хоть на пару дней позволил отдалить неизбежное.

Я разместилась за столиком, не решаясь пройти в кабинет, нервно теребила салфетницу. Серёжа вышел в зал сам, встал за стойку, болтая с ребятами, я бросала на него робкие взгляды, и вот, наконец, мы встретились глазами, я стыдливо отвела свои в сторону.

– Хочешь поговорить? – спросил он, подойдя ко мне.

– Да, – облегчённо выдохнула я.

– Отлично, я тоже, – присаживаясь за столик, сказал он.

– Прости, – синхронно произнесли мы и улыбнулись друг другу.

– Я нагрубил тебе и наговорила много лишнего.

– А мне следовало выражать своё мнение менее агрессивно и навязчиво.

– Но ты от него не отказываешься?

– Нет, – он тяжело вздохнул. – Юль, я понимаю, что должен уважать твои чувства и решения, но я вижу, что ты идёшь не туда, и не могу тебя не останавливать.

– Я знаю, твои слова небезосновательны, и скорее всего ты видишь много того, к чему я уже привыкла и не замечаю. Но когда всё хорошо, так хочется побыть в этом состоянии и не думать о том, что скоро всё опять рухнет. А все эти статьи и твои слова... – я нервно сжала пальцы. – Я не хочу осознавать, что всё безнадежно.

Он молча кивнул.

– Я бы очень хотел поддержать тебя в этой вере, дать советы как что-то исправить, но...

– Но наш брак обречён, да? Он никогда не изменится? – с дрожью в голосе спросила я.

– Я чувствую себя сейчас каким-то палачом, выносящим твоему браку смертный приговор, – он шумно выдохнул. – Прости, но да.

Я тихо расплакалась.

– Юль, как бы ни было больно и тяжело признать, но ты должна это сделать ради себя, – протягивая мне салфетку, произнёс он.

– Всем доброго денёчка! – весело пробасил Стас, хлопнув Сергея по плечу.

– Почему ты всегда так вовремя, – недовольно пробурчал Серёжа.

– Юлечка, моя дорогая, вы плачете? – удивлённо воскликнул Стас, взглянув на меня. – Серёг, это ты её обидел? Ты что, охренел, заставляешь девушку плакать?

– Стас, просто пройди мимо.

– Да щас, тут вон девушка в рыданиях захлёбывается. Свет моих очей, что произошло? – сев рядом, он обхватил меня за руки.

– Всё хорошо, – быстро стёрла бегущие слёзы я. – Небольшие проблемы в семье.

– Так давайте мы их решим! Чем вам помочь? – участливо поинтересовался Стас.

– Ничего не нужно, спасибо, – грустно улыбнувшись, ответила я. – Мне Серёжа уже помогает.

– Стас, пожалуйста, – сделав взглядом жест в сторону, строго сказал Серёжа.

– Понял, понял, я тут лишний. Можно только пару вопросов? Сегодня всё в силе, в десять вечера?

– Да.

– Отлично. Юлечка, дорогая моя, вы же придёте?

– Куда?

– Сюда. Сегодня здесь будет гитарник.

– Меня никто не приглашал, – смущённо ответила я.

– Как так? Серёг, ты что такой не галантный-то? – изумлённо воскликнул Стас. – Милая моя, я вас приглашаю, приходите, даже не думайте, вам понравится.

– Я даже не знаю, что это такое.

– Душевный вечер в кругу друзей с песнями под гитару и хорошей выпивкой, – с улыбкой пояснил Стас.

– А много людей будет?

- Да нет, пара-тройка человек, – небрежно бросил он.
- Пара-тройка десятков человек, – устало произнёс Сергей. – Стас, я тебя очень прошу, давай обойдёмся без толп на этот раз? Мне в смену хватает толкучки в кофейне.
- Хорошо. Я никого не звал, кроме наших. Надеюсь, женщину я могу с собой в качестве пары привести?
- Ок.
- А на них лимит тоже распространяется или...?
- Стас! – раздражённо протянул Серёжа.
- Да ладно, я пошутил, – рассмеялся он, похлопав Сергея по спине. – Всё, побежал, чтоб вам не мешать. Юлечка, до встречи вечером, моя дорогая.
- Почему ты меня не пригласил? – робко поинтересовалась я у Серёжи.
- Честно говоря, не думал, что тебе будет интересно, и время довольно позднее, твой муж этого не одобрит.
- Порой мне кажется, ты переживаешь о моём муже больше, чем я сама, – грустно усмехнулась я.
- Просто не хочу, чтобы происходили ситуации, которые могут спровоцировать прямой конфликт и агрессивную реакцию с его стороны.
- Он уехал в командировку, вернётся только завтра днём, так что всё в порядке.
- Ты уверена? – настороженно спросил он.
- В чем, Серёж? Что он уехал? Да, я сама его проводила.
- В том, что это безопасно для тебя.
- Всё будет хорошо, Серёж, не надо за меня всё время волноваться.

Съездив домой поужинать, я вернулась в кофейню. Посетители уже расходились, а пребывающих на гитарник пока не было видно. Около стойки с Серёжей мы были вдвоём, он отвернулся к кофемашине, готовя мне латте.

Рядом со мной села эффектная блондинка, она поставила локти на стойку и, опустив на красивые длинные кисти рук подбородок, игриво произнесла:

- Самый очаровательный бариста этого города, я не нарушу ничьи личные границы, если начну безбожно вас обнимать и целовать?
- А я не буду спрашивать, – смеясь, сказала неожиданно подлетевшая к стойке крупная девушка с короткими красными волосами, она перевесилась и обхватила Сергея за плечи.
- Блин, Жека! – недовольно воскликнула блондинка, хлопнув рукой по стойке.
- Надо быть проворнее, Стасечка, – показав ей язык, произнесла та.
- Наконец-то, Жень! – радостно воскликнул Серёжа, крепко обняв. – Ты просто бьёшь все рекорды.

– Ну прости, мой дорогой, сначала месяц Бали, а потом мои мужики без меня чуть не просрали фирму, – целуя Сергея в щёчки, сказала она. – Теперь буду бывать у тебя чаще, обещаю.

– Жень, ты вообще-то здесь не единственная, так что давай, закругляйся с обнимашками, – побарабанив пальцами по стойке, требовательно произнесла блондинка.

– Ладно, милый, я тебя после ещё потискаю, а то Стася уже вся не может, – она нехотя выпустила Серёжу из объятий.

Сергей вышел из-за стойки и подошёл к сидящей рядом со мной девушке. Они, улыбаясь, посмотрели друг другу в глаза и с чувственностью обнялись.

– Как же я скучала! – крепко обхватив руками его шею, прошептала она.

– И я. – Серёжа ласково гладил её по волосам, прижимая к себе.

Я почувствовала себя неловко и отвернулась. Они приветствовали друг друга очень тепло, с нескрываемой нежностью.

Выпустив Стасю из объятий, Серёжа представил нас друг другу. Женя радостно меня поприветствовала, Стася обвела пристальным изучающим взглядом, отчего я ещё больше жалась. Женя ретировалась на кухню в поисках угощений, Стася с Серёжей ушли за стойку готовить напитки для гостей. Я выдохнула, оставшись одна, и наблюдала за ними. Стася ловко, уверенно управлялась с кофемашиной. Во всех совершаемых ею действиях чувствовалось холодное достоинство. С Серёжей они работали синхронно, постоянно обменивались взглядами, тёплыми улыбками, лёгкими касаниями. Общались, продолжая друг за друга слова, словно читая мысли. Будучи в непосредственной близости я становилась свидетелем их разговоров.

– И как ты здесь, дорогой? – поинтересовалась она, расставляя бокалы. – Всё также погряз в делах?

– Ага, и утонул в хаосе.

– Милый, ты же понимаешь, что ещё максимум год, потом ты окончательно перегоришь, и всё разлетится к чертям. Ты же не хочешь закрыться через три года работы и вложений, верно? – пристально глядя на него, спросила она.

– Я уже пытаюсь решить эту проблему.

– И, судя по всему, пока безуспешно. Тебе пора выбрать что-то одно: руководить или работать бариста. Торчать в кофейне круглые сутки, уматываясь в хлам – хреновый вариант. Ты неизбежно начнёшь косячить в такой запаре, а неудачи так сильно выбивают из колеи, и тебе так сложно из этого выбраться потом, да? – она не спускала с Серёжи глаз.

– Я справлюсь, – поцеловав её в лоб, заверил он.

Она лишь тихо покачала головой, понимая, что он её не услышал.

– Юль, ты чего будешь пить? – спросила у меня Стася. – Пора сделать тебе что-то покрепче латте.

– О нет, спасибо, мне только сок. Я не пью алкоголь вне дома.

– Почему? – внимательно меня разглядывала она.

– Такие правила, – тушуясь под её взглядом, тихо ответила я.

– Так, я не поняла, что за посторонние люди за стойкой? – радостно воскликнула подоспевшая к нам Карина.

– Инспектирую рабочее место, Джокер не выглядит как поросёнок, значит, ты сегодня отдыхала, – усмехнулась Стася.

– Блонда ты моя любимая, давай уже обниматься, – протянула раскрытые для объятий руки Карина. – Я так по тебе скучала.

– Ой, Рыжуха, ну я не могу сказать про себя того же, конечно, – рассмеялась Стася, приобнимая Карину.

– «Ты была самой лучшей девочкой в классе, ты была самой лучшей девочкой в школе»¹⁶, – громко распевая, подошёл Стас.

– Стас, – улыбнулась Стася и, развернувшись к нему, нежно обняла.

– Детка, я так скучал! – он прижал её за талию к себе и крепко чмокнул в губы.

– Это взаимно, – улыбнулась она, потрепав его щёки.

– Ну, слава богу, хоть что-то взаимное у нас есть, – рассмеялся Стас.

– Слышу знакомый бас, значит это Стас, – вернувшись из кухни, весело произнесла Женя.

Они со Стасом радостно обнялись, обменявшись поцелуями в щёчки.

– Так, опять кучкуемся, ребята? – рассмеялся подошедший с женой мужчина.

– Тёмка! – воскликнули Женя со Стасей и бросились его обнимать.

– Прости, Машунь, мы его немного потискаем у тебя, ладно? – проговорила Женя.

¹⁶ Песня группы Джизус «Девочка в классе», 2019 г.

– Без проблем, девочки, тискайте сколько угодно, я пока с мальчиками развлекусь, – раскрывая объятия для Сергея и Стаса, произнесла девушка.

Я отошла подальше, чувствуя себя лишней в суете оживлённой встречи хороших друзей.

– Классные они, правда? – спросила Карина, с улыбкой глядя в их сторону.

– Да, – улыбнулась я. – Они давно дружат?

– Со школы. Ещё есть Валя. Но его не будет, к сожалению. Он за границей живёт, редко приезжает. А Стася с Серёжей раньше встречались, пока она в Москву не переехала. И как вот они могут так тепло общаться сейчас? Я бы своих бывших прибила сразу, появись они на пороге кофейни. А ты?

– Не знаю, у меня не было бывших, – пожала плечами я.

– Ого, вообще никаких?

– Никаких. Я замужем с семнадцати лет.

– А до семнадцати ты что делала?

– Любила человека, который потом стал моим мужем.

– Офигеть! – воскликнула она. – Ну, то есть это круто, конечно, у меня мама с папой тоже с 8 класса вместе и любят друг друга вообще невероятно. Но просто это так необычно. Наверное, здорово, когда такая любовь, одна на всю жизнь.

– Всё зависит от человека, с таким, как мой муж, не очень здорово.

– Девчонки, разрешите мне к вам присоединиться? – спросила Маша. – Решила оставить «могучую кучку» наедине, им есть о чём пообщаться без меня.

– «Могучая кучка»? Это вы их так называете? – поинтересовалась я.

– Нет, это они себя так называют. Так обозвала их однажды классная, и это прозвище прижилось.

Кофейня заполнялась людьми, с большинством из них я так или иначе уже пересекалась здесь. Все тепло приветствовали друг друга, смеялись и выпивали. Вечер оживился лёгкой, дружеской, раскрепощённой атмосферой. Мы стояли, общались в тесном кругу.

– Как тут у вас обстановка, помимо завала, неадекватности захаживают? – спросила, присоединившаяся к нам Стася.

– Ну так, бывает иногда, то сексист заявится, то дикошарый какой-нибудь, – сказала Карина. – Вот на одного недавно кофе пролили. Он так орал. Юлин муж, кстати.

Я смущённо отвела взгляд в сторону.

– Карина, перестань! – одернул её Сергей.

– Нет, ну а что? Чего орать-то было так, будто ему мошонку обожгли?

– Мне правда стыдно, что он так себя повёл, – виновато произнесла я. – Простите.

– О, не надо испытывать стыд за действия другого человека, очень плохое качество, детка, – мягко промолвила Стася. – Лишь один вопрос: я смотрю на тебя и вижу дорогую роскошную жизнь. Испорченные вещи – для вас явно мелочи, тогда что же его так расстроило?

– Он просто не привык к такому, – потупив глаза, ответила я.

– К чему?

– К неидеальности.

– Оу, как интересно. Вечер приобретает новые краски, – пристально глядя на меня, произнесла она.

– Девочки, – позвал Стас, – мальчики столы сдвинули, бухлишко принесли, пойдёмте расставлять бокалы, аперитивчик и рассаживаться.

Все разошлись накрывать на столы. Я осталась у стойки, растерянно оглядываясь по сторонам. Мне было неловко от такого количества малознакомых людей рядом. Серёжа куда-то ушёл, а Карина носилась туда-сюда по залу, я собралась незаметно улизнуть и, попятившись назад, столкнулась с несшим бокалы Сергеем.

– Осторожнее, – улыбнулся он.

– Прости, – опустив глаза, произнесла я.

– Хотела сбежать, да? – спросил он, протирая бокалы около стойки.

– Да, – закусив губу, призналась я. – Кажется, я здесь лишняя.

– Сегодня, кроме тебя, новичков не будет. Но вообще у нас постоянно добавляются люди в компанию. И это нормально, поначалу чувствовать себя не в своей тарелке, всё меняется с первой выпитой кружкой и аккордами гитары. Так что, если хочешь, можешь ещё немного подождать и дать шанс этому вечеру. Кстати, апельсиновый сок для тебя я сделал.

– Спасибо, Серёж. Теперь точно придётся остаться, – улыбнулась я.

Я помогла Сергею с бокалами, и мы подошли к расположившимся за столами ребятам.

Серёжа сел между мной и Стасей, она навалилась на него, положив голову ему на плечо.

– Так, все готовы? – громко поинтересовался Стас, поднимая бокал. – Начинаем. Правила этого клуба: много пьём, безудержно веселимся, поём во весь голос. Очередная гитарная вечеринка объявляется открытой! Ура!

Ребята дружно загудели и чокнулись бокалами, я присоединилась к ним со стаканом сока. Ян с ребятами из своей группы Лёхой и Пашей заиграли незнакомые мне мелодии. Серёжа находил для меня слова песен в смартфоне. Сначала я лишь следила глазами за текстом, стесняясь звучания своего голоса, но постепенно, сперва шёпотом и робко, начала подпевать. Слова запоминались легко, и, прослушав припев один раз, я могла уже петь без необходимости подсматривать. Общая непринуждённость передалась и мне, втянувшись, я с задором распевала порой странные песни, как «Бутылка кефира, полбатона»¹⁷, грустила под «Медленную звезду»¹⁸ и предавалась воспоминаниям под «Питер, Питер...»¹⁹. Гитары передавались из рук в руки, почти все из присутствующих умели на них играть и через музыку делились чем-то своим.

Песни прерывались весёлыми историями ребят, сопровождаемыми дружным смехом. Каждому из них было, что рассказать. Я смущённо утыкалась в стакан с соком. Испытывая странное ощущение страха, как в школе, когда переживаешь, что тебя вызовут к доске, а ты совсем не выучил урок. Так и сейчас, попроси меня кто-нибудь поделиться своей историей – я бы не смогла.

– М-м-м, божественно, – в наслаждении протянул Стас, допивая очередной бокал. – Пора ввести алкоголь в кофейне на постоянной основе.

– Ни за что, – категорично отказался Серёжа.

– Ну что ты ломаешься. «Черничный пирог» у нас есть, будет «Черничный грог», – уговаривал Стас.

– А грог вообще варят из черники?

– Да какая разница? Черничного пирога в этой кофейне тоже нет.

– Кстати, почему? – робко спросила я. – Почему такое название и нет черничного пирога?

– Название пришло из фильма «Мои черничные ночи»²⁰. Он меня невероятно впечатлил, – ответил Серёжа. – Черничный пирог должен был стать нашей фишкой и быть в меню, но пока как-то не сложилось.

– Он забраковал все мои черничные пироги, – состроила обиженное лицо Диана.

– Диана, пироги отличные, к тебе претензий нет, но хочется чего-то особого. Так что пока у нас другая фишка, все приходят в «Черничный пирог» отведать этот самый пирог, а его – опа – и нет, – весело сказал Серёжа.

– Эмм... так себе маркетинговый ход, дорогой, – произнесла Стася.

¹⁷ Песня группы Чайф.

¹⁸ Песня испол. Диана Арбенина и группа Би-2, 2015 г.

¹⁹ Песня группы Белая гвардия.

²⁰ Фильм реж. Вонг Карвай, 2007 г.

– Да-да, маркетолог ты отстойный, – пробасил Стас. – Так что давай бар откроем. Хотя лучше стрип-клуб, – мечтательно вздохнул он.

– О, Рыжуха у нас знает толк в стрип-клубах, да? – рассмеялась Стася.

– Стася, блин! – покраснела Карина.

– О, чего я о тебе не знаю, детка? – заинтересовался Ян.

– Я сейчас расскажу, – живо откликнулась Стася.

– Господи, как стыдно-то, а, – закрыв лицо руками, тихо пропищала Карина.

– Началось всё с того, что мы с Кариной не ладили в кофейне с самого первого дня, – начала рассказ Стася.

– Не ладили? Да тут такие охрененные молнии летали! – воскликнул Максим. – Я думал, как бы быстрее отработать смену и свалить нафиг, пока вы друг друга не убили.

– Ну так вот, чтобы нас примирить, Серёжка устроил нам психологические тренинги, и в программу реабилитации входило совместное посещение мероприятия.

– Стрип-клуба? – удивлённо воскликнул Лёха. – Ни хрена себе у вас здесь программы психологической помощи, можно мне такую?

– Это к Стасе, пожалуйста, – рассмеялся Серёжа.

– Да, стрип-клуб – это моя идея. Он в музей нас отправил, на выставку каких-то интерактивных картин Ван Гога. Какая херня, подумала я и нашла свою программу. А Рыжуха-то об этом не знала, она как прилежная ученица в платьишке таком светленьком длинненьком припёрлась, сверху кардиганчик, балеточки. Отпад. Стриптизёры так оживились, когда увидели, решили, что я к ним целомудренную девственницу привела.

– Я думала, мы пойдем в приличное место! – пробухтела Карина.

– Зайка моя, мы в приличное и пошли, самый элитный стрип-клуб Питера, между прочим. Тётя Стася очень много денег выложила за это мероприятие.

– Так это ещё и платно? – удивлённо воскликнула Карина.

– Твою мать, Рыжуха, – рассмеялась Стася, прикрыв ладонью глаза. – Да, детка, чтобы мужики потёрлись о тебя своими красивыми телами, приходится платить. Любовь порой стоит денег, и немалых.

– Ужас какой! – вновь закрыла лицо руками Карина.

– Вот примерно такая реакция и была, когда мы туда пришли, Рыжуха как завопит: «Ой-ой-ой, ты смотри, они же почти голые!», – и вцепится в меня, зажмурив глаза. И тут я поняла, что попала прямо в яблочко. Поманила мальчика пальцем, он давай танцевать вокруг нас.

– Боже, фу, не рассказывай. Мне даже вспоминать противно.

– Что «фу»? Мальчонка сексуальный, торс охрененный. Начал он было тереться о Каринку, а она как заорёт на весь клуб: «Не подходи, а то по орехам напинаю!».

Мы все дружно рассмеялись. Карина закуталась в свои рыжие кудрявые волосы.

– Мальчик аж танцевать забыл. Но это ещё не всё веселье. Каринка отчаянная у нас, она решила посостязаться со мной в выпивке. Решили сразу по-взрослому – бронепоезд, тринадцать шотов. Но, как оказалось, Каринка ничего кроме бокальчика шампанского и вина в жизни не употребляла, представляете, как её развезло, да? Она у меня рухнула на тринадцатой под стол.

– У-у-у, бронепоезд – это жесткач. Только вы со Стасом и выдерживаете, – произнёс Тёма.

– Я его делаю, – с гордостью сказала Стася, сделав глоток из бокала.

– Да блин, ты всех делаешь и не пьянешь притом, чудо-женщина, – вдохновенно произнёс Стас.

– Годы тренировок. Я никогда не теряю над собой контроль. А вот учительские дети пить не умеют. Пришлось везти это полуживое дитя к нам. Адреса её я не знала, а она сказать была

не в состоянии. Четыре дня у нас жила, потому что нетранспортабельна была для переезда к маме с папой.

– И после этого мы подружились, – весело резюмировала Карина. – Стася так обо мне заботилась, вы бы видели!

– Конечно, заботилась, я не хотела, чтобы ты мне полквартиры переблевала. Мы так-то с Серёжкой нехило в ремонт и мебель вложились.

– Я поняла, что Стася на самом деле добрая и мягкая, – заулыбалась Карина.

– Вот про мягкость ты зря вообще, – рассмеялся Стас.

– Рыжуха просто блаженная у нас, не обращайтесь внимания, – махнула рукой Стася.

– А кто работает в этих стрип-клубах, я вообще не понимаю, – с брезгливостью поморщилась Карина.

– Ну, я там работала, – ответила Стася.

– Ты что прям занималась этим? – изумлённо воскликнула Карина.

– Чем этим, крошка? – снисходительно улыбнулась Стася. – С посетителями я не трахалась, если ты об этом. Я вообще физически никак не контактировала с мужчинами. Просто исполняла эротичный танец с пилоном в красивом нижнем белье. Я недолго там танцевала, заработала недостающие для съёма квартиры деньги и ушла. Я с детства работаю, поэтому сменила много профессий, до того как стала высококлассным корпоративным юристом.

– Но ты бы не стала это делать, будь у тебя выбор? – осторожно предположила Карина.

– Зай, он у меня был, я могла и дальше жить у Жени и Серёжи поочередно, пока их родители на сменах, работать на трёх работах и копить, но мне понравилась та красивая дорогая квартира, в нормальном районе, с офигенным ремонтом, у меня были деньги на ее съём, не хватало чуть-чуть для залога, и я нашла способ как быстро их заработать. У меня была цель получить эту квартиру, и я ее получила.

– Я вот вообще никогда не понимал, на хрена ты этим всем занималась? – недоумённо произнёс Стас. – У меня была квартира, которая тупо пустовала и использовалась для тус, ты могла бы там жить. Или снял бы тебе любую другую, я прокручивал в клубе за один раз столько бабла, сколько ты в год не зарабатывала, и мог полностью тебя содержать.

– Мне не нужны подачки, Стас. Спасибо, – холодно отрезала она.

– Это помощь, чёрт побери, Стася! – возмущённо воскликнул Стас.

– Нет, это не она. Ты всё время предлагал своё собственное решение проблем, пытаюсь меня поменять. А вот Серёжа просто шёл и помогал, хоть ему и не нравились многие мои затеи, он принимал их, какими бы безумными и необдуманными они ему ни казались.

– Ходи расклеивай я тогда с тобой объявления, всё было бы иначе? – глядя ей в глаза, спросил Стас.

– Стас, это не имеет смысла. Ты просто другой человек, вот и всё, со своим взглядом на жизнь, мы две параллельные прямые, – спокойно произнесла она.

– Ты же знаешь, у меня всегда было плохо с геометрией, так что в моей аксиоме мы всё-таки сойдёмся в одной плоскости. Кто ещё не знает, я влюблён в неё с третьего класса! – громко воскликнул Стас. – Как она пришла к нам в школу, сразу п-ф-ф, и я был сражён наповал. Она мой первый нарисованный портрет.

– Который никто не видел.

– Портреты Стаси вообще никто никогда не видел, – произнесла Женя.

– Да, включая саму Стасю, – сухо ответил Стас.

– Стас, иногда мне становится страшно предположить, что же ты там с ними делаешь. У тебя целая коллекция моих портретов, большинство из них обнажённые.

– Исключительно вдохновляюсь, дорогая. Искусство, оно здесь, – он похлопал себя по груди. – Твои портреты – мой храм, источник силы для творчества. Любому творцу нужна муза, ты – моя.

– Ладно, малыш, давай прекратим эту ванильную хрень, – мягко улыбаясь, промолвила Стася. – Это, конечно, приятно, но ты же знаешь моё к этому отношение.

– Слишком хорошо знаю, – вздохнул Стас. – Эх, ладно, пойдёмте перекурим, что ль, – хлопнув себя по карманам, предложил он.

Ребята упростили, и «могучая кучка» стала рассказывать о своих школьных годах. Я смеялась до боли в животе и, слушая их, немного завидовала, понимая, что у меня таких забавных воспоминаний о школе нет ни единого.

– А помните, как мы забор сломали на физре? – спросил Тёма. – Постоянно же с неё сбегали.

– Самый дурацкий предмет, – произнёс Стас.

– Да ладно, от физкультуры была хоть какая-то практическая польза, – сказала Стася. – Первенство бесполезных предметов занимает литература. Как вспомню эти сочинения, где изо всех сил выдумываешь, что же сакрального хотел сказать автор своим «великим» произведением.

– Но разве тебе было неинтересно погружаться в сюжет? Сопереживать персонажам, их судьбе. Узнавать философию мысли писателя? – осторожно поинтересовалась я.

– Меня мало интересует философия мысли человека, который умер столетия назад. Как и не трогают судьбы вымышленных героев. Мне в принципе и на существующих людей срать, вымри хоть большая часть человечества – я не расстроюсь. У меня есть моя стая, только за них я готова рвать и переживать. – Стася смерила меня взглядом. – А что насчёт тебя? Ты выросла на книгах, да?

– Да.

– И как они тебе? Чем-то помогли?

– Это был мой островок безопасности, где можно выдохнуть, забыть о реальности и просто помечтать.

– А не проще было поменять реальную картинку, нет? А то реальность так и будет тебя больно по башке шарихать, пока ты её не изменишь.

– Не всё можно изменить, – уткнувшись взглядом в пол, едва слышно произнесла я.

– Всё, если не искать себе оправдания. И читать поменьше меланхолических книжек, где всё только и делают, что вздыхают и страдают и всё время чем-то жертвуют.

– Разве жертвовать чем-то ради близких – это плохо? Мне кажется, в любых отношениях всегда приходится это делать, – тихо ответила я.

– В нездоровых – да, в нормальных – нет. В нормальных отношениях людям комфортно вместе и никто жертвоприношений не устраивает. Может, в 19 веке считалось крутым, любить не смотря ни на что, умирать за идеалы и прочие бла-бла, но мораль сей басни немного устарела.

– Поэтому сейчас любовь и брак, в частности, так обесценивается. Сейчас проще развестись, чем попытаться сохранить. Мне всегда казалось, что брак – это та клятва, которую ты даёшь до конца, – с грустью произнесла я.

– И хорошо, что теперь не тащат смрадный труп своего брака только из-за штампа в паспорте. Сейчас люди наоборот работают именно над отношениями, а не над обязательствами. В этом куда больше осознанности, Юль. И вообще, расставаться с людьми – это нормально. Мы же расстаемся с друзьями, когда наши пути расходятся и общности интересов уже нет. Никто не слагает по этому оды и не стреляется, хотя дружба не менее сильное чувство, чем любовь. В жизни так происходит, мы неизменно теряем людей, кого-то в силу трагических обстоятельств, кого-то просто по собственному желанию, мы растём, меняемся, и да, бывает так, что и любовь иногда исчезает, и спустя десять лет брака можно понять, что вы не подходите друг другу. И нужно просто отпустить, без разрушения себя и других. Так что всю школь-

ную программу пора давно менять, либо как минимум преподавать в другом ключе. Тогда, может, и удастся выжать что-то полезное. Вот «Героя нашего времени»²¹ можно использовать как отличное руководство по мудакам, наглядно показывает, как выглядит типичный абьюзер: обворожительный и харизматичный снаружи, и полное говно внутри. А то сейчас у нас все хором рыдают над бедным Печориным – жертвой общества и обстоятельств.

– Но всё это действительно накладывает очень сильный отпечаток на жизнь человека, – вступилась я.

– Безусловно. Отпечаток – да, свойства личности, особенности и черты характера – да. Согласна, жизнь бывает преисполнена дерьма, но поступать по-свински – это их выбор. И никаких сожалений и оправданий они не заслуживают.

– Бывает, люди ошибаются.

– Ошибиться можно, но только один раз. Два раза – уже система. К слову, о выборе, класс наш – наглядный пример. Наш друг Валя был излюбленной жертвой буллинга. Полный, скромный мальчик, абсолютно безобидный, в которого по приколу считалось плюнуть. За него заступалась наша кучка и ещё три человека, большинство нещадно травили, а горстка некоторых личностей, это моя любимая категория людей, тупо смотрела на это всё как бы ни при чём.

– Боялись, наверное, связываться, вдруг им тоже достанется, – осторожно предположила Катя.

– А заступиться можно по-разному: привести на помощь кого-то посильнее, переключить внимание кучки злобных идиотов, в конце концов, подойти и пожалеть потом человека. Вариантов тьма. Мы тоже заступались за Валу каждый по-своему. Герой наш, – она указала на Серёжу. – Сразу спешил дать в морду. Стас же хиппи в своей неконфликтности, у него «make love, not war»²² всегда, он одной своей безмятежностью всех успокаивал. А стоять, потупив глазки, – это скотство в любом случае. И их просто устраивало так поступать. Так вот, мы с Серёгой прошли через ад, но это не повлияло на нашу человечность, как тепличность Тёмы и Стаса не сделала их мудаками, коим было большинство богатеньких нашего класса. Поэтому, не надо всё спихивать на внешние факторы и видеть жертв обстоятельств там, где их нет. Конечно, общество было бы здоровее, будь поменьше дерьма вокруг, но решение, как строить свою жизнь, каждый принимает самостоятельно.

– Вальке, конечно, жутко досталось, – сочувственно произнесла Женя. – И отец – придурок, и травля эта.

– Главное, сейчас у него всё круто, поднялся гораздо выше всех этих ублюдков, – сказала Стася.

– Но всё-таки школьные годы у нас были клёвые. Можно и повторить, – задорно проговорил Стас.

– О нет. Мне хватило, – возразила Стася. – Будучи старостой, я и так постоянно за вами разгребала.

– Ой, да ладно. Как будто мы сильно косячили, – отмахнулся Стас.

– А по-твоему, слабо? Давай вспомним, например, как ты накачал Валу наркотой.

– Это было не так, – нахмурился Стас.

– Да ладно, а как? Для тех, кто не в курсе, Стас принёс в школу наркотики, раздал половине класса и Вале, больному инсулинозависимому мальчику с пороком сердца и ещё кучей проблем, который тяжело переживал развод родителей. Вспомни, что ты ему пообещал? Что все проблемы улетучатся, стоит только кайфануть. Что ничего не будет, это безопасно.

– Да я правда был уверен, что ничего не произойдёт. Это была очень дорогая дурь, я её уже пробовал и всё было круто. В тот раз мы, правда, зря намешали несколько видов.

²¹ Роман М.Ю. Лермонтова.

²² Пер. «Занимайтесь любовью, а не войной», лозунг хиппи.

– Серьёзно? Дорогая дурь? Зря намешали? Ты только из-за этого переживаешь? Чёрт, и почему за деньги нельзя купить мозги, а? – хлопнув себя по лбу, произнесла она.

– Стася, я всё осознал. Я, конечно, и сейчас могу шмальнуться иногда, но больше никогда никого не обдалбываю.

– Ещё бы ты этим занимался, Стас, – недовольно фыркнула она.

– Я многое понял, Стася, нам всем уже не по шестнадцать.

– Это прекрасно, но до своих лет ты всё равно не дотягиваешь. Мы все выросли вот так, – подняв руку вверх, произнесла она, – а ты – вот так, – она показала пальцами пару сантиметров.

– Хорошо, что ты сейчас не размер члена показываешь, а то реально было бы обидно, – грустно усмехнулся Стас.

– А что с Валею в итоге было? – спросил Ян.

– Валя неделю в реанимации провёл и ещё месяц в больнице. Можно сказать, повезло, и все отделались лёгким испугом.

– Вот вообще не лёгким, Стася, – возразил Тёма. – Я реально больше не употреблял дурь никогда и алкоголь с сигаретами бросил после этого случая, да и сейчас пью только по случаю наших сборищ и редких праздников. А тогда я вообще не знаю, каким местом мы думали.

– Да никаким, Тём. Думай вы жопой, результат был бы поинтереснее. Мы с Женей сидели потом и гадали, мальчики только в 16 все настолько дебилы или это в принципе никогда не лечится?

– Подождите, а что Серёжа тоже принял наркотики? – удивилась Карина.

– Они тебя прям идеализируют, дорогой, – улыбнулась Стася.

– Да, тоже, – смущённо теребя свои волосы, ответил Серёжа.

– В оправдание этого парня скажу, что среди кайфующих во дворе его не было. Сперва Серёжка вместе с нами разгребал последствия этой вечеринки. Он помчался с Валею на такси в больничку, благо мама его работала в многопрофильной клинике в квартале от школы. Мы с Женей горстку кайфующих распахали по такси, и она повезла их на квартиру Стаса. Пока я перед учителями сочиняла историю, где же лучшая часть класса. Приезжаю я в больницу, Серёжа трубку не берёт, звоню его маме, она встречает меня в приёмном и ни слова не говоря заводит в кабинет, а там лежит этот охрененный чувак, – похлопав Сергея по плечу, произнесла Стася, – с капельницей, и тоже под кайфом. Короткая и ёмкая фраза «пиздец» выразила нашу с ней общую мысль.

– Серёг, ты захотел присоединиться к веселью? – смеясь, поинтересовался Ян.

– Лучше бы так, это было хотя бы логично, – хлопнув себя ладонью по лицу, проговорил он.

– О да, знаешь, в этом была бы херовая, но логика. А тут же нет. Он просто поругался с мамой, она сказала, что сдаст всех его друзей, и пусть у них жизнь будет в клеточку, и наш герой не нашёл ничего лучше, чем отобранные у Стаса наркотики принять, ну типа, раз всех сдашь, то и меня давай вместе с ними. Я притом её прекрасно понимаю и понимала тогда, привезли к тебе умирающего подростка под кайфом. И просят: «Ну ты это, не сообщай его родителям и вообще друзей моих не сдавай, подговори коллег молчать, подделай бумаги». Ребят, чтобы вы понимали, это вообще-то статья. А тут ещё к тому же твой сын этим самым кайфом накачался. Бинго просто. Орала она, конечно, – жесьть. Я выслушала за всех тогда, и мысль: «не осталось ли дури, чтоб мне тоже шмальнуться», – промелькнула и у меня, потому что мама Серёжи никогда не стесняется в выражениях и нагнетании ситуации.

– Какой весёлый класс, а, ребят, – рассмеялся Максим.

– Очень.

– В итоге всё замяли, да?

– Конечно, замяли, в общем-то как всегда происходит со Стасом. Богатый влиятельный папочка кошельком испуляет все его грешки, – усмехнулась Стася.

- Перестань, я не просил об этом отца, – хмуро проговорил Стас.
- Но ты и не сопротивлялся, просто не захотел брать на себя ответственность в очередной раз.
- Ладно, давайте уже лучше песню, – предложил Лёха.
- Серёг, ты ещё сегодняшний вечер не разбавил. Дерзай, – протягивая гитару, произнёс Ян.
- Нет, я сегодня пас, – помотал головой он.
- Н-у-у-у, – послышалось недовольное гудение.
- Ну биг босс, ну пожалуйста, – упрашивала Карина.
- Дорогой, не ломайся, девочки ждут, – нежно потрепала его по волосам Стася.
- Ребят, я не настроен сегодня.
- Вот Юля вообще ни разу не слышала, как ты поёшь и играешь, правда, Юля? – ища в моих глазах союзника, спросила Карина.
- Да, и мне бы очень хотелось послушать, – взглянув на Серёжу, с улыбкой проговорила я.
- Ладно, давайте сюда, – вздохнув, произнёс он.
- Он взял гитару, его кисть уверенно расположилась на грифе, и пальцы заиграли тонкие, мелодичные аккорды, парящие, словно дыхание. Он запел мягким тёплым голосом. Это была лирическая песня о любви, и я чувствовала в ней отголоски своей истории.
- Когда он закончил играть, я быстро смахнула невольно вырвавшуюся из моих глаз слезу.
- Ты сам это сочинил? – поинтересовался Ян.
- Нет, конечно, нет, это Глен Хансард и Маркета Ирглова из фильма «Однажды»²³.
- А, опять твои странные фильмы, – скучающе протянул Стас.
- Ребят, я думаю, нам пора расходиться, почти три часа ночи, мне открывать смену завтра в восемь, – вставая, произнёс Сергей.
- Ну как всегда. Кто не насиделся – предлагаю дотусить у меня дома, – пригласил Стас.
- Я тихонько вышла из-за стола и села на своё любимое место возле стойки, задумчиво разглядывая стакан.
- Он охрененный, – запрыгнув на стойку, произнесла Стася.
- Что, прости? – недоумённо на неё посмотрев, спросила я.

²³ Фильм реж. Джон Карни, 2007 г., песня – саундтрек Falling Slowly

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.